И
30
180.

БАРОНЪ МИХ. ФЕРД. ТАУБЕ.

И 30
180

СВОДЪ

ОСНОВНЫХЪ ЗАКОНОВЪ

МЫШЛЕНІЯ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1909.

БАРОНЪ МИХ. ФЕРД. ТАУБЕ.

II 30
180.

СВОДЪ
ОСНОВНЫХЪ ЗАКОНОВЪ
МЫШЛЕНІЯ.

ЛОГИКА.

ПСИХОЛОГИКА.

МЕТАЛОГИКА.

ПЕТРОГРАДЪ.
1909.

2007041338

Сводъ основныхъ законовъ мышленія.

ЛОГИКА.

ПСИХОЛОГИКА.

МЕТАЛОГИКА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Славянофильство, какъ богословско-философско-научное ученіе восточнаго греко-славянскаго просвѣщенія, въ отличіе отъ романо-германской цивилизаціи, складывается въ сложное, но стройное, построеніи или укладъ (систему).

Славянофильство въ своемъ міровоззрѣніи, жизнепониманіи, познаніевѣдѣніи (гносеологіи) и вѣроисповѣданіи рѣзко отличается отъ всего круга знанія и вѣрованія западноевропейской культуры. Оно, какъ особое и обобщенное тѣло познанія (организмъ) представляетъ собою художественное, прекрасное и мощное построеніе, полное чарующей простоты, соразмѣрности (гармоніи) и всеединства.

Славянофильство, какъ маякъ, освѣщаетъ пути мірового просвѣщеннаго движенія, какъ свѣточъ пре-

дохраняетъ и предостерегаетъ ученыхъ и неученыхъ, исповѣдниковъ и невѣровъ, творцовъ и подражателей, не сбиваться на ложную торную дорогу атеизма, матеріализма, скептицизма, спиритизма, оккультизма и иныхъ плодовъ распрославленной и растлѣвающей цивилизаціи.

На неопредѣленной дали неуясненнаго вѣдѣнія храмъ славянофильскаго любомудрія рѣзко очерчивается прежде всего своими блестящими главками и золотыми крестами. То—цвѣтъ и плоды мудрости православнаго мышленія. Свѣтлые, высокіе купола славянофильскаго построенія бросаются въ глаза далеко до приближенія къ крѣпкимъ, устойчивымъ стѣнамъ съ большими, свѣтлыми окнами и широкими, богато-убранными входами. Подземные твердые устои и коренныя основы скрыты отъ взора наблюдателя самимъ материкомъ, надъ которымъ возвышается это роскошное зданіе. Краеугольные камни основанія нужно нарочито раскопать изъ-подъ спуда, прилежно и тщательно изучить, дабы убѣдиться въ прочности, основательности и вѣковѣчности самаго храма.

Творческое построеніе ученія славянофильскаго складывалось исторически съ верховъ. Изложеніе-же сего ученія, наоборотъ, для убѣдительности и доказательности слѣдуетъ начать съ низовъ, которые углублены въ нѣдрахъ основныхъ и начальныхъ законовъ мышленія.

Къ числу коренныхъ отдѣловъ славянофильской философіи относится главнымъ образомъ раскрытіе свойствъ и сторонъ самаго **вѣдѣнія**. *Этотъ отдѣлъ*

познаніевѣдѣнія *(гносеологіи) разработанъ славянофильствомъ подробнѣе и тоньше многихъ другихъ. Ни категорика (ученіе о высшихъ опредѣленіяхъ), ни систематика (ученіе о соразмѣрныхъ распорядкахъ), ни остальные отдѣлы философіи не изучены славянофильствомъ такъ подробно, какъ ученіе о границахъ и свойствахъ познанія. Скажемъ болѣе: безъ этой необходимѣйшей части не существовало-бы самого славянофильскаго любомудрія, какъ отдѣльной философской науки. Но основныхъ логическихъ законовъ первые славянофилы не коснулись или, если коснулись, то только слегка. А какъ начать излагать новое ученіе въ полнотѣ и стройности, если не опредѣлить заранѣе законовъ, на которые оно опирается и отъ которыхъ оно происходитъ.*

По своей исполинской обширности и всеобъемному обхвату славянофильство не можетъ удовлетвориться и ограничиться тремя или четырьмя законами элементарной и къ тому-же исключительно формальной логики Аристотеля. Поэтому, задаваясь цѣлью изложить философію по славянофильству, въ строгомъ порядкѣ и цѣльности, мы начнемъ нашу работу сводомъ основныхъ законовъ мысли, поскольку онъ необходимъ для обоснованія всего движенія славянофильскаго просвѣщенія, и установимъ образецъ и построеніе этихъ законовъ.

Сіе основное построеніе законовъ мысли и будетъ служить намъ для дальнѣйшихъ постановокъ всякихъ укладовъ, но онѣ не будутъ безпочвенны, а, наоборотъ, обоснованы на точныхъ и незыблемыхъ

законахъ самой мысли. При этомъ постараемся наше изложеніе и даже построеніе выразить, для большей отчетливости и опредѣленности, числовыми и геометрическими (математическими) образами, какъ выражалъ, хотя рѣдко, но всегда весьма удачно, самъ великій Хомяковъ.

1 ноября 1908 г.

Вступленіе.

1 октября 1908 г.

Логика древняго классическаго міра и эллинскаго генія (дарованія) опредѣлилась окончательно и въ полнотѣ въ философіи великаго Аристотеля. Она, основывая свою мыслительную дѣятельность на выводахъ изъ совершенно опредѣленныхъ точныхъ логическихъ началъ, есть, собственно говоря, логика выводная и образцовая (дедуктивная и формальная) и пользуется исключительно познавательными силами разсудка (Ферштанд' а), а потому является логикою раціоналнзма по преимуществу. Силы разсудка направлены главнымъ образомъ на расчлененіе мысли. Разсудокъ аналитическаго, а не синтетическаго свойства. Но такая элементарная, формальная, дедуктивная, аналитическая логика раціонализма, т. е. начальная, образцовая, выводная, расчленяющая логика разсудочности, не въ силахъ обнять всей полноты мыслительной работы, ибо, 1) кромѣ своей дѣятельности посредствомъ дедукціи, или *вывода*, изъ предметовъ постояннаго мышленія, разуму (Ферштанд' у) дана способность мыслить еще во вторыхъ и *наведеніемъ* о предметахъ перемѣннаго свойства, т. е. индуктивно и

эволюціонно, и наконецъ еще и въ третьихъ *сосредоточіемъ* на переломахъ нововозникновенія прерывнаго мышленія. Выводная логика утверждаетъ достовѣрность самаго хода мыслительныхъ соображеній, не заботясь о достовѣрности общихъ положеній, на основаніи коихъ дѣлаетъ она свои правильныя заключенія. Наводная логика, наоборотъ, черпаетъ свои основанія изъ отдѣльныхъ, частныхъ, опытныхъ явленій и событій *) жизни и пытается наведеніемъ связать ихъ въ общее положеніе. Она психологическаго свойства, ибо безъ участія другихъ способностей души, безъ воли и чувства, обойтись не можетъ.

Аристотель съ величайшею точностью опредѣлилъ свойства и признаки несомнѣнной достовѣрности хода мыслительнаго вывода, дѣлаемаго изъ опредѣленныхъ заранѣе данныхъ или началъ, но не разрѣшилъ, въ чемъ заключается достовѣрность этихъ началъ, гдѣ ихъ искать и какъ, и откуда надлежитъ ихъ пріобрѣсти. Впрочемъ, въ самомъ концѣ своихъ изысканій Аристотель дѣлаетъ нѣкоторый намекъ, что таковыя пріобрѣтаются наведеніемъ, что называется нынѣ индукціей.

„Органонъ“ Аристотеля, т. е. совокупность его сочиненій по логикѣ (аналитика, топика, категорика, статьи объ истолкованіяхъ и др.) дѣйствительно не даетъ намъ всей полноты законодательности логической науки. „Новый Органонъ“

*) Слово «событіе» означаетъ со—бытіе, т. е. соборность бытія.

Бэкона Веруламскаго, по глубокому убѣжденію самого составителя, долженъ былъ восполнить эту неполноту, но тщетна была его излишняя самоувѣренность. Его новый способъ индуктивнаго сужденія и весь его „Новый Органонъ“ есть опять-таки только одна, и то не строго логическая, сторона познанія или частичка общей полной логики, да притомъ той части, достовѣрность которой утверждается не исключительно на мышленіи, а еще и на такомъ шаткомъ основаніи, какъ свидѣтельство нашихъ грубыхъ пяти чувствъ, необходимыхъ для собиранія опытныхъ данныхъ самой индукціи.

До сихъ поръ всей своей цѣлокупности общая научная логика не достигла, да и законы мышленія далеко еще не установлены во всей полнотѣ.

Разработка ученія о выводахъ (теорія дедукціи) опредѣляетъ черты и свойства уклада математическаго мышленія. Разработка ученія объ опытныхъ началахъ (теорія индукціи) даетъ возможность логикѣ опредѣлить черты и свойства разумныхъ укладовъ (системъ) наукъ физическихъ и жизненно-душевныхъ явленій, но ни та, ни другая логика (иначе части или стороны общей логики) рѣшительно не въ силахъ опредѣлить черты и свойства ученія о достовѣрности предѣльныхъ основъ самаго изначала и установить уклады нравственныхъ (этическихъ) и духовныхъ (пневматическихъ) познаній.

Эта сторона логики до настоящаго времени не только не выработана, но почти и не почата.

Образцовая начальная логика разсудка и психологическая логика разума или, какъ мы склонны назвать, „*психологика*“ перемѣнныхъ предметовъ мышленія, лишь намекаютъ, и то рѣдко и издалека, что должна существовать и третья логика предѣльнаго духа: таковая и есть логика предѣловъ перемѣнныхъ непрерывныхъ и прерывныхъ, но рядовыхъ возростающихъ или убывающихъ самотожественныхъ постоянныхъ. Эта новая логика—сверхъ эволюціоннаго развитія, ибо предметомъ ея служитъ предѣлъ, къ которому стремится эволюція; она—логика свободнаго творческаго почина и новообразованія, которые основываются на достовѣрности нѣкоторыхъ, не только логическихъ, но и метафизическихъ подположеній. Посему мы будемъ называть ихъ законами мышленія исходноначальнаго или аксіомами предѣльнаго постиженія.

Новую сію логику метафизическаго строя со своими особыми метафизическими законами мышленія чисто догматическаго свойства, т. е. логику, которая черпаетъ свою достовѣрность въ опытѣ внутреннихъ духовныхъ силъ,—мы назовемъ пневмалогикой, иначе *логикой духовнаго* или просто „*металогикой*“ (по соотвѣтствію своему съ метафизикой).

Такимъ образомъ выступающія совершенно отчетливо три ступени, или возвышенія, логическаго мышленія (предметнаго, душевнаго и духовнаго) отмѣчаютъ въ общей логикѣ три отдѣльныя коренныя части: 1) *логика* разсудочнаго

свойства съ постоянными отограниченными предметами мышленія области вещества и статическихъ явленій; 2) *психологика* разумнаго свойства области развитія и роста динамическихъ и психическихъ явленій и непрерывно перемѣнныхъ предметовъ мышленія; и 3) *металогика* (пневмалогика) генетическаго творчества умнаго или духовнаго свойства третьей области, а именно міра предѣльныхъ новообразованій, какъ изначальнаго почина, такъ и предѣльнаго сверхконечнаго довершенія.

Каждая отрасль трехъ силъ логикъ обосновывается на собственныхъ своихъ простѣйшихъ положеніяхъ (аксіомахъ). Эти починные неоспоримые законы—чисто наглядная свойства и ихъ-то непосредственно, по самоочевидности, нужно признать за достовѣрныя и незыблемыя начала.

Установка сихъ основныхъ законовъ трехъ сторонъ логикъ, опредѣленіе ихъ взаимнаго соотношенія и ихъ построенія—составляютъ задачу настоящаго изслѣдованія.

„Координація всякаго практическаго познанія опирается на теоретическія предпосылки. Нѣтъ познанія безъ предпосылокъ теоріи познанія, координирующей матеріалы знанія въ систему. Избрать хорошую теорію познанія значитъ намѣтить себѣ хорошій путь получать знанія. Возможныхъ теорій познанія много, и въ выборѣ той или другой теоріи познанія, какъ въ выборѣ пути, играетъ роль **ВОЛЯ**, которая, такимъ образомъ, участвуетъ въ познавательномъ процессѣ“ *).

Проф. П. А. Некрасовъ.

---

*) „Московская Философско-математическая школа и ея основатели стр. 14“.

ГЛАВА I.

Предварительныя понятія.

Къ числу предварительныхъ понятій общей логической науки, безъ опредѣленія которыхъ намъ нельзя обойтись для яснаго изложенія и точной постановки новаго отдѣла логики, принадлежатъ нижеслѣдующія:

1) Что есть логика вообще?

2) Что есть мышленіе?

3) Что есть законъ логики и мѣрность мышленія?

1. Что есть логика? *Логика есть ученіе или наука о пріемахъ и законахъ мышленія, т. е. такого умственнаго представленія, которое сохраняетъ постоянно закономѣрное согласованіе всего своего содержанія въ общей связи и цѣльной полнотѣ, и притомъ выражено словомъ.* Логика есть цѣлокупное ученіе о содержаніи высказанной мысли и наука закономѣрныхъ образовъ (формъ) мышленія. Если опредѣлить логику по предмету ея изслѣдованія, то логика есть наука о началахъ очевидности истины и о научныхъ способахъ выраженія этой очевидности, достовѣрности и общезначимости. Грубо выражаясь, логика даетъ технику достовѣрнаго мышленія и установляетъ

его критеріи или мѣрила; выражаясь болѣе тонко: она есть ученіе о художественномъ и образномъ выраженіи мышленія на основахъ соразмѣрности (гармоніи) и единства многообразія. Опредѣляя широко:

Это ученіе есть вообще наука о законахъ познанія, выраженнаго словомъ.

Приведемъ къ этимъ общимъ разъясненіямъ нашимъ нѣсколько опредѣленій логики иныхъ русскихъ мыслителей, для подтвержденія и отчасти для подкрѣпленія сдѣланнаго нами выше разъясненія, что есть логика.

Такъ русскій ученый начала 19-го столѣтія **Лодій** свою логику назвалъ „Логическими наставленіями, руководящими къ познанію и различенію истиннаго отъ ложнаго.

Проф. Карповъ (1856). Логика есть наука, показывающая, какія формы можетъ принимать мышленіе при всякой данной матеріи, чтобы потомъ видѣть, какія изъ возможныхъ формъ оно должно принять въ извѣстномъ случаѣ, согласно съ направленіемъ силъ души, стремящихся познать какой-нибудь предметъ и проявить свое познаніе о немъ.

М. Владиславлевъ (1881) просто опредѣляетъ логику, какъ науку о пріемахъ мышленія.

М. Троицкій (1886). Логика есть наука о наукѣ,—именно о началахъ очевидности и о научныхъ способахъ или методахъ ея достиженія.

Б. Чичеринъ (1894): „Логика есть наука о мышленіи (также опредѣлилъ и Свѣтилинъ). Она, про-

должаетъ Чичеринъ, опредѣляется, какъ наука, а не какъ искусство, ибо искусство есть практическое приложеніе науки, предполагающее послѣднюю, какъ свое основаніе.

Логика опредѣляется, какъ наука о мышленіи, а не какъ наука о познаніи истины, ибо хотя познаніе истины составляетъ высшую ея цѣль, однако логическія формы и законы относятся не къ одному познанію: ими опредѣляются и практическая дѣятельность, и самыя созданія воображенія“ *).

Итакъ, логика, будучи, по общему опредѣленію, наукою о пріемахъ и законахъ мышленія, принадлежитъ къ числу познавательныхъ укладовъ, а потому вполнѣ зависитъ отъ психической полноты познавательныхъ способностей, которыми одаренъ человѣкъ. По этой причинѣ Чичеринъ и утверждаетъ, что она составляетъ часть психологіи въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. науки о разныхъ способностяхъ и дѣятельностяхъ человѣческой души.

„Однако, продолжаетъ онъ, логика, имѣетъ и самостоятельное значеніе. Психологія исходитъ отъ явленій и старается раскрыть управляющіе ими законы; логика-же имѣетъ свои безусловно достовѣрные начала и законы, которые не добываются путемъ наблюденія, а сознаются непосредственно разумомъ и служатъ руководствомъ для самаго наблюденія. (Стр. 12—13)“.

*) Не вполнѣ дословный пересказъ.

2. Что есть мышленіе? *Мышленіе есть одна изъ трехъ душевныхъ способностей, назначеніе которой связывать все внѣшнее предметное (объективное) съ нашимъ сознающимъ «я» и производить отвлеченные выводы, облекая ихъ въ словесныя выраженія.*

Для признанія правильности сего опредѣленія слѣдуетъ предварительно убѣдиться въ дѣйствительномъ существованіи въ нашей душѣ трехъ отличныхъ другъ отъ друга способностей: мыслить, сознавать (чувствовать) и волить. Эта задача принадлежитъ психологіи. Рѣшеніе вопроса, что есть мышленіе, связываетъ психологію съ общей наукой мысли и познанія,—ноэтикой, часть которой и есть логика. Психологія стремится обосновать составность человѣка на наблюденіяхъ, на опытахъ и самоопытѣ (самоиспытаніи), и плодомъ этихъ домоганій въ ней слагается увѣренность въ существованіи трехъ областей познанія: внѣшняго вещества, личнаго душевнаго и внутренняго духовнаго.

Но и психологія подчасъ прибѣгаетъ къ ноэтикѣ за помощью, именно въ томъ случаѣ, когда приходится утверждать, что сознаніе можетъ усматривать во внѣшнемъ только тѣ стороны бытія, которыя открываются ему по силѣ и способностямъ мышленія. Мы полагаемъ, что рѣшеніе вопросовъ о тройственности души, о трехъ областяхъ познанія, даже о трехъ сторонахъ мышленія (умъ, разумъ, разсудокъ), о трехъ сторонахъ сознанія (подсознаніе, самосознаніе и сверхсозна-

ніе) и о трехъ сторонахъ воли (желаніе, хотѣніе и изволеніе) съ полною достовѣрностью можно получить только при совокупномъ взаимномъ содѣйствіи всѣхъ частей познанія. Здѣсь же приходится не защищать ту или иную психологію, а выбирать то психологическое ученіе о мышленіи, которое по цѣльности своей мы должны признать за правильное и котораго будемъ держаться для нашей установки полноты уклада законовъ мысли, въ соразмѣрности и цѣлокупности.

Подъ *познаніемъ* вообще мы понимаемъ *связь* нашего сознающаго „я“ съ внѣшнимъ. Кто совершенно не признаетъ внѣшняго (солипсистъ), тотъ вполнѣ устраняется отъ работы мысли, онъ можетъ только голословно признавать всѣ плоды своего познанія, и то для одного себя, ибо все въ немъ только лично и внѣ его нѣтъ никого и ничего, такъ какъ „не личное“ для него не существуетъ. Мы же безспорно полагаемъ, признаемъ и утверждаемъ, что есть три области взаимно-отдѣльныя, но послѣдовательно-связныя: внѣшняя, личная и внутренняя. Средняя область сама по себѣ очевидна, и она намъ необходимо и неизбѣжно нужна. Будемъ-ли ее отрицать? Что-же выйдетъ? Признаемъ на время существованіе только двухъ— внѣшней и внутренней. Онѣ обѣ одна другую начисто отрицаютъ и исключаютъ, а потому ни одна другую не могла бы познать, ни первая вторую, ни наоборотъ, т. е. не было бы самого мышленія. Иначе говоря, вычеркивая среднюю область, мы бы уничтожили самихъ себя, какъ лицъ (субъектовъ)

познающихъ. Для познанія сихъ двухъ областей требуется связь обѣихъ противоположныхъ въ средней — личной. Само мышленіе не есть ни внѣшняя для насъ область *снаружи*, ни также внѣшняя *извнутри* (просто ни внутренняя), а есть связь всякаго внѣшняго (наружнаго или внутренняго, все равно) съ личнымъ сознаніемъ.

Для полноты картины изобразимъ нашъ взглядъ на соотношеніи трехъ сторонъ личнаго душевнаго: мысли, сознанія и воли. Мысль проводитъ внѣшнее въ личное сознаніе; сознаніе оцѣниваетъ и переоцѣниваетъ, будучи силою сосредоточенною, и, переработанное въ своемъ сознаніи, воздѣйствуетъ на наружу силами воли.

Мы нарочно говоримъ сосредоточенное вмѣсто внутреннее, ибо для сосредоточенности само внутреннее представляется отдѣльнымъ—внѣшнимъ, хотя-бы извнутри, а не снаружи. Связь личнаго съ внутреннимъ, ему не принадлежащимъ, устанавливается не обычною стороною мысли, а ея отдѣльнымъ приспособленіемъ, которое можно для наглядности назвать духовною мыслью (вѣрою). Уже теперь безспорно явствуетъ, что и въ самой мысли есть разныя стороны и обособленности. Сторону мысли, обращенную къ области внѣшняго вещественнаго бытія, мы, согласно общепринятому, называемъ *разсудкомъ* (Ферштанд). Мысль, сосредоточенную въ сознаніи лица, именуемъ по Канту *разумомъ* (Фернунфт). Сторону мысли, обращенную къ внутреннему (связь личнаго съ тѣмъ, что извнутри исходитъ и что

для личнаго постороннее), принято называть духовнымъ разумомъ или *умомъ* (νοῦς). Этого слова не хватаетъ у нѣмцевъ; русскіе придумали его для нѣмцевъ, а именно „Нунфт“ (Nunft), образовавъ его по подобію происхожденія слова „ума“ изъ „разума“.

Разсудокъ, разумъ и *умъ* — вотъ опять три силы мышленія, которыя связываютъ личное „я“ съ вещественнымъ внѣшнимъ, съ сознающимъ въ глубинѣ самосознанія сосредоточеннаго и съ духовнымъ извнутри постороняго. Тутъ нужно обратить вниманіе, что само сознаніе, какъ-бы отдѣляя себя отъ самого себя, свою сосредоточенность отъединяетъ. Безъ этого внутренняго отограниченія въ сознаніи самого самосознанія не существовало-бы, и не было-бы также возможности передать словесно мыслительную работу самаго сознанія. Въ противномъ случаѣ мысль передавала-бы внѣшнее во внутрь очага неуяснен-наго сознанія, но оно (сознаніе) обнаруживало-бы свое внутреннее во внѣшнемъ не понятіями мышленія, сужденія, умозаключенія, выраженными словомъ (по невозможности человѣку, лишенному самосознія, мысленно отдѣлить ихъ отъ себя), а только дѣйствіями;—такова участь безсмыслен-ныхъ и безсловесныхъ животныхъ.

Не давая болѣе подробнаго изображенія хода и развитія мышленія, ибо это есть задача психологіи, мы ограничиваемся чисто догматическимъ опредѣленіемъ, что есть мышленіе: *мышленіе есть та сила души, которая связываетъ все внѣш-*

нее сознаваемое и внутреннее духовное съ нѣдромъ самосознанія и, соотвѣтственно тремъ сторонамъ соприкасанія, порождаетъ мысль (т. е. плодъ мышленія) *разсудочную, разумную и духовноумную.*

Тройственность мышленія и мысли находится въ зависимости отъ трехъ сторонъ дѣйствительнаго бытія: бытія существующаго (видимый міръ), бытія существеннаго (существованіе личнаго) и бытія сущаго (существованіе духовно-предѣльнаго лица).

Тройственность есть главное свойство обособленности частей мышленія. Но тройственность мышленія не есть причина нашего дѣленія бытія на міръ вещественный, душевный и духовный, и тройственность бытія не есть причина трехсторонности мышленія, а эта тройственность бытія и силы мышленія разсудка, разума и ума есть фактъ дѣйствительности, обнаруженный мыслью, наблюденіемъ, самонаблюденіемъ и самоуглубленіемъ. Реальность и фактичность, т. е. дѣйствительность и существенность мышленія заключаются въ ея тройственной силѣ: ума, разума и разсудка.

Мышленіе дѣйствуетъ не произвольно, а закономѣрно, ибо само есть дѣйствительность существующаго, а все дѣйствительное подчиняется постоянному незыблемому закону. Всему дѣйствительному дана мѣра, и такая-же мѣра должна быть свойственна мышленію, такъ какъ часто само оно занимается оцѣнкою и переоцѣнкою и само оно служитъ мѣрою.

Чтобы понять вліяніе и значеніе мышленія въ жизни человѣка, нужно уяснить, чѣмъ обнару-

живается само дѣйствіе связыванія внѣшняго съ сознаніемъ. Пока мышленіе не отдѣлило себя и мыслящаго „я“ отъ предмета мышленія, самого дѣйствія—мышленія еще нѣтъ, ибо нечего и связывать. Значитъ первое проявленіе мышленія—*отдѣленіе* и *распредѣленіе*. Въ объектѣ или внѣшнемъ предметѣ, въ силу первой способности отограничиваться и отограничивать (опредѣлять), внѣшнее мышленіе распредѣляетъ его признаки, и въ такомъ разобранномъ видѣ передастъ его сознанію, что и будетъ вторымъ дѣйствіемъ—*сосредоточиваніемъ*. Изъ многихъ сходныхъ и тождественныхъ предметовъ, переданныхъ мышленіемъ сознанію,—мышленіе собираетъ и связываетъ ихъ въ общія понятія и такое дѣйствіе называется *сочетаніемъ* или *согласованіемъ*.

Итакъ, три дѣйствія мышленія: *раздѣленіе* или, какъ его называетъ Чичеринъ, *отношеніе*, *сосредоточіе* (сведеніе и объединеніе) и *сочетаніе*—вотъ тѣ коренныя дѣятельныя производства, кои свойственны мышленію вообще и кои обнаруживаются всегда, когда мышленіе на что-либо воздѣйствуетъ. Средства выраженія мышленія ограничены категоріями, а именно, мѣрою, временемъ и пространствомъ, и это „мѣро-часо-мѣсто“ есть необходимая оболочка самого мышленія. Въ содѣйствіи другихъ силъ души, мышленіе можетъ возвышаться до духовныхъ силъ познанія, вѣромыслія или чистой вѣры. Таковы природа и свойства мышленія, кратко изображенныя.

3. Что есть законъ логики и мѣрность мышленія.

Дадимъ сперва краткое опредѣленіе тому, что принимаемъ мы за законъ мысли.

Законъ логики, или мысли, есть выраженіе опредѣленныхъ требованій разума для постояннаго неизмѣннаго образа воздѣйствія силъ мышленія, во всѣхъ случаяхъ своего проявленія. Правила мѣрной дѣятельности мышленія, т. е. правило 1) изначальнаго логическаго возникновенія, 2) законнаго послѣдовательнаго развитія и 3) закономѣрнаго довершенія, принято обыкновенно выражать краткими *положеніями*. Ихъ до сихъ поръ насчитываютъ весьма ограниченное количество и ихъ именуютъ различно: аксіомами, общими понятіями, началами мышленія, подположеніями и наконецъ просто законами. Слово аксіома принадлежитъ Аристотелю, и о немъ онъ говоритъ такъ: „Предложеніе, которое не подлежитъ разъясненію и доказательству, но которое должно быть извѣстно, чтобъ узнать что нибудь посредствомъ доказательства, я называю аксіомою".

Общія понятія (словообозначеніе Эвклида), или аксіомы, суть предложенія, которыя могутъ быть доказуемы, хотя по своей очевидности и не нуждаются ни въ какомъ доказательствѣ.

Существуютъ, пишетъ Лейбницъ (Любницъ) познавательныя начала, которыя вліяютъ на наши разсужденія такъ-же постоянно, какъ практическія начала вліяютъ на наши хотѣнія.

Всѣ люди примѣняютъ, напр. посредствомъ естественной логики, правила вывода, не сознавая ихъ. (Nouv. Ess., V, pages 83—85).

Люди пользуются также законами умозаключеній, слѣдуя спутанному познанію и какъ бы по инстинкту, а логики указываютъ на основанія этихъ умозаключеній; равнымъ образомъ математики представляютъ основаніе того, что дѣлается безъ всякой мысли, когда ходятъ или прыгаютъ. Нельзя, пишетъ Любницъ (Лейбницъ), противопоставлять аксіому и примѣръ, какъ различныя истины; на аксіому нужно смотрѣть какъ на такое положеніе, которое воплощается въ примѣрѣ и дѣлаетъ его истиною.

„Изъ познавательно-теоретическихъ инстинктовъ Лейбницъ, (пишетъ пр. В. С. Серебренниковъ въ своей прекрасной книгѣ „Лейбницъ и его ученіе о душѣ человѣка“ стр. 255), выдѣляетъ два главныхъ инстинкта, которые, съ точки зрѣнія разума, являются основными законами мышленія, именно, законъ а) тожества, отрицательною формою котораго служитъ законъ противорѣчія, и б) достаточнаго основанія. „Всѣ люди, замѣчаетъ Лейбницъ, въ сущности признаютъ и каждую минуту пользуются принципомъ, напр., противорѣчія, но не сознаютъ его отчетливо“. Первый изъ этихъ инстинктовъ побуждаетъ насъ отыскивать всюду тожество и признавать за истину лишь то, что не заключаетъ въ себѣ противорѣчія или находится въ согласіи съ самимъ собою, т. е. является возможнымъ. Подъ вліяніемъ второго мы стараемся находить для всего основаніе и ничего не хотимъ признавать за дѣйствительность, пока не будетъ

открыто основаніе, почему вещь существуетъ въ такомъ, а не иномъ видѣ. „Наши разсужденія, пишетъ Лейбницъ, основываются на двухъ великихъ началахъ: началѣ противорѣчія, въ силу котораго мы считаемъ ложнымъ то, что скрываетъ въ себѣ противорѣчіе, и истиннымъ то, что противоположно или противорѣчитъ ложному, и на началѣ достаточнаго основанія, въ силу котораго мы усматриваемъ, что ни одно явленіе не можетъ оказаться истиннымъ, или дѣйствительнымъ, ни одно учрежденіе справедливымъ безъ достаточнаго основанія, почему именно дѣло обстоитъ такъ, а не иначе, хотя эти основанія въ большинствѣ случаевъ вовсе не могутъ быть намъ извѣстны". Законъ тожества ведетъ насъ къ познанію вѣчныхъ истинъ, а законъ достаточнаго основанія руководитъ нами при опытномъ познаніи. Напримѣръ, „великою основою математики, замѣчаетъ Лейбницъ, служитъ начало противорѣчія и тожества, т. е. что А есть А и не можетъ быть не А... Но чтобы перейти отъ математики къ физикѣ, нужно еще другой принципъ..., именно принципъ достаточнаго основанія".

Троицкій различаетъ аксіомы логики отъ аксіомъ математики, и аксіомы логики опредѣляетъ, какъ всеобщія начала очевидности научныхъ истинъ, распадающіяся на два порядка,—аксіомы предложеній и аксіомы умозаключеній. Всѣ аксіомы у него сведены къ тремъ основнымъ началамъ: началу тожества, началу противорѣчія и началу исключеннаго средняго.

Аксіомы заключеній сведены у него также къ трунзму: аксіомѣ силлогизма, демонстраціи и наведенія. Значитъ Троицкимъ признается *шесть* аксіомъ.

Чичеринъ опредѣляетъ законы мышленія, какъ необходимые способы дѣйствія разума къ познанію вещей. Эти способы дѣйствія разума, при воспріятіи и обработкѣ объективнаго содержанія, суть *соединеніе* и *раздѣленіе*. Слѣдовательно, законы разума суть законы соединенія и раздѣленія. Соединеніе есть положеніе единства: чистое единство есть тождество, слѣдовательно первый законъ разума есть законъ тождества.

Раздѣленіе есть положеніе различій. Различія раздѣляются, ибо отрицаютъ, а потому исключаютъ другъ друга. Исключеніе вслѣдствіе взаимнаго отрицанія есть противорѣчіе.

Тождество и различія суть основныя разсудочныя опредѣленія всякаго объекта, который, какъ таковой, представляетъ сочетаніе, т. е. единство различныхъ признаковъ. Разумомъ опредѣляется и отношеніе этихъ противоположныхъ началъ. Это отношеніе въ силу того-же закона, можетъ быть двоякое: посредствомъ раздѣленія и посредствомъ соединенія.

Отношеніе, посредствомъ раздѣленія, даетъ взаимное исключеніе отрицающихъ другъ друга опредѣленій при общей ихъ связи. Это есть законъ исключеннаго третьяго.

Отношеніе посредствомъ соединенія даетъ взаимную связь противоположныхъ элементовъ.

Это есть сочетаніе противоположностей или такъ называемый законъ достаточнаго основанія.

Значитъ Чичеринъ насчиталъ и сочеталъ *четыре* закона и уложилъ ихъ въ строго опредѣленный распорядокъ, изображенный имъ четырехконечнымъ крестомъ.

По Владиславлеву законами мышленія называются тѣ основанія, присущія природѣ разума, которыми обезпечивается постоянно ровная и всегда себѣ вѣрная мыслительная работа, такъ что разумъ, чтобы различить и открыть истинно сущее отъ ложнаго, цѣнное, достойное и значительное отъ нецѣннаго, недостойнаго и незначительнаго, дѣйствуетъ и обращается съ плодами своей дѣятельности, не какъ пришлось, а какъ должно на законномъ основаніи.

Одинъ изъ законовъ опредѣляетъ способъ отношенія ума къ мыслямъ, разсматриваемымъ въ ихъ обособленности, внѣ связи ихъ съ другими: несмотря на ихъ случайныя различія, умъ признаетъ ихъ тожественность; это законъ тожества.

Другой опредѣляетъ способъ дѣйствія ума при сочетаніи различныхъ мыслей: это законъ противорѣчія.

Наконецъ, третій показываетъ, чѣмъ умъ постоянно руководится при переходѣ отъ одной мысли къ другой: это законъ исключеннаго третьяго.

Значитъ Владиславлевъ признаетъ лишь *три* закона мышленія.

По Карпову законы вообще суть правила, которыми извѣстная причина или сила опредѣ-

ляется къ извѣстной дѣятельности и къ установленію того и другого отношенія между предметами, ей подлежащими. Поэтому законы мышленія въ частности надо разумѣть, какъ предписанія, ограничивающія силу мыслящую къ какому-нибудь опредѣленному сочетанію представленій и ихъ признаковъ.

Законы мышленія должны быть почитаемы подлежательными законами разсудка, составляющими основаніе его самодѣятельности, которой, при ограниченіи его внѣшними предписаніями, и представить было бы невозможно.

Карповъ видитъ источникъ познанія не въ трехъ свойствахъ души—волѣ, чувствѣ и умѣ, а въ двухъ—умѣ и чувствѣ, но сила законодательства выражается у него въ *трехъ* частныхъ законахъ, т. е. по числу на одинъ больше, чѣмъ душевныхъ свойствъ: чувство многоразличенствуетъ, умъ (разсудокъ) объединяетъ, а потому единое, однажды раздвоившись, уже не возвращается къ единству конкретному, разсудокъ стремится раздвоенное соединить чѣмъ-либо третьимъ или на какомъ-либо основаніи.

„Мысля о предметѣ исключительно подъ вліяніемъ ума (разсудка), поколику онъ все созерцаетъ неизмѣннымъ и постояннымъ, разсудокъ управляется закономъ тождества.

Разсматривая свои матеріалы (свое содержаніе) и сочетавая ихъ въ зависимости отъ представленій чувства, поколику оно во всемъ видитъ разнообразіе и измѣняемость, сила мысля-

щая подчиняется закону противорѣчія; стремясь раздвоенный умомъ и чувствомъ, предметъ посредствомъ какой-нибудь связи, привесть къ единству въ сознаніи, она слѣдуетъ закону достаточнаго основанія.

Законъ тождества есть предписаніе—всякій предметъ мышленія *полагать*, какъ тотъ-же (тезисъ). Законъ противорѣчія есть предписаніе—все подлежащее мышленію, какъ тоже, *противуполагать* себѣ, какъ не то же (антитезизъ). Законъ достаточнаго основанія есть предписаніе—все взаимно-противоположное и непосредственно несоединимое (тоже и не-тоже) *соединять* на какомъ-нибудь основаніи (синтезъ). Такимъ образомъ полная система законодательства, въ отношеніи къ мышленію разсудка, ограничивается положеніемъ, противоположеніемъ и соединеніемъ".

Изъ собранныхъ здѣсь свидѣтельствъ, въ видѣ ссылокъ и пересказовъ, мы заключаемъ, что данное нами опредѣленіе законовъ логики и мышленія есть обобщенный выводъ и сводъ опредѣленій, установленныхъ русскою наукою прошлаго вѣка. Мы, съ своей стороны, старались лишь подчеркнуть числовую основу этихъ законовъ, напросто сосчитывая число ихъ у каждаго изъ мыслителей. Такое внѣшнее отношеніе къ кореннымъ положеніямъ самой логики основывается на томъ крѣпкомъ убѣжденіи, что логическое мышленіе и математическое тѣсно связаны между собою, вслѣдствіе единства источника разумнаго дѣйствія, а именно вслѣдствіе единства самаго мышленія.

Вообще законы мышленія не только могутъ, но и должны быть выражены въ строго математической опредѣленности, точности, краткости и соразмѣрности. Не все равно тому или другому мыслителю признавать законами логики три или четыре положенія, два или шесть. Одно различіе въ числѣ законовъ указываетъ на глубокое различіе въ сущности воззрѣнія того или другого философа. Ученіе монистовъ въ корень опровергаетъ ученіе дуалистовъ. Дуализмъ—непримиримый врагъ трихотомизма, и т. д. Унитаризмъ обнаруживаетъ жидовское вліяніе мысли; христіанину свойственно мыслить тройчно. Вотъ почему изложеніе логическихъ законовъ и ихъ выраженіе должны быть изображены строго количественными и вообще математическими пріемами. Число самихъ законовъ не менѣе важно для построенія ихъ въ укладъ: въ немъ отчасти заключается мѣрность мышленія. Числовое отношеніе наше къ законамъ мышленія, какъ-бы ни казалось съ перваго начала внѣшнимъ, имѣетъ оправданіе въ самой исторіи развитія мысли. Такъ еще въ древности ученіе о категоріяхъ (высшихъ опредѣленіяхъ) понятій было обосновано на числѣ. Цѣлая школа пиѳагоризма доводила эту числоосновность даже до крайней степени произвола. Школа эта была убѣждена въ справедливости и правѣ утверждать всякую мысль дуализмомъ и находить въ основѣ всего десятеричность. По мнѣнію Чичерина, одного изъ глубочайшихъ, послѣ Канта, изслѣдователей науки о

мысли, основная задача логики заключается въ томъ, чтобы предметы мышленія разложить на составныя части, построить изъ нихъ опредѣленный образцовый укладъ, основываясь на признанномъ за достовѣрное и опредѣленномъ началѣ или неоспоримомъ законѣ. Такого рода построеніе чисто математическаго свойства, а если оно къ тому-же выражено графически, то и геометрическаго образца. Но въ математикѣ, обладающей своею опредѣленной собственной областью логическаго сужденія, а именно, исключительно количественнаго содержанія, обосновывается на логическомъ законѣ *равенства*,—а построеніе сего сужденія есть *уравненіе* изъ количественныхъ данныхъ. Логика-же, кромѣ количества, должна считаться и съ другими категоріями мышленія: качества, образа дѣйствія, творческаго почина и т. д. Ея укладъ и построеніе не только значительно сложнѣе, но и обширнѣе. Даже требуется всецѣльная полнота познанія безъ остатка для достиженія непреложной достовѣрности, ибо частичное увѣреніе, хотя и правильное, не есть еще цѣлокупная истина. Но всетаки пріемъ и методъ для выводовъ и заключеніе въ логикѣ и математикѣ долженъ быть одинъ и тотъ-же, ибо истину логическую и математическую достигаютъ однѣми и тѣми силами разума.

Уже изъ этихъ бѣглыхъ замѣчаній и пересказовъ можно усмотрѣть, что математическій пріемъ приложимъ не только къ области количества, но и къ области всеобщаго мышленія.

Математичность-же имѣетъ то преимущество, что выражаетъ законъ и зависимость предметовъ мышленія точно, кратко и съ наибольшею опредѣленностью (численно или количественно).

И дѣйствительно, задача философіи, часть которой и есть логика (вѣрнѣе, задача научно-теоретической философіи), заключается въ чистой систематикѣ (строгомъ порядкѣ) коренныхъ научныхъ понятій, какъ предметовъ мышленія на основѣ первичныхъ зависимостей ихъ отъ силы познавательнаго сочлененія (знаніе-вѣдпаго соуза—синтеза). А наука о знаніи (знаніевѣдѣніе—гносеологія) по своей внутренней природѣ приближается болѣе къ математикѣ, чѣмъ къ опытному душевѣдѣнію (психологіи) и самознаніе къ опытному естествовѣдѣнію, такъ какъ наука знаніе-вѣдѣнія стремится открыть законы не временной перемѣнности явленій, но исключительно постоянный мыслительный распорядокъ, единство познанія, его твердую незыблемость и вѣчную неоспоримую достовѣрность. Таковы безъ сомнѣнія неоспоримыя истины математики.

Законы логики должны быть выражены математическими пріемами, чтобы быть въ дѣйствительности научно-достовѣрными.

Эта зависимость логики отъ математики и ея выраженіе числовыми и геометрическими образами не составляетъ всего, что мы называемъ *мѣрностью мышленія.*

Мѣрность мышленія заключается еще и въ томъ, что мышленіе, какъ дѣйствіе и мысль,

какъ плодъ сего дѣйствія, носятъ во внутренней своей сути свойства самой численности и мѣрности. Мышленіе, какъ опредѣлилъ Кантъ, ограничено категорическими предѣлами, коихъ теперь насчитываютъ три: мѣра, время и пространство. Человѣкъ безъ этихъ высшихъ опредѣленій ни мыслить, ни выражать словесно своихъ мыслей не можетъ. Вотъ это коренное свойство мышленія носить въ себѣ начала числа и мѣры и есть въ сущности *мѣрность мышленія*. Точно также носить и проявлять мышленіемъ временныя категоріи значитъ обнаруживать жизненность и развитіе мышленія, а проявлять въ мышленіи категоріи пространства значитъ обладать свойствами образнаго мышленія, художественностью мысли, дѣлающими ихъ мышленіе образцовымъ выраженіемъ, т. е. обликомъ, служащимъ образцомъ всякаго иного уклада, иной дисциплины.

Итакъ „мѣрность мышленія“ числоосновностью выражается трояко:

1) опредѣленнымъ числомъ основныхъ законовъ мышленія. Напр.: монизмъ, дуализмъ и т. д.;

2) количественнымъ и соразмѣрнымъ распредѣленіемъ и соотношеніемъ какъ самихъ законовъ, такъ и ихъ выводовъ. Напр.: бидуализмъ, три-трихотомизмъ и т. д.;

3) внутреннею числомѣрною сутью предметовъ и категорій мышленія. Напр.: причина — одноначальна; время — слитнодвуконечно; пространство — трехсторонне, и т. д.

ГЛАВА II.

Числоосновность нашего построенія начальныхъ законовъ мышленія.

Число коренныхъ законовъ мышленія, или аксіомъ логики, изъ приведеннаго выше перечня опредѣленій различными русскими мыслителями, оказывается неодинаково.

Одни сводятъ ихъ, хотя и не одномысленно, къ тремъ:—Карповъ, Владиславлевъ.

Другіе—къ четыремъ, опять-таки различно: Чичеринъ, Свѣтилинъ.

Чичеринъ опредѣлилъ двудвойственностью. Свѣтилинъ перечислилъ ихъ, не указавъ на связь четырехъ частей въ общемъ объединенномъ построеніи.

Троицкій насчитываетъ шесть, а именно: двутроичность, три закона предложеній и три—умозаключеній.

Есть такіе, которые сводятъ эти законы къ двумъ (Любницъ), а иные къ пяти.

Мы ни одной изъ этихъ числооснов не принимаемъ и предлагаемъ совершенно новое построеніе.

Ни Владиславлево дѣленіе логики на дедук-

тивную и индуктивную, ни двойное дѣленіе Троицкаго на законы предложенія и умозаключенія, ни двойная перекрещивающаяся противоположность соединенія и раздѣленія Чичерина насъ не удовлетворяютъ.

Мы, согласно Карпову, обосновываемъ нашъ укладъ на построеніи дѣйствительнаго внѣшняго міра, на составности самихъ себя и на свойствѣ самого мышленія.

Человѣкъ не можетъ мыслить о постороннемъ иначе, какъ отыскивая во внѣшнемъ мірѣ свое собственное отраженіе; онъ можетъ мыслить о предметахъ внѣ себя не иначе, какъ будучи участникомъ въ той или другой области мірозданія или, по крайней мѣрѣ, соприкасаясь съ нимъ. Человѣкъ самъ о себѣ мыслитъ не иначе, какъ находя въ своемъ внутреннемъ сознаніи полное отраженіе всѣхъ областей внѣшняго міра. Взаимодѣйствіе тутъ полное: мыслить и познавать вообще есть свойство присваивать себѣ внутренне все внѣшнее и отражать свое внутреннее „я“ на свое пониманіе внѣшняго. Человѣкъ мыслитъ себя по образу полноты внѣшняго, а внѣшнее по образу полноты своего внутренняго. Въ тѣхъ сторонахъ бытія, гдѣ участія не принимаетъ, онъ ни дѣйствовать, ни мыслить не въ состояніи. Взаимную связь бытія для человѣка внѣшняго съ самоличнымъ его бытіемъ должно признать, какъ единственное и достаточное условіе мыслимости вообще. Гдѣ человѣкъ соприкасается своимъ бытіемъ, тамъ онъ сопри-

касается и мыслью. Мысль объ областяхъ, въ коихъ онъ не участвуетъ или участвовать не можетъ, есть мысль мнимая, а не дѣйствительная.

Признаемъ-же вполнѣ догматически три области бытія: область внутреннюю духовную, область личную душевную и область внѣшнюю вещественную. Это голословное пока признаніе подтвердится постепенно дальнѣйшимъ ходомъ развитія ученія о законахъ логики и анализомъ всѣхъ сторонъ мысли и бытія. Теперь мы утверждаемъ, что только въ трехъ областяхъ бытія мыслящій можетъ принять участіе: 1) внутренно-духовно—умомъ, 2) сознательно-лично—разумомъ и 3) внѣшнимъ образомъ, мыслительно—разсудкомъ; вотъ наше коренное положеніе, а потому можно впередъ опредѣлить, хотя сначала совершенно гадательно, но достаточно основательно, три стороны мышленія по девяти основнымъ законамъ, ибо человѣкъ на самомъ дѣлѣ мыслитъ три области бытія съ трехъ точекъ зрѣнія: начала, середины и конца или вѣрнѣе: внѣшне, сосредоточенно и внутренно.

Совершенно законно и естественно установить то положеніе, что, если способности познанія у человѣка тройныя, т. е. его познавательныя свойства различны, то и пріемы познанія будутъ разнообразны. Поэтому одной односторонней логикой человѣкъ удовлетвориться не можетъ, а познавательныхъ силъ у него столько, изъ скольких составныхъ частей онъ самъ лично устроенъ и сколько существуетъ всѣхъ областей его познанія.

Человѣкъ трехчлененъ, міръ трехстороненъ, значитъ и законы мышленія трехчастны, трихотомны.

Можно тоже убѣжденіе, или признаніе, вполнѣ догматическаго свойства, т. е. принимаемое на вѣру, выразить совершенно обратно и исходить не отъ трехчастности мірозданія и человѣческой составности, но отъ трехчастности свойствъ мышленія, и сказать: потому мы находимъ три составныя части нашего „я“ (разумъ, чувство и волю) и три области міра: вещественную, душевную и духовную, что самъ умъ или мышленіе по своему природному свойству разумѣетъ и различаетъ въ себѣ и внѣ себя троякое: духовное, душевное и вещественное, потому что само мышленіе умнаго, разумнаго и разсудочнаго свойства. Для цѣлей построенія уклада совершенно безразлично, на чемъ зиждится его утвержденіе, на субъективизмѣ микрокосма или объективизмѣ макрокосма, достаточно для уклада убѣжденія, что мышленіе въ состояніи безъ натяжки мыслить свое „я“, міръ и мыслить самое мышленіе трояко: умно (духовно), разумно и разсудочно. Доказательность и убѣдительность обнаружатся и утвердятся, окончательно при взаимномъ соборномъ согласованіи, соизмѣреніи и совосполненіи. Тутъ скрывается новый пріемъ діалектическаго доказательства: *соборнаго сопоставленія соразмѣрной полноты частей въ цѣломъ, что мы называемъ* **„соразмѣрною цѣлокупностью сосуществованія“.**

Если содержаніе мысли трояко (міръ вещества, личнаго сознанія души и духа), если сила мыслящая трояка (разсудокъ, разумъ и умъ—духъ), то и пріемы, и образцы съ его законами также должны быть троякими: логика постояннаго обособленнаго, логика перемѣннаго непрерывнаго и логика предѣльнаго творческаго и совершеннаго. Карповъ при этомъ высказываетъ необходимое требованіе найти основу для достовѣрности въ правильной дѣятельности мышленія и ее видитъ въ математичности.

„Чтобы логическія формы (образцы) могли образоваться въ правильное цѣлое и въ своемъ развитіи примѣняться въ опредѣленной цѣли, имъ нужно приблизиться къ достоинству формъ (образцовъ) математическихъ (численныхъ, геометрическихъ), а для этого послѣ условій мышленія логическаго, нуженъ еще тотъ *законъ*, которымъ управляется вообще мышленіе математическое. Только въ немъ разсудокъ можетъ найти основаніе мыслить такъ, а не иначе, и доказать, что такъ, а не иначе, должно мыслить (стр. 46).

Математичность, собственно говоря, заставляетъ насъ обратиться къ распорядку (схемѣ) утроенной троичности, ибо въ математикѣ различаются три самостоятельныхъ пріема мышленія, приложенные къ 1) исчисленію постоянныхъ, величинъ, 2) исчисленію перемѣнныхъ и 3) исчисленію предѣльныхъ величинъ. Полнота-же внѣшняго графическаго изображенія иначе, какъ

трехосновною координаціей не достигается, такъ какъ пространственный объемъ расчленяется не иначе, какъ по тремъ направленіямъ; каждое изъ нихъ даетъ три опредѣленныя положенія, а именно: 2 конца—Сѣверъ-Югъ, Востокъ-Западъ, Зенитъ (Высь)—Надиръ (Исподъ) и общую сосредоточенную средину. Этотъ обликъ да послужитъ намъ образцомъ построенія законовъ мышленія разсудочнаго, разумнаго и умнаго. Повторяемъ: въ томъ мѣрность мышленія, что руководятся законами мѣрности математической: числовой и геометрической.

Принявъ число *три* въ основу нашего построенія законовъ мышленія, таковую число-основность мы должны признать *трижды три* по числу областей и по числу положеній, что опять-таки соотвѣтствуетъ и числу и членовъ математическихъ дѣйствій увеличенія и уменьшенія. На самомъ дѣлѣ, каждое первоначальное ариѳметическое дѣйствіе состоитъ въ наиболѣе простѣйшемъ и цѣльномъ проявленіи изъ трехъ обязательныхъ членовъ: въ сложеніи—2 слагаемыхъ и итогъ; въ вычитаніи—уменьшаемое, вычитаемое и остатокъ; въ умноженіи—2 сомножителя и произведеніе; въ дѣленіи—дѣлимое, дѣлитель и частное. И если укажутъ намъ, что самихъ дѣйствій не три, а двѣ пары (дружки)—сложеніе и вычитаніе, умноженіе и дѣленіе,—то мы дополнимъ ихъ третьей парой (дружкой)—возвышеніе въ степень и извлеченіе корней. Три члена возвышенія: возвышаемое (корень), показатель возвышенія, или степени, и

степень. Три члена извлеченія: извлекаемое, или подкоренное количество, показатель корня и корень. Тутъ, скажутъ, нѣтъ въ этихъ шести дѣйствіяхъ среднихъ сосредоточенныхъ членовъ. Отвѣтимъ: переходъ отъ увеличенія къ уменьшенію сосредоточивается въ уравниваніи, или согласованіи.

Таковое уравниваніе для всѣхъ шести дѣйствій есть *равенство* данныхъ и искомыхъ, какъ въ сложеніи и вычитаніи, умноженіи и дѣленіи, возвышеніи въ степень и извлеченіи корней, и это равенство изображается двумя горизонтальными черточками (=):

$$2+3=5; \qquad 5 \,.\, 3=2;$$
$$2\times 3=6; \qquad 6 : 3=2;$$
$$3^2 \quad =9; \qquad \sqrt{\ } \; 9=3;$$

Въ исторіи развитія логики замѣчается эволюція или переходъ отъ аристотелевской логики формы и постоянныхъ обособленныхъ понятій къ гегелевской логикѣ развитія и перемѣнныхъ непрерывныхъ понятій. Древніе, хотя и не безъ возраженія, остановились на законахъ тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. Гегель-же ихъ отвергъ и замѣнилъ закономъ тождества противоположенія (вмѣсто закона противорѣчія, онъ установилъ законъ тождества противоположнаго). Къ тому-же Гегель призналъ существующимъ „третье“ и тѣмъ ниспровергъ законъ исключеннаго средняго.

Въ общемъ, кромѣ этихъ четырехъ положеній—3 аристотелевскихъ и 1 гегельянскаго,—мы видѣли, что существуетъ еще, какъ отдѣльный

пятый законъ мышленія — законъ *достаточнаго основанія*. Его-то нѣкоторые считаютъ однимъ изъ важнѣйшихъ. Другіе выпускаютъ законъ исключеннаго третьяго, который принимается, „какъ одинъ изъ видовъ закона противорѣчія, въ которомъ онъ необходимо содержится". (Проф. Карповъ, „Систематическое изложеніе логики"; стр. 51). Иные всѣ четыре закона считаютъ равнозначащими.

Когда Гегель вычеркнулъ законъ тожества, то тѣмъ самымъ установилъ отрицательный законъ, отвергающій это тожество. Такое опроверженіе имѣетъ значеніе общее и основное и можетъ быть принято, какъ новый самостоятельный законъ отрицанія внутренняго самотожества перемѣнныхъ понятій. Точно такимъ-же разсужденіемъ можно установить для Гегелевой логики законъ включеннаго третьяго, ибо сіе третье, среднее, признано Гегелемъ, и въ его эволюцію бытія включено *бываніе*, какъ тожество бытія и небытія. Помимо сего тожества „третье" себѣ другого положенія не находитъ, какъ только въ примиренномъ и согласованномъ дуализмѣ; посему гегелевскій распорядокъ, не взирая на появленіе „третьяго" члена, остается чисто дуалистическимъ и даже болѣе крѣпкимъ, ибо ни первый членъ его не уничтожаетъ второго, какъ въ укладѣ аристотелевскаго не согласованнаго дуализма, ни второй не отрицаетъ и не уничтожаетъ перваго. Аристотель и Гегель — братья одной и той-же семьи дуалистовъ. Коренной монистъ Аристо-

тель—дуалистъ поверхностный, Гегель дуалистъ коренной и поверхностный трихотомистъ. Сосчитывая три закона Аристотеля и три положенія Гегеля, шесть сторонъ мы уже имѣемъ на-лицо. Дѣйствительно, три логическія формальныя стороны: тожество, противорѣчія и исключеннаго третьяго, наслѣдіе классическаго любомудрія. Другія три стороны дѣйствительной жизни даетъ намъ нѣмецкая философія тождества въ лицѣ Гегеля. Законъ отрицанія тожества въ жизненной психической области, тождество противоположнаго и законъ включеннаго третьяго.

Третья сторона бытія, въ существованіи которой сомнѣнія быть не можетъ, это бытіе предѣльнаго начала или свободы и предѣльнаго конца или творчества, ибо человѣкъ сознаетъ себя и свободнымъ, и самостоятельно дѣйствующимъ. Это есть собственно сторона духовнаго его существованія. Ее-то человѣкъ мыслитъ наиболѣе яркимъ образомъ, ибо самую мысль ежеминутно превращаетъ въ дѣйствіе; а разъ онъ мыслитъ, то можетъ опредѣлить законы сего мышленія. Ихъ также три: 1) *внутренній* законъ духовнаго единства соборной собезначальности, т. е. законъ несліянной троичности, 2) законъ *внѣшняго* проявленія созидательнаго почина или новообразованія и 3) законъ *сосредоточеннаго личнаго* сочетанія внѣшняго и внутренняго, или законъ нераздѣльности единотроичности. Эти три стороны внѣшняго, сосредоточеннаго и внутренняго проявленія духовныхъ творческихъ, а потому и свободныхъ

силъ, мы перечисляемъ, какъ нѣчто заранѣе признанное, и не подвергаемъ ихъ ни подробному разбору, ни доказательному подтвержденію, которые найдутся лишь въ психологіи духовнаго (пневмалогіи), куда и отсылаемъ для надлежащаго удостовѣренія. И въ этомъ вопросѣ психологія предшествуетъ логикѣ, что вполнѣ естественно, ибо лишь психологія въ широкомъ смыслѣ установляетъ разнообразіе силъ души и духа, а логика и ея часть, психологика, имѣютъ дѣло съ одною по преимуществу силою:—съ силою *мышленія*, оставляя силы воли и чувства безъ всесторонняго разсмотрѣнія. Очевидно психологія и логика взаимно связаны и взаимно пополняютъ другъ друга.

Если по дѣйствующимъ силамъ мысли справедливо назвать классическую логику Аристотеля *логикою разсудка*, то эволюціонная логика Гегеля перемѣннаго, основаннаго не на самотождествѣ мысли, а на тождествѣ противоположнаго въ развитіи и жизни, будетъ *логикою разума*, и законы разума въ логическихъ выраженіяхъ обратно—противоположны законамъ разсудка. Законы-же творческаго предѣла небытія или бытія, т. е. новообразованія или прекращенія и довершенія развитія, слѣдуетъ по подобію назвать логикою духовнаго разума или, вѣрнѣе выражаясь, *логикою ума*. Они по отношенію къ законамъ разсудка и разума не стоятъ въ противорѣчіи и наоборотъ согласуютъ ихъ и обобщаютъ, отождествляютъ, ибо въ каждомъ первоначалѣ связываются свойства постоянства до почина

и свойства развитія и дленія, когда починъ воздѣйствовалъ. Тоже въ моментъ (въ мигъ) совершенія, но обратнымъ ходомъ: дленіе переходитъ въ постоянство. Законы мышленія перваго свойства, а именно постояннаго, составляютъ основу ученія, которое, какъ условился весь міръ, называютъ собственно *логикою*. Логику разума, требующаго содѣйствія всѣхъ силъ души, мы назвали *психологикой*, а логику духа, или ума, назвали *металогикой* или *пневмалогикой*. Каждая изъ трехъ обладаетъ тремя собственными законами, а потому всѣхъ ихъ девять. Разсмотрѣніе всего сонма законовъ и въ общей связности, и каждаго въ отдѣльности, какъ намѣтили мы въ предисловіи, есть задача нашего труда.

Числоосновность построенія законовъ мысли опредѣляется *тройственною троицею* (три-трихотомизмомъ), что значительно сложнѣе Чичерискаго бидуализма (*двоедвойственности*).

ГЛАВА III.

Самостоятельность трехъ областей мышленія и его общій законъ достаточнаго основанія.

Первая область внѣшняго воспріятія, наиболѣе ясная и предметно-наглядная, есть область разсудочнаго мышленія. Законы ея и выработались человѣчествомъ прежде другихъ. Предметъ мышленія, или „метъ“ *), этой области отличается отъ двухъ другихъ большею опредѣленностью; ея понятія принимаются за постоянныя и неизмѣнно всегда съ самими собою тождественныя. Эти понятія обособлены въ отдѣльныя цѣлыя, таковы въ математикѣ понятія объ аритмологическихъ постоянныхъ величинахъ. Природа и свойства понятій прерывнаго „постояннаго“ отличаются совершенно отъ свойствъ остальныхъ предѣльныхъ и перемѣнныхъ понятій, что подтверждается сравненіемъ сихъ понятій съ величинами постоянными, кои существенно различа-

*) Предметъ или объектъ мышленія, въ различіе отъ предмета или объекта дѣйствительности, мы въ нашихъ трудахъ обозначаемъ сокращенно словомъ „метъ“; онъ есть объектъ въ отвлеченіи и обособленіи мышленіемъ.

ются отъ величинъ перемѣнныхъ и предѣльныхъ. Въ то время, какъ самотождество первыхъ — фактъ безспорный—любое число, напр. 2, всегда себѣ тождественно, съ другой стороны отсутствіе возможности установить хотя-бы на одинъ мигъ самотождество перемѣнныхъ также внѣ всякаго сомнѣнія, напр. періодическая дробь 0, (9) никогда при ея развитіи себѣ не равна: 0,9 не равно 0,99, не равно 0,999, не равно 0,9999 и т. д. до безконечности, и достигнетъ своей самотождественности, когда перестанетъ быть перемѣнной, а превратится въ постоянную, т. е. когда достигнетъ предѣла и перейдетъ къ сему предѣлу. Природа дроби 0, (9) совершенно преобразуется, и періодическая *дробь* эта въ предѣлѣ возрастетъ до цѣльной *единицы* = 1. Правильная дробь, т. е. величина <1, въ предѣлѣ перестаетъ быть дробью, а дѣлается цѣлымъ числомъ, которое во всякомъ случаѣ болѣе первопачальнаго. Равенство тутъ уравниваетъ не равныя величины, и это всетаки математически правильно. Мышленіе о постоянныхъ $^{9}/_{10}$, $^{99}/_{100}$, $^{999}/_{1000}$ и т. д. иное, чѣмъ мышленіе о періодической дроби 0, (9), а тѣмъ болѣе о предѣльномъ новообразованіи, которое выразится цѣльною 1 и ничего логически общаго и похожаго ни съ постоянной правильной дробью $^{9}/_{10}$, ни съ періодической 0, (9) не имѣетъ.

Законъ тождества постояннаго мышленія не приложимъ къ мышленію, предметъ, или метъ, котораго - перемѣнная безконечная. Во второмъ случаѣ, наоборотъ, здравый смыслъ запрещаетъ

принимать перемѣнную за всегда себѣ тождественное понятіе; такъ какъ каждый шагъ смѣны есть самоотрицаніе или отождествленіе бытія съ небытіемъ, ибо она (перемѣнность) есть становленіе, развитіе, бываніе (дас Вердеп), и это инобытіе дѣйствительности переживается, какъ фактъ реальный.

Логическіе законы предѣла, когда перемѣнная перестаетъ быть перемѣнной и становится постоянною, т. е. законы новообразованія не суть по природѣ области понятій, къ которой они принадлежатъ, ни законы постоянства, ни законы перемѣнности, ибо возникновеніе не есть постоянство, а смѣна, и возникшая непосредственно затѣмъ постоянная не есть перемѣнность, а вполнѣ опредѣленное новое отграниченное и обособленное постоянное.

Переходъ къ предѣлу = 1 не есть перемѣнная 0,999... и не есть одна изъ постоянныхъ приближеній: $^{9}/_{10}$; $^{99}/_{100}$; $^{999}/_{1000}$ и т. д.

Возможность допустить три области мышленія—постоянныхъ понятій, перемѣнныхъ и предѣльныхъ,—ясно изображена въ указанномъ примѣрѣ. Допустимъ это сперва, хотя бы условно. При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи мы должны вполнѣ убѣдиться, что иначе быть не можетъ.

Мы не упускаемъ случая обратить вниманіе читателя, что, по принятому нами діалектическому пріему, мы не подкрѣпляемъ ни одного изъ нашихъ подположеній какою-либо заранѣе принятою аксіомою или достовѣрнымъ утвержденіемъ. Въ началѣ всякаго положенія полагаемъ

добровольное догматическое признаніе, временную условную пріемлемость, недоказанную очевидность, ссылку на здравый смыслъ, никогда ничто не доказывающій, предположеніе, даже, если потребуется, предубѣжденіе, а отнюдь не доказанную удостовѣренность. Истинность нашихъ постановленій оправдывается лишь совокупною равномѣрностью и соразмѣрностью едино-цѣльной общей полноты. Наше дѣло—дѣло техническаго или художественнаго построенія, а не доказательнаго удостовѣренія. Наши законы не доказуемы и доказаны быть не должны, а сами существуютъ, чтобы служить краеугольными камнями или основою для веденія доказательства всего остальнаго мыслимаго.

Итакъ, три области мышленія установляются нами догматически:

Область постоянныхъ, область перемѣнныхъ и область предѣльныхъ предметовъ мышленія.

Нужно замѣтить здѣсь, что постоянство и перемѣнность принята не временная только, но пространственная, числовая и величинная или иная какая,—все равно.

Раздѣляя такимъ образомъ весь объемъ предметовъ мышленія, или метовъ, на три области, мы не должны терять единства самой науки, а это возможно только, если существуетъ одинъ общій законъ, дѣйствующій во всѣхъ областяхъ мышленія въ согласіи съ частными законами каждой отдѣльной области. Карповъ, не признавая автономности и самозаконія разсудка, какъ пола-

галъ Кантъ, смотрѣлъ на законы мышленія, какъ производныя правила его дѣятельности. На томъ основаніи, что законы мышленія на самомъ дѣлѣ вводятся въ сознаніе черезъ наблюденіе надъ ихъ дѣйствительностью, ихъ считаютъ предметами внутренняго опыта. И по источникамъ, изъ которыхъ они проистекаютъ или изъ которыхъ выводятся, ихъ нельзя назвать опытными; они не внѣшняго, а, какъ только что сказали, внутренняго самоопыта. Нельзя считать общій законъ мышленія, распространенный на три различныя области примѣненія, *опытнымъ*, а, наоборотъ, нужно признать его *существенно самобытнымъ* и *самоличнымъ*, т. е. присущимъ всякому самосознанію. Онъ, этотъ общій законъ, долженъ быть основаніемъ, на коемъ опираются всѣ частныя подположенія или законы логики. Такое общее — мышленію вещественному, душевному и духовному — подположеніе усматриваемъ въ неопредѣленномъ, но по содержанію всеобъемномъ, многими признанномъ законѣ *достаточнаго основанія*, который требуетъ, чтобы не допускать въ своемъ мышленіи ничего безъ достаточнаго основанія.

Давно было сознано и очень рано выражено требованіе — „не допускай въ своемъ мышленіи ничего безъ достаточнаго основанія"; но въ чемъ должна была заключаться сія достаточность основанія и его достовѣрность, т. е. въ чемъ заключается содержаніе самаго закона, законъ этотъ не опредѣлилъ и никакихъ руководящихъ нормъ для достовѣрнаго мышленія не далъ. Логика,

какъ была формальною, такъ и осталась, внѣшнимъ образцомъ, безъ внутренняго содержанія. Въ сущности, начальная элементарная логика, какъ наука внѣшняго выраженія мысли, сама не знала, чего она хотѣла по существу и чего должна требовать отъ своихъ начальныхъ законовъ для утвержденія истины. Во всякомъ случаѣ начальныя положенія (подположенія), или аксіомы, принимались разумомъ и разсудкомъ безъ всякаго достаточнаго основанія, какъ самоочевидныя и общія, никѣмъ не оспоримыя.

Они допускались не въ силу какихъ-либо основъ и требованій духа или болѣе глубокихъ первоначальныхъ положеній, а художественно, чутьемъ, въ силу непосредственной очевидности и явности. Теперь наступило время, когда само содержаніе закона обоснованія должно быть опредѣлено съ математическою точностью и достовѣрностью.

Достаточнымъ основаніемъ для разсудочной логики постоянныхъ отограниченныхъ предметовъ мышленія служитъ *тождественность его* (мышленія) *съ самимъ собою и его разсудительная раздробность или расчлененность* (аналитичность). Мысль принимается разсудкомъ частично и самотожественно, каждая часть въ отдѣльности.

Тутъ изъ двухъ противоположностей каждая мыслится въ одиночествѣ, одна положительно (утвердительно), другая отрицательно. Достаточнымъ основаніемъ для разумной логики душевнаго и перемѣннаго служитъ тождество двухъ

противоположныхъ моментовъ смѣны въ пограничномъ межевомъ мигѣ соприкасанія предметовъ мышленія, чѣмъ и опредѣляется мыслимость самой перемѣнности.

Тутъ двѣ противоположности мыслятся вмѣстѣ, единодвойственно, и утвердительно, и отрицательно заразъ.

Достаточнымъ основаніемъ для логики предѣльнаго новообразованія служитъ трехсоставность творческаго почина и единотроичное довершеніе въ конечномъ предѣлѣ. Объ этомъ законѣ рѣчь впереди, ибо обнаруженіе этого свойства всякаго предѣла составляетъ конечный предметъ нашего домоганія, цѣль нашего труда.

Тѣмъ не менѣе и здѣсь мы можемъ окончательно убѣдиться, что *троичность* должна составить основу третьей логической—умодуховной дѣятельности. *Тройственность*, какъ основа умнаго мышленія, уже потому обязательна и должна быть припята основаніемъ третьей сплы мысли ума, что человѣкъ духовно (предѣльно) ни исключительно двойственно, ни исключительно единично мыслить не можетъ.

Причина этой невозможности заключается въ томъ, что, если умное мышленіе должно обосновывать свою дѣятельность исключительно *двойственностью мышленія*, то оно перестанетъ быть особымъ *третьимъ* умнымъ, а сдѣлается *вторымъ* разумнымъ, ничѣмъ отъ него не различающимся мышленіемъ.

Умовое мышленіе тѣмъ болѣе не могло бы

быть исключительно *единичнымъ*, что обратилось-бы въ мышленіе разсудочное. Сверхъ *единичности* и *двойственности* непосредственно слѣдуетъ только *троичность*. Три слѣдуетъ реально вслѣдъ за двумя.

Вотъ въ этой природной (натуральной) числовой послѣдовательности и надлежитъ признать логическое и математическое основаніе для достовѣрности: 1) существованія троичнаго мышленія, сверхъ единичнаго (разсудочнаго) и двойственнаго (разумнаго), если во всякомъ случаѣ требуется признать еще иную, кромѣ первыхъ двухъ, многосоставную основность самаго мышленія; 2) существованіе троичности силъ мышленія, если двѣ силы недостаточны для обхвата всего познаваемаго; 3) существованія трехъ областей предметовъ мышленія, если двухъ областей не хватаетъ для полнаго распредѣленія всего познаваемаго. А такъ какъ въ дѣйствительности человѣчество распознало и различило три области бытія: вещества, души и духа, — и оно относится къ симъ мірамъ многоразличными сторонами мышленія, то силъ мышленія оно находитъ въ себѣ не двѣ, а три, а отсюда слѣдуетъ, что само мышленіе не двойственно, а троично: 1) одноосновное, 2) двуосновное и 3) трехосновное (многоосновное). Разсуждая такъ, можно съ такимъ-же достаточнымъ основаніемъ признать не тройственность, а четверичность образа мышленія, пятиричность и т. д. Такъ принимаютъ спириты свое четвертое измѣреніе, но для четвертаго возвы-

шенія мыслимости сверхъ духовнаго, мы ни почвы, ни содержанія не находимъ. Таково наше предубѣжденіе, наше предвидѣніе, наше предчувствіе.

Мы предразсуждаемъ, что третья ступень мышленія, ея тройственность, и есть вершинная и предѣльная, ибо мыслитъ именно самую предѣльность, а предѣльность и есть то, поверхъ чего иного многаго или четвертаго нѣтъ. Тутъ основа требованія безусловнаго исключенія всякаго „четвертаго“, если только это „четвертое“ не есть сама единотроичность въ своей цѣлокупности; тогда это „четвертое“ должно быть включено, какъ соузъ трехъ, въ самую троицу. Таковое свойство ума включать „четвертое“, какъ цѣлокупность трехъ въ сонмъ трехъ (какъ простѣйшій представитель всякаго множества) называется сосредоточіемъ.

Сосредоточіе и есть третье дѣйствіе мысли когда ей нужно судить о предѣлѣ. Сосредоточіе и есть углубленное внутреннее самоопредѣленіе, и это средоточіе мысли не признается, а на самомъ дѣлѣ есть самостоятельное третье дѣйствіе, ибо раздѣленіе разсудка и сочетаніе разума понятія о сосредоточіи въ себѣ не вмѣщаютъ. Вотъ еще одно доказательство, выведенное въ соборномъ сопоставленіи, о необходимости признанія тройственности законовъ мышленія. Посему *сочетаніе, раздѣленіе* и *средоточіе* не только произвольно признаются нами, но и суть на самомъ дѣлѣ тѣ три дѣйствія мысли, а именно, разсудка, разума и духа, кои, будучи отраслями общаго источника *обоснованія,* опредѣляютъ тройственный корень

или тріединую внутреннюю суть закона достаточнаго основанія. Мы это общее начало назовемъ *общимъ для мышленія закономъ „обоснованія"*. Единотроичность коренного дѣйствія мысли *обоснованія* заключается въ несліянности и нераздѣльности работы мысли при *сочетаніи* (опредѣленіи), *сосредоточіи* и *раздѣленіи*. Объединеніе, сосредоточіе и обособленіе кроются въ дѣйствіи *опредѣленія*, но общій законъ мышленія, конечно, въ его надлежащемъ обоснованіи, а потому потребность самодѣйствія или акта обоснованія и есть общій и обобщающій законъ мысли.

Если-бы мышленію по природѣ своей не требовалось встать на ноги на твердомъ основаніи, то законы мышленія были бы излишни и немыслимы. При всей его цѣльности, законъ обоснованія проявляется самостоятельно трояко, въ трехъ областяхъ—вещества, души и духа, а именно: 1) имъ созидается *раздѣленіе* съ распредѣленіемъ сотворенныхъ частей, 2) отъ него рождается *сочетаніе* съ объединеніемъ порожденныхъ частей и 3) отъ него-же исходитъ непосредственно средоточіе, къ которому стягиваются или отъ котораго исходятъ лучи сосредоточенности. Въ первомъ случаѣ получается множественность творенія, во второмъ—двойственность природы всего душевнаго, а въ третьемъ—единоличное свободное и творящее свойство духа.

Не трудно замѣтить здѣсь, что количественность, или числоосновность, областей мышленія обратна относительно числоосновности основныхъ

законовъ мышленія: мышленіе прерывныхъ, т. е. отдѣльныхъ постоянныхъ предметовъ, единоосновно; мышленіе перемѣнныхъ непрерывныхъ — двуосновно и мышленіе предѣльныхъ конечныхъ и начальныхъ предметовъ — трехосновно. Тутъ отношеніе—какъ 1: 2: 3-мъ. Область вещества и отдѣльныхъ предметовъ существованія множественна, а въ крайнемъ ограниченіи, т. е. въ простотѣ,—тройственна. Природа душевнаго или жизненнаго бытія—двойственна. Свойство духа единоличнаго самосознанія и творческой свободы—единично; тутъ соотношеніе будетъ къ 3, къ 2, къ 1.

I соотношеніе—1 : 2 : 3

II соотношеніе—3 : 2 : 1

Вотъ одно изъ математическихъ положеній мѣромудрости, которое нагляднѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ какое иное логическое толкованіе, выясняетъ природу мысли и мышленія.

Законъ обоснованія, который самъ по себѣ тріединый, для наглядности можно изобразить такъ:

Законъ достаточнаго основанія.

1. Средоточіе и опредѣленіе.

2. Сочетаніе и объединеніе.

3 *). Раздѣленіе и обособленіе.

*) Три, какъ упрощенное многое.

Для геометрическаго мышленія законъ обоснованія мышленія легко сопоставляется со свойствами треугольника, который порождаетъ три двусторонніхъ плоскихъ угла, распредѣляетъ три ограниченныхъ линіи (черты), пересѣченіями коихъ образуются три сосредоточенныя точки, или вершины угловъ. Сторона △-ка есть понятіе опредѣленной обособленности, уголъ — понятіе двусторонняго сочетанія безконечной длительности и перемѣнности, а вершина — нулевого среточчія сторонъ. Самъ △-къ есть единотроичность. Треугольникъ выбирается изъ множества многоугольниковъ не произвольно, ибо плоское пространство не можетъ быть объемлемо или обхвачено менѣе, чѣмъ тремя прямыми. Выборъ △-ка дѣлается для достиженія простоты при соблюденіи полноты и единства. Два (понятіе двухъ) — множества не составляютъ. Три есть начало и минимальность множества. Три предѣлъ множества и его опредѣленіе; три и что сверхъ трехъ, все останется множествомъ, и такъ безъ конца. Одна или двѣ черты отограниченнаго цѣлаго или цѣлокупнаго не даютъ, и только три составныя части въ своей трехчисленности даютъ наиболѣе простое единое *плоское цѣлое*. Три сосредоточенныхъ вершины (довершенія), три цѣльныхъ отмѣренныхъ стороны въ предѣлахъ вершинъ и три двусторонніхъ неопредѣленныхъ непрерывныхъ дленія плоскихъ угла составляютъ основу трехъ-тройственности понятія геометрическаго плоскаго пространства. Троичное обоснованіе мышленія, вы-

раженное въ трехъ троицахъ законовъ мысли, составитъ весьма подходящій и наглядный примѣръ приложенія геометрическаго понятія треугольника къ изображенію отвлеченнаго мышленія. Въ обоихъ случаяхъ численная основа *тройственная троица.*

Общій законъ мышленія *обоснованія* есть *единотроичность раздѣленія, сочлененія* и *средоточія*, которыя при анализѣ каждаго распадаются на три закона.

Главный законъ раздѣленія или распредѣленія есть законъ противорѣчія, но его синтетическія свойства выразятся закономъ самотожества каждаго предмета многообразія. Главный законъ сочлененія (сочетанія) двуединое тождество противоположнаго. И наконецъ, законъ сосредоточія— законъ тождественности троичнаго единства изначальнаго творчества.

Вообще законъ достаточнаго основанія былъ установленъ и введенъ въ обиходъ, какъ особенно важный законъ, при сравненіи съ остальными законами формальной, элементарной (образцовой и начальной) логики древнихъ, что прямо указываетъ на недостаточность существовавшихъ трехъ формальныхъ законовъ: тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго.

Самъ по себѣ этотъ законъ обоснованія по содержанію пустъ, и требуется опредѣлить, что намъ слѣдуетъ признать общимъ основаніемъ для разсудочнаго разумнаго и умнаго мышленія. Сначала предполагаемъ, что этимъ основаніемъ слу-

житъ *разложеніе* (*анализъ*) цѣлаго на множество самостоятельныхъ частей; тогда получается раздѣленіе и распредѣленіе множества обособленныхъ отдѣльностей.

Затѣмъ для эволюціонной логики развитія нужно было-бы признать, что достаточнымъ основаніемъ служитъ не раздѣленіе на множество частей, а *сочетаніе* (*синтезъ*) всякихъ двухъ противоположностей въ одно.

И, наконецъ, для логики предѣльнаго начинанія и довершенія, мы впервые указываемъ, что таковое достаточное въ семъ предѣльномъ мышленіи основаніе заключается въ *сосредоточенности* (*концентраціи*) признанія единотрочности свободнаго творческаго почина. Чистое единство каждой предметной особи во множествѣ, единство въ двойственности противоположенія и, наконецъ, единство трочности предѣловъ,—вотъ та математическая числовая основа закона обоснованія или, какъ ранѣе называли, общаго закона достаточнаго основанія. Множество (тройственность), двойственность и единство, всѣ три понятія математическія и числовыя.

ГЛАВА IV.

Логика. Законы области разсудочнаго мышленія.

Достаточнымъ основаніемъ для аналитическаго мышленія о предметахъ образцовой начальной логики служитъ положеніе или требованіе, чтобы всякое утвержденіе вполнѣ *исключало* его отрицаніе, а это требованіе относится только къ области предметовъ мышленія *постоянныхъ*, а не перемѣнныхъ. Такимъ требованіемъ Аристотелева логика отограничиваетъ (отмежевываетъ) опредѣленный кругъ своей приложимости и законнаго логическаго воздѣйствія. Всѣ предметы внѣ сего круга постоянныхъ понятій въ элементарно-логическомъ отношеніи не могутъ быть обсужены. По законамъ образцовой логики предметы мышленія перемѣнныхъ и предѣльныхъ не логичны, вздорны (абсурдны). Но это еще далеко не значитъ, чтобы они (перемѣнныя и предѣльныя понятія), будучи вздорными по образцовой логикѣ, были вздорны вообще, такъ какъ они вполнѣ законны по аксіомамъ логики и философіи тождества, по эволюціонной логикѣ развитія въ гегельянствѣ и т. д.

Предметъ разсмотрѣнія логики формальной ограниченъ кругомъ понятій постоянныхъ, и для нихъ-то содержаніе закона достаточнаго основанія заключается въ слѣдующемъ:

„*Утвержденіе и отрицаніе мышленія постоянныхъ предметовъ взаимно и вполнѣ* (т. е. безъ остатка) **исключаютъ** *другъ друга*“.

Въ силу этого одноосновнаго аналитическаго **закона обоснованія** постоянныхъ предметовъ мышленія утверждаются три аксіомы образцовой логики: 1) законъ самотожества, 2) законъ (главный) противорѣчія и 3) законъ исключеннаго третьяго. 1-й законъ положительный, 2-й отрицательный, 3-й законъ указываетъ на отсутствіе какой-либо сосредоточенности. Эта область— исключительной не согласованной двойственности.

Непримиренный дуализмъ, какъ существенный признакъ разсудочнаго мышленія, выраженъ съ наибольшей яркостью въ третьемъ законѣ *исключеннаго третьяго*.

1. Законъ самотожества. Первый законъ начальной образцовой логики Аристотеля для постоянныхъ предметовъ мышленія, хотя и не самый типичный (самообразный или образцовый), названъ нами закономъ самотожества; онъ извѣстенъ подъ простымъ наименованіемъ закона или аксіомы тождества (принципіум идентитатис). Его формула (выраженіе) „Азъ есть Азъ“, „Азъ равно Азъ“, „всѣ Азы“ суть всегда „Азы“, никакое „Азъ“ никогда не бываетъ не „Азомъ“,

(ens est ens). Онъ требуетъ, чтобы предметъ мышленія мыслить, какъ „этотъ“ именно, а не какъ „другой“ или „иной“. Этотъ законъ, основанный самимъ Аристотелемъ, означаетъ, что не допустимо, чтобы одно и тоже сказуемое возможно было утвердить и отрицать относительно одного и того-же подлежащаго въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одномъ и томъ-же смыслѣ. Иначе: законъ тожества повелѣваетъ, чтобы мысли одного и того же содержанія принимались съ логической точки зрѣнія, не какъ различныя мысли, но какъ одна и та же мысль. Карповъ выражаетъ этотъ законъ такъ: „Всякій предметъ мышленія надобно мыслить, какъ „этотъ“ опредѣленный предметъ, а не какъ другой какой-либо“ (стр. 56). Эти опредѣленія понятны сами собою, таково свойство всякой аксіомы (очевидности, наглядности), но болѣе глубокое опредѣленіе, философски выраженное, читается нѣсколько иначе. Это есть правило, которымъ предписывается разсудку въ предметахъ, вошедшихъ въ образы пространства, мѣры и времени, искать постоянно неизмѣннаго, и это постоянно длящееся мыслить, какъ тождественное.

Въ этомъ опредѣленіи указывается съ достаточною ясностью, къ чему долженъ относиться этотъ законъ, а именно, къ предметамъ мышленія или понятіямъ часомѣромѣста, т. е. къ кругу мышленія о вещественномъ, о явленномъ въ дѣйствительности въ области сотвореннаго, и повелѣвается это продолжающееся въ опредѣленныхъ

границахъ и образахъ обособленнаго мыслить самотожественно. Вотъ почему мы и дали наименованіе закона „*самотожества*“.

Критика аналитическаго ума (разсудка) не преминула замѣтить нѣкоторую долю неопредѣленности въ этомъ простомъ законѣ, ибо въ самомъ тожествѣ отмѣтила двѣ весьма рѣзко отличимыя стороны: тожество по качеству и по количеству, тожество признаковъ во всей полнотѣ или только частично (сходство); по сему можно отдѣлить законъ безотносительнаго (абсолютнаго) тожества отъ тожества относительнаго, условнаго (сходство). Еще различается тожество внутреннее и внѣшнее. Всѣ эти разновидности тожества не порочатъ строгости самаго тожества, какъ мы выразились, безъ остатка, ибо оно есть логическое дѣйствіе принимать предметы мышленія въ извѣстномъ объемѣ (границахъ), смыслѣ и содержаніи тожественности самой съ собою, и не допускать въ этомъ признанномъ тожествѣ малѣйшей мысли объ измѣненіи или развитіи тожества, его смѣнѣ и поступательномъ ходѣ. А потому это логическое дѣйствіе находитъ тожество не въ перемѣнномъ, а исключительно въ постоянномъ, какъ и обусловлено закономъ обоснованія логики образцовой.

Тутъ очевидно имѣемъ дѣло съ логическимъ тожествомъ, а не съ тожествомъ реалистическимъ (жизненнымъ), которое допускаетъ многостепенныя различія, начиная отъ намека, сход-

ства, подобія, равенства или уравниванія и кончая наконецъ математическимъ или геометрическимъ тожествомъ.

Съ точки же зрѣнія психологіи (душевѣдѣнія) никакого тожества въ дѣйствительности нѣтъ и быть не можетъ, ибо все есть переживаніе, т. е. вѣчная смѣна.

Психологически никакихъ двухъ тождественныхъ мыслей нѣтъ, и даже выраженіе: „Азъ есть Азъ“ далеко отъ дѣйствительнаго психологическаго тожества, ибо первое „Азъ“ мыслится отдѣльно, а слѣдовательно не отождествляется ни съ какимъ инымъ „Азомъ“, ему предшествующимъ или послѣдующимъ. Мы знаемъ, что Гегель окончательно опровергъ этотъ основной законъ элементарной формальной логики для круга перемѣнныхъ предметовъ мышленія.

На западѣ придаютъ этому закону и чисто реалистическое толкованіе: „То-де сужденіе вѣрно, которое тождественно и сообразно съ дѣйствительностью“. Но такой взглядъ выходитъ изъ области формальной логики, ибо не даетъ критерія (мѣрила) для мысли признать достовѣрность того, что принимается за дѣйствительность. Законъ логическаго тожества цѣненъ своею независимостью мысли, своимъ самостоятельнымъ самодержавіемъ, а потому-то именно мы не удовольствовались прежнимъ названіемъ и назвали это свойство разсудка *самотожествомъ*, которое дедуктивнаго (выводного), а не индуктивнаго (наводнаго) свойства. Тутъ мы строго ото-

граничиваемъ мысль отъ знанія дѣйствительности.

Ходъ познаванія дѣйствительности требуетъ индукціи, т. е. обобщенія частнаго въ общее. Мысль разсудка анализируетъ, т. е. общее расчленяетъ на частное и частичное. Установка тожества мысли съ явленіями дѣйствительности есть задача психологическая, а не логическая только. Опредѣленіе же законовъ достовѣрности познанія задача отдѣльной части философіи (любомудрія), а именно ея знаніевѣднаго отдѣла (гносеологіи)

2. Законъ противорѣчія. Второй и главный законъ начальной образцовой логики постоянныхъ предметовъ мышленія есть законъ противорѣчія (принципіум контрадикціонис). Онъ—противоположный законъ закону самотожества и читается такъ: *утвержденіе и отрицаніе взаимно другъ друга уничтожаютъ*. Никакой мыслительный предметъ формально не можетъ быть мыслимъ, какъ его противоположность. Выраженіе закона противорѣчія: „Азъ не есть не Азъ“.

По отношенію къ закону тожества этотъ второй есть по своему выраженію противоположнаго свойства. Первымъ *требовалось* признать „Азъ за Азъ“, а тутъ рѣшительно и опредѣленно *запрещается* признавать „Азъ за не Азъ, т. е. запрещается приписывать одному и тому-же предмету мышленія противорѣчающія другъ другу опредѣленія и вообще судить что-либо противорѣчивое. Полнота требованія сосредоточивается въ этомъ законѣ, а не

въ первомъ; вотъ почему онъ преимуществуетъ и главенствуетъ, ибо „Азъ", принимаемое за „Азъ", можетъ въ иныхъ случаяхъ быть принятымъ за „Буки". Тутъ-же требуется признаніе, что на одинъ и тотъ-же предметъ нельзя отвѣчать вмѣстѣ и да, и нѣтъ. Если мы утверждаемъ, что „Азъ" есть „Буки", то тѣмъ лишаемъ возможности утверждать, что „Азъ" не есть „Буки". Очевидно законъ противорѣчія примѣнимъ къ кругу понятій обособленныхъ и постоянныхъ, а не годится для понятій самой непрерывной перемѣнности, въ которыхъ нѣтъ момента, когда что-либо обособилось, отограничилось, отождествилось. Очевидно также, что мышленіе должно быть свободно отъ какого-бы то ни было противорѣчія. То же и не то же, положеніе и неположеніе, утвержденіе и отрицаніе, будучи соединены въ одномъ логическомъ дѣйствіи или актѣ мышленія о предметахъ постоянныхъ, одно уничтожается другимъ. Сама тожественность противорѣчитъ существенно нетожественности. Этотъ законъ безусловно вѣренъ въ области мысли о совершившихся фактахъ, когда противорѣчивыя понятія фактически (въ дѣйствительности) другъ друга взаимно уничтожаютъ.

Такъ въ міровой жизни сотворенное вещество въ одно и то же время духовнымъ творчествомъ быть не можетъ. Понятіе вещества противорѣчитъ понятію духа. Вещество не есть духъ. Духъ не есть вещество.

Нужно остеречься все-же отъ смѣшенія поня-

тій „противорѣчіе“ и „противоположеніе“. Первыя несовмѣстимы, вторыя обладаютъ общею природою. Первыя выбираютъ свои предметы изъ двухъ различныхъ областей мысли, напримѣръ, одинъ изъ постоянныхъ, а другой изъ перемѣнныхъ или предѣльныхъ, какъ вещество и жизнь, какъ вещество и духъ. Вещество въ одно и то же время духовнымъ и матеріальнымъ быть не можетъ, равно и духовное въ одно и то же время духовнымъ и вещественнымъ быть не можетъ. Двѣ противоположности могутъ касаться другъ друга, и область касанія, какъ-бы ни была мала и ничтожна въ дѣйствительности, въ одно и то же время, и то, и другое (и то, и противоположное), хотя по значенію ни то, ни другое, ни первое, ни противоположное второе.

Въ противорѣчіи же касанія этого нѣтъ: духъ съ веществомъ непосредственно не сливается. Посему законъ противорѣчія не можетъ быть названъ закономъ противоположенія. Владиславлевъ въ своей логикѣ этой разницы понятій не дѣлаетъ. Но это различіе существенно необходимо, ибо насколько противорѣчащія понятія несовмѣстимы, настолько противоположныя совмѣщаются и отождествляются, а именно въ области соприкасанія.

Гегель законъ противорѣчія опровергаетъ окончательно. Какъ въ тожествѣ есть разныя степени сходства, такъ и въ противоположеніи нужно различать нѣсколько ступеней несовмѣстимости. Безотносительное тождество и безот-

носительная несовмѣстимость существуютъ въ мысляхъ только отвлеченно и логически условно. Жизнь ихъ не знаетъ, но для предметовъ мышленія начальной логики должно обязательно установить, какъ незыблемое начало, законъ противорѣчія въ полной его силѣ, а именно, когда относится къ одному и тому же обособленному предмету, въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же положеніи или отношеніи, въ одномъ и томъ же смыслѣ.

Въ данномъ случаѣ расчленяется мысль на отдѣльныя составныя части, взаимнопротиворѣчивыя, и выдѣляется все, что различаетъ одно отъ другого, такъ что въ отдѣленномъ обособленномъ согласовано все тожественное; вотъ то дѣйствіе разума, которое обосновывается на законѣ противорѣчія. Аналитическая дѣятельность разсудка стремится довести мысль до полной прозрачности, до полной ясности; она выправляетъ свои сужденія не общимъ обхватомъ цѣльности и цѣлокупности, а разложеніемъ и распредѣленіемъ (анализомъ). Тутъ впрочемъ еще далеко неразрѣшенный вопросъ, что при раздробленіи на самостоятельныя обособленія не теряется-ли жизненность первоначальной цѣлины мысли; во всякомъ случаѣ, анализъ дѣлаетъ мысль формальною, внѣшнею, а ея логику лишь начальною, элементарною. Законъ противорѣчія устанавливаетъ непримиримую двойственность, чистый дуализмъ. Невозможность согласованія двойственности противорѣчія въ общее единство,

порождаетъ третій законъ формальной логики— законъ исключеннаго третьяго, или средняго.

3. Законъ исключенія третьяго. Третій законъ аристотелевской логики для постоянныхъ обособленныхъ предметовъ мышленія или понятій есть законъ исключенія или исключеннаго средняго или третьяго (принципіум ексклюзи медіи сеу тертіи). По сему положенію логическая мысль не терпитъ чего-либо средняго или одно, или его противоположное (вѣрнѣе его противорѣчіе). Говоря языкомъ чиселъ, что-либо третье между утвержденіемъ и отрицаніемъ не допускается; другими словами, согласованіе противоположнаго невѣрно, не признано начальною логикою. Выраженіе сего закона слѣдующее: „Азъ есть или Буки, или не Буки". Каждый предметъ мышленія или понятіе изъ двухъ по свойствамъ своимъ противорѣчивыхъ или даже противоположныхъ, одинъ по сему закону формализма пріемлемъ, а другой отвергаемъ, такъ какъ двухъ взаимно-противорѣчивыхъ мыслей (Буки и не Буки) въ одномъ мыслимомъ понятіи разомъ совмѣстить нельзя. Слѣдовательно, если „Азъ" связывается внутренно съ „Буки", то логика не можетъ допустить одновременнаго единенія его съ „не—Буки".

Чичеринъ разбираетъ этотъ законъ, выраженный такъ: „Азъ" есть или „Буки", или не „Буки".

Онъ распредѣляетъ составные члены сужденія на 1) „Азъ", которое есть опредѣленіе, заклю-

чающее въ себѣ, какъ возможныя, объ противоположности и простирающееся одинаково на ту и другую; 2) два противоположныхъ опредѣленія: Буки и не Буки, которыя могутъ быть присоединены къ Азу; 3) ихъ отношеніе, выражаемое частицами: или-или, означающими раздѣленіе. Этимъ отношеніемъ исключается не только одно изъ другого, но и всякое третье. Отсюда слѣдуетъ, что совокупный объемъ Аза дѣлится между Букою и не Букою, такъ что для третьяго, которое можетъ быть или *посторонним*ъ, или *переходным*ъ, т. е. отрицаніемъ или совмѣщеніемъ обоихъ, не остается мѣста. Исключеніе посторонняго слѣдуетъ изъ самаго отношенія *положенія къ отрицанію.*

Все, что исключается изъ положенія, принадлежитъ къ отрицанію, а потому эти два противоположныя опредѣленія наполняютъ всецѣло объемъ всякаго понятія.

„Исключеніе средняго предполагаетъ точно опредѣленную границу между *положеніемъ и отрицаніемъ*, а такъ какъ границею опредѣляется объемъ, а объемъ есть количественное опредѣленіе, то этотъ законъ прилагается только тамъ, гдѣ есть количественное опредѣленіе".

Въ этомъ изложеніи, почти дословномъ, для насъ всего драгоцѣннѣе его утвержденіе, что законъ исключенія третьяго приложимъ только къ количественнымъ опредѣленіямъ, понимая ихъ исключительно, какъ пространственныя, а не временныя, кои также, хотя и переходнаго

свойства, количественно длительны и въ коихъ третье не исключается, а, наоборотъ, включается, служа соединительнымъ звеномъ: настоящее связываетъ прошлое съ будущимъ.

Но въ чичериномъ изображеніи мы охотно перемѣнили-бы противоположеніе: „положеніе къ отрицанію“ на противоположеніе „утвержденіе къ отрицанію“ или „положеніе къ противоположенію“, ибо все, что исключается изъ положенія, находитъ мѣсто въ противоположеніи, а не въ отрицаніи, а что исключается изъ утвержденія, находитъ свое оправданіе въ отрицаніи; къ тому-что положеніе и противоположеніе взаимно не отрицаются, а, наоборотъ, могутъ отождествиться, какъ то доказалъ Гегель. Противоположеніе еще не противорѣчіе, и въ законѣ исключенія третьяго не противоположенія имѣются въ виду, а противорѣчія. Внесеніемъ этихъ поправокъ, быть можетъ, лишь въ недомолвки Чичерина, самъ законъ выясненъ достаточно подробно. Отдѣльный предметъ по содержанію и пространственно отрицаетъ и противорѣчитъ всему, что не этотъ предметъ, ибо два предмета въ одномъ и томъ же мѣстѣ не могутъ совмѣститься, но тотъ-же предметъ при перемѣщеніи можетъ занять противоположное мѣсто, оставаясь себѣ равнымъ, помимо своего измѣненнаго положенія. Но если мыслить само перемѣщеніе, какъ таковое, т. е. предметъ, какъ пространственное обособленіе, то предметъ во все время перехода самимъ собою оставаться про-

странственно не можетъ: каждый сгибъ или поворотъ его мѣняетъ.

Законъ противорѣчія утверждаетъ, что двѣ противорѣчащія другъ другу мысли не совмѣщаются одна съ другой; законъ исключеннаго третьяго, дополняя его, утверждаетъ, что и нѣтъ иного „третьяго", которое бы могло совмѣстить ихъ, и если какое-либо третье и существуетъ, то его должно мыслить либо первымъ, либо вторымъ, т. е. допустить совмѣстимость сего третьяго съ *однимъ изъ двухъ* (законъ альтернативы). Очевидно, что логическая альтернатива и распредѣленіе на двое и взаимное исключеніе обоихъ другъ отъ друга придаетъ всей элементарной логикѣ свойства исключительно непримиримой двойственности.

Третьей составной части (элементъ) чего-либо логика Аристотеля не терпитъ, всякое третье не находитъ мѣста въ ряду двухъ противоположностей. Логика эта логика двойственности—или да, или нѣтъ, такъ какъ невозможно на одинъ и тотъ же вопросъ одновременно отвѣтить и да, и нѣтъ, такъ какъ между утвержденіемъ и отрицаніемъ что-либо третье, согласующее и да, и нѣтъ или отвергающее и да, и нѣтъ, немыслимо.

Но еще греческіе спорщики (софисты), какъ видно изъ Платоновыхъ собесѣдованій, любили такъ составлять вопросы, что нельзя было отвѣтить ни да, ни нѣтъ, а должно было отвѣтить и да, и нѣтъ. Значитъ этотъ законъ годенъ только для такихъ вопросовъ, почему-то прини-

маемыхъ за нормальные, которые требуютъ рѣшительнаго отвѣта или да, или нѣтъ. Значитъ законъ исключеннаго средняго удовлетворяетъ мысли не въ полнотѣ разнообразія своей дѣятельности, а лишь для опредѣленнаго круга понятій и сужденій, ибо всякое развитіе, всякій ростъ есть примиреніе противоположностей.

Поэтому логика съ закономъ исключеннаго третьяго не есть логика дѣйствительной жизни, а неподвижно отвлеченной мысли, она оправдываетъ свое названіе логики формы, логики внѣшняго выраженія или мыслительныхъ образовъ. Отрицать логику формальнаго сужденія невозможно, ибо мысль безъ обособленныхъ понятій о постоянныхъ предметахъ мышленія, какъ безъ конкретныхъ предметовъ, существовать не можетъ. Формальная логика нужна еще и по чисто грамматическимъ соображеніямъ, лексическимъ требованіямъ. Если бы слово не было тожественно самому себѣ и одно не исключало другого, и если можно было бы найти среднее между двумя взаимноисключающимися понятіями, то мысль потеряла-бы свою твердую оболочку въ словѣ и расплылась-бы въ неточныхъ туманныхъ образахъ. Наука о формахъ и сочетаніяхъ слова, т. е. грамматика, потеряла-бы опредѣленность, и нельзя было бы строго отограничить ея составныя части въ отдѣльныя части рѣчи. Грамматики, какъ строгой науки слова, выражающаго опредѣленныя понятія, не было-бы.

Три закона формальной логики: тождества,

противорѣчія и исключеннаго третьяго, взаимно связаны, взаимно вытекаютъ другъ изъ друга и взаимно подтверждаютъ и подкрѣпляютъ другъ друга. Отрицаніе одного закона влечетъ за собою отрицаніе остальныхъ. Гегель, великій реформаторъ античной логики, отвергъ первый законъ тожества, долженъ былъ отвергнуть и второй, а тѣмъ основательнѣе уничтожилъ и третій „исключеннаго третьяго“ именно потому, что законность существованія сего исключеннаго средняго, или третьяго, какъ разъ призналъ за единственно истинную.

Примѣненіе трехъ законовъ первоначальной логики ограничено закономъ обоснованія только *постоянствомъ* и *полною отограниченностью* предметовъ мышленія. Самъ-же законъ исключеннаго третьяго ничего не говоритъ, между какими положительными и отрицательными сужденіями не можетъ быть ничего средняго или третьяго. Хотя законы формальнаго или элементарнаго мышленія (элементовъ, т. е. составныхъ частей мышленія въ ихъ раздробленіи и расчлененіи) должны быть безусловно выполнены мыслью, и они суть непреложныя условія выраженія истины, т. е. указываютъ, при нарушеніи какихъ условій формальная мысль уничтожаетъ сама себя, но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы мысль удовлетворилась этими законами, когда должно рѣшить, насколько ея вполнѣ правильно составленные выводы достовѣрны сами по себѣ, т. е. согласованы съ существующею дѣйствительностью, съ веще-

ственною природою явленій; тутъ требуется еще согласіе мысли съ фактами наблюденія.

Внѣшній формальный складъ начальной логики дѣлаетъ ее теоретическою, т. е. оторванною отъ дѣйствительности по преимуществу; онъ придаетъ свойство отвлеченной учености, часто далеко отстоящей отъ законовъ и природы самаго бытія или существованія дѣйствительнаго. Путы начальной логики должны быть разорваны на томъ простомъ основаніи, что не все можетъ быть принято за обособленное, постоянное. Разумъ мыслитъ и перемѣнное связное, а не только отграниченное, объединенное.

Дѣйствіе разсудка по законамъ начальной логики основывалось на свойствѣ его къ постоянному раздвоенію, въ чемъ помогали ему внѣшнія чувства, которыя воспринимаютъ все во множествѣ. Сами эти чувства многоразличны, но разумъ удовлетвориться только дѣйствіемъ анализа разсудка и дѣйствіями пяти внѣшнихъ чувствъ не можетъ. Главная черта его природы—требовать единства мышленія; разумъ безъ единства мыслить и разумѣть не можетъ. И это разумное единство, въ отличіе отъ разсудочнаго самотожества, назовемъ дѣйствіемъ тождества (написавъ это слово съ буквою д), а не тожества (начертаннаго нами безъ буквы д). Единое, расколотое анализомъ разсудка на-двое, уже не способно возвратиться къ дѣйствительному единству, а потому разумъ, болѣе высокая способность мышленія, пытается соединить это раздвоенное чѣмъ-

либо третьимъ или объединить на какомъ-либо иномъ основаніи и тѣмъ возстановляетъ свою утраченную раздвоеніемъ силу разумнаго законодательства. Поэтому мысль и выражается въ трехчастномъ обоснованіи. Мысля о предметѣ исключительно подъ вліяніемъ разсудка, поколику онъ все созерцаетъ неизмѣннымъ и постояннымъ, какъ мы разсмотрѣли выше, человѣкъ управляется законами тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. Мысля-же въ зависимости отъ представленія внѣшнихъ чувствъ, поскольку человѣкъ видитъ во всемъ живомъ и въ себѣ лично постоянное развитіе и смѣну, сила его мысли требуетъ иного обоснованія, и отъ постоянства мысли переходитъ къ признанію сочетанія и связи всѣхъ промежуточныхъ миговъ этого расклубленія. Тутъ выступаетъ передъ ними требованіе отождествить противоположные соприкасающіеся миги роста или межи развитія. Это заставляетъ мыслящую силу установить законы и для тѣхъ ея предметовъ сужденія, кои не подчиняются законамъ постоянства или тожества; онъ часто исключенное третье не можетъ не признавать иначе, какъ за существующее. Умъ, освободившись изъ узъ дуализма, выходитъ на ширь трихотомности.

4. Взаимное соотношеніе и построеніе законовъ начальной логики. Въ русской научной словесности отмѣчаются три типа (образца) построенія взаимнаго соотношенія, взаимной зависимости законовъ логики. Представителями ихъ являются:

Карповъ (1856), Владиславлевъ (1881) и Чичеринъ (1894).

Карповъ отрицалъ самостоятельность закона исключеннаго третьяго, а ограничивается указаніемъ связи закона тожества, противорѣчія и достаточнаго основанія. Мысля о предметѣ исключительно подъ вліяніемъ ума, поколику онъ все созерцаетъ неизмѣннымъ и постояннымъ, разсудокъ управляется закономъ тожества (лекс идентитатис). Разсматривая свои матеріалы и сочетавая ихъ въ зависимости отъ представленія чувства, поколику она во всемъ видитъ разнообразіе и измѣняемость, сила мыслящая подчиняется закону противорѣчія (лекс контрадиктіонис). Стремясь раздвоенный умомъ и чувствомъ предметъ посредствомъ какой-нибудь связи привести къ единству въ сознаніи, она слѣдуетъ закону достаточнаго основанія (лекс ратіонис суффиціентис). Изъ этого вывода законовъ мышленія явствуетъ, что Карповъ понимаетъ ихъ не просто, какъ *начала направительныя* (принципіа регулятива), но вмѣстѣ какъ *основанія постановительныя* (принципіа конститутива), дѣятельностью которыхъ воспроизводятся въ разсудкѣ стремленія ума и чувства. Его взглядъ и построеніе не чисто мыслительные, но по преимуществу психологическіе. Карповъ такимъ образомъ есть представитель эволюціонной школы гегельянства, и онъ кладетъ въ основу своего построенія дуализмъ тезиса и антитезиса, которые согласуетъ въ синтезѣ, хотя его считаютъ

за представителя дедуктивной или исключительно формальной логики. Справедливо-ли это?

Владиславлевъ, считая себя приверженцемъ „нормальной и индуктивной“ логики, смотритъ на логику, какъ на органъ нравственныхъ, такъ и реальныхъ наукъ, но все-же оставилъ въ сторонѣ законъ достаточнаго основанія. Впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, онъ приверженецъ индукціи и особенно подробно разсмотрѣлъ законъ исключеннаго третьяго и различилъ „отношенія противорѣчія между мыслями отношеній противоположности“.

Логическое мышленіе, пишетъ онъ, обобщая нормы мышленія, управляется опредѣленными законами. Они суть постоянныя и неизмѣнныя требованія, которыя умъ проводитъ во всѣхъ случаяхъ логической дѣятельности. Такъ умъ всегда и вездѣ отожествляетъ одну и ту же мысль, и какъ скоро условія отожествленія ея даны, онъ не можетъ не совершать его; умъ не выноситъ противорѣчія въ мысли, не можетъ допустить чего-либо средняго, третьяго между утвержденіемъ и отрицаніемъ. Владиславлевъ опускаетъ такъ называемый законъ достаточнаго основанія; по его мнѣнію, нѣтъ основанія считать его закономъ мысли. Послѣдняя можетъ быть твердою и крѣпкою, и не удовлетворяя ему. Примѣръ: понятія Зевса, Аѳины сами по себѣ мысли безукоризненныя, ихъ внутренняя состоятельность ни въ какомъ случаѣ заподозрѣна быть не можетъ. Ни Карповъ, представитель дедуктивнаго,

ни Владиславлевъ—индуктивнаго мышленія, не занялись изслѣдованіемъ взаимной зависимости этихъ законовъ. Карповъ ихъ подвелъ подъ формулу сочетанія противоположнаго.

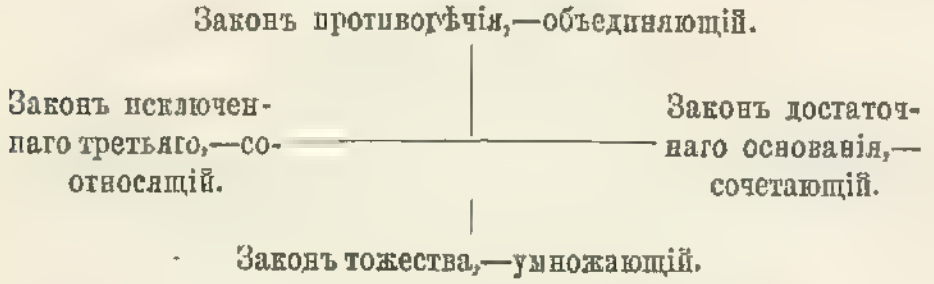
Не то даетъ намъ распорядокъ Чичерина; у него укладъ законовъ обоснованъ на двойной двойственности, которая проведена съ большою послѣдовательностью по всему изложенію и всему его философскому міровоззрѣнію. Этотъ удивительный мыслитель сдѣлалъ то, чего Кантъ не смогъ сдѣлать, что Гегель началъ, но не смогъ докончить, по узкой исключительности своего мыслепониманія.

Чичеринъ („Основанія логики и метафизики"), разложивъ дѣйствительное содержаніе логическаго мышленія на составныя части, занялся выясненіемъ ихъ логическихъ соотношеній и опредѣляетъ самый способъ ихъ сочетанія.

Онъ признаетъ, что въ каждомъ явленіи въ дѣйствительности отмѣчается многообразіе признаковъ,—это одно, и ихъ объединяющая связь,—это два. Посему онъ и создаетъ свой собственный логическій укладъ (схему) въ видѣ двухъ перекрещивающихся противоположностей, а именно:

Тутъ въ основѣ лежатъ два дѣйствія разсудка—соединеніе и раздѣленіе.

Соотвѣтственно сему и законы мышленія можно расположить также крестообразно, связывая двѣ противоположности по двумъ путямъ, сверху внизъ и сбоку на бокъ.



Эту формулу двухъ противоположностей (бидуализма) Чичеринъ считаетъ полною и универсальною, всюду приложимою.

Мы-же смотримъ на нее только, какъ на несовершенную и переходную отъ безсистемнаго уклада плоскихъ категорическихъ опредѣленій Канта къ объемному укладу восточной мысли, что и постараемся выяснить съ развитіемъ нашего взгляда на сущность творчества.

ГЛАВА V.

Психологика. Законы области разумнаго мышленія.

Покончивъ съ отдѣльными законами логики древнихъ, постановленія коихъ исходятъ отъ общаго основанія достаточности, которая заключается въ томъ, чтобы законъ относили только къ предметамъ мышленія постояннаго, отъединеннаго, иначе говоря, аналитическаго свойства съ явною природою единичности, мы естественно переходимъ ко второй части общей мыслительной науки, къ логикѣ двойственной природы. Ея главное основаніе—признаніе не одного, а двухъ противоположныхъ предметовъ одновременнаго мышленія, такъ что одинъ другого не исключаетъ, не уничтожаетъ; наоборотъ, признаетъ, что одинъ другого согласуетъ и отождествляетъ. По психологическому свойству самихъ предметовъ обсужденія, эту часть жизненной логики мы, въ отличіе отъ логики формальной, назвали психологикой; ея законодательству подчиняется срединная наиболѣе психическая сила мышленія—синтетическій разумъ (Фернунфт),—столь отчетливо обособленный отъ аналитическаго разсудка (Ферштанд) нѣмецкой мыслью.

И дѣйствительно, разумъ въ отличіе отъ разсудка основываетъ свои дѣйствія на сочетаніи и соединеніи, а не на раздѣленіи и распредѣленіи; поэтому, согласно своей природѣ, разумъ находитъ основаніе своего проявленія въ законѣ достаточнаго основанія связнаго непрерывнаго перемѣннаго мышленія жизненности и имѣетъ дѣло съ понятіями эволюціоннаго развитія. Онъ проявляется отрицаніемъ закона самотожества, т. е. отказывается отъ признанія за понятіями мышленія „*постояннаго равенства*“ самого себя съ собою. Такого саморавенства въ понятіяхъ смѣны, роста, вѣчнаго теченія и измѣненія быть не можетъ.

Законъ обоснованія для перемѣнно-дѣятельныхъ понятій заключается въ признаніи необходимости двумъ противоположностямъ взаимно отождествляться въ мигахъ или межахъ соприкасанія. Изъ этого признанія вытекаютъ три закона:

1) законъ отрицанія самотожества въ дленіяхъ, 2) законъ тождества противоположнаго и 3) законъ включеннаго третьяго.

Мы видѣли, что начатки логической науки древняго міра, выраженныя въ Органонѣ Аристотеля при выводѣ уставныхъ законовъ, потребовали особаго закона для обезпеченія достовѣрности логическихъ выводовъ, который выразился въ неизмѣнномъ тожествѣ его предмета съ самимъ собою. Внѣ этой области мысли первый основной законъ сего тожества можетъ быть подвергнутъ справедливому возраженію. Если тождество мысли съ самимъ собою, иначе го-

воря, самотождество, и справедливо для явленій и понятій постоянныхъ и отограниченныхъ, то оно совершенно не приложимо къ явленіямъ и понятіямъ, суть которыхъ сама жизненная измѣняемость или вѣчная перемѣнность; напр. понятія развитія, когда каждый предшествующій моментъ непрестанно переходитъ въ послѣдующій, измѣненный. По сути такія явленія свое собственное самотожество нарушаютъ постоянно, и это нарушеніе тождества и вполнѣ мыслимо, и вполнѣ логично. При противоположеніи бытія и небытія, длительное развитіе осуществленія или становленія—вполнѣ логически мыслимо. Полное противоположеніе—да и нѣтъ—могутъ и должны отождествиться; уничтоженіе „да“ и переходъ его въ „нѣтъ“ или, наоборотъ, исчезновеніе „нѣтъ“ и образованіе изъ него „да“ логически и фактически вѣрно. Переходъ отъ отрицанія въ утвержденіе и есть отождествленіе противоположнаго. Значитъ: къ развитію чего-либо законъ противорѣчія не примѣнимъ, и единоосновность, въ которой весь смыслъ закона противорѣчія, переходитъ въ длеиіяхъ въ двуосновность тождества сего противоположенія.

1. Законъ отрицанія самотожества. Мы усматриваемъ въ мышленіи предметовъ непрерывно-перемѣнныхъ и длительныхъ три закона. Первый есть законъ отрицанія самотожества, и онъ выражается такъ: *въ длеиіяхъ мыслимый предметъ во все время смены тожественнымъ самому себѣ не будетъ.* „Азъ становится не Азомъ“.

Тутъ нѣтъ тожества съ самимъ собою, нѣтъ самотожества, а отрицаніе постояннаго тожества съ собою. При сравненіи сего правила съ первой аксіомой логики постояннаго, окажется, что связь (копула) постояннаго въ данномъ случаѣ не есть отограниченіе себя собою, а есть постоянство перехода въ дѣйствіе постояннаго измѣненія. „Азъ становится не Азомъ“. Средоточіе мысли въ постоянствѣ становленія.

Изъ этого можно заключить, что первый законъ логики эволюціи не противорѣчитъ первому закону формальной логики, ибо оба утверждаютъ тожество двухъ постоянствъ — статическаго и динамическаго. Статическое тожество логики постоянства нарушается, но устанавливается динамическое (длительное) тождество съ замѣною глагола *есть* на *становится*. Отрицаніе перваго тожества и провозглашеніе второго находится въ зависимости отъ перехода изъ области постоянства въ область переходящаго. Безъ внутренняго саморазличія ни жизни, ни развитія нѣтъ.

2. Законъ тождества противоположнаго. Второй законъ есть законъ тождества противоположнаго. Его краткое выраженіе: „Азъ есть Буки“.

Въ гегельянскомъ отождествленіи противоположнаго, всякое „третье“ есть согласованіе или сочетаніе двухъ алтернативъ (одинъ изъ двухъ). „Третье„ есть соѹзъ двураздѣльности, но „третье“ не есть что-то независимое отъ первыхъ двухъ, а, наоборотъ, оно въ тѣсной существенной зави-

симости, какъ отъ перваго, такъ и отъ второго, составляя ихъ тождество. Поэтому логика развитія сама по себѣ дуалистична и двойственна по преимуществу, но имѣетъ цѣлью согласовать и разрѣшать двойственность въ „третьемъ“, отыскивая въ немъ соѵзъ (синтезъ) и подкрѣпленіе своего дуализма, а не отрицаніе или того, или другого, такъ что является дуализмомъ, не раздѣленнымъ, а *согласованнымъ*, что и составляетъ третій законъ перемѣнности.

Законъ тождества противоположностей основанъ на признаніи, что высшее единство достижимо только посредствомъ полнаго развитія и примиренія глубочайшаго и обширнѣйшаго антагонизма. *Умереть чтобы жить*, — вотъ Гегелевъ взглядъ тождества противоположнаго. Этотъ примиренный дуализмъ свое примиреніе выдѣляетъ, какъ особое „третье“, и это среднее не исключается, какъ немыслимое, а, наоборотъ, утверждается, какъ отдѣльное обособленіе; прошлое, связанное съ будущимъ, и есть вѣчно длящееся настоящее. Тутъ появляется „третье“, которое не исключается, а, наоборотъ, утверждается и укрѣпляется. Отсюда вытекаетъ третій согласующій законъ включеннаго третьяго.

3. Законъ включеннаго третьяго. Третье правило читается такъ: *всякая примиренная и отождествленная двойственность порождаетъ третій средній членъ, т. е. «третье» не исключается, а, наоборотъ, включается.* Выраженіе его таково: „Вѣди при переходѣ Аза въ Буки отождествляется и съ

Азомъ, и съ Букою", или Вѣди выдѣляется отъ Аза и отъ Буки, вмѣщая и Азъ и Буки. Это правило означаетъ также, что нѣтъ никакого третьяго, которое могло-бы мыслиться помимо тождества перваго съ противоположнымъ ему вторымъ. Третье есть мигъ или межа перехода отъ перваго къ противоположному, посему этотъ законъ не законъ исключеннаго *третьяго* „третье", наоборотъ, включается, а не мыслится, какъ нѣчто самостоятельное, нѣчто самодержавное. Тутъ исключается всякое четвертое.

Логическое дѣйствіе разума при этомъ выразится не въ обособленіи и ограниченіи, а въ сопоставленіи и сведеніи двухъ въ третьемъ.

Если прообразомъ предметовъ мышленія по начальной логикѣ можетъ служить единица, какъ мѣра, взятая въ отдѣльности, то прообразомъ предмета мышленія эволюціонной логики, или психологики, развитія можно принять текучесть времени. „Азъ" соотвѣтствуетъ, скажемъ, всякому мигу прошлаго, „Буки"—мигу будущаго; третье, т. е. тождество „Азъ" и „Буки", прошлаго и будущаго, составитъ совершенно отдѣльное понятіе, мыслимое самостоятельное,—а именно, настоящее, которымъ прошлое отдѣляется отъ будущаго или прошлое сливается съ будущимъ. Мѣрность единицы начальной логики придаетъ ей, собственно говоря, ея образцовость. Временность, вложенная въ текучесть понятій длительныхъ, придаетъ логикѣ перемѣннаго (эволю-

ціи) жизненность и длительность развитія (расклубленія).

Всѣ три положенія психологики выведены изъ гегелевскаго закона тождества противоположнаго и построены по образцу законовъ начальной логики. Здѣсь соотвѣтствіе полное. Законъ тожества и законъ тождества противоположнаго, оба утверждаютъ мыслимое равенство. Первый относительно одного и того же предмета, причемъ получается собственное внутреннее саморавенство; второй относительно двухъ различныхъ и притомъ противоположныхъ предметовъ мышленія. Также законъ противорѣчія начальной логики и законъ самоотрицанія въ эволюціонной логикѣ (психологикѣ), оба отрицаютъ равенство: въ первомъ случаѣ двухъ взаимноотограниченныхъ предметовъ, а во второмъ— равенство предмета мышленія съ самимъ собою въ дленіи. Послѣдніе два закона имѣютъ дѣло съ третьимъ предметомъ, признавая или отрицая возможность такового. Логика *не* признаетъ, психологика признаетъ, но не въ отдѣльности, а при сліяніи двухъ противоположныхъ данныхъ. Настоящее во времени, а не внѣ его, и, наоборотъ, принадлежа обоимъ заразъ и прошлому, и будущему, находится на рубежѣ перехода отъ прошлаго къ будущему или, говоря иначе, въ поглощеніи будущаго прошлымъ. Посему краткія выраженія сихъ шести законовъ получаются вполнѣ одного вида и построенія.

	Логика.	Психологика.
I. Законъ первый.	Азъ есть Азъ.	Азъ становится не Азомъ.
II. Законъ второй.	Азъ не есть Буки.	Азъ есть Буки.
III. Законъ третій.	Вѣди или есть Азъ или Вѣди есть Буки.	Вѣди есть и Азъ, и Буки; или Вѣди не есть ни Азъ, ни Буки.

Теперь мы достаточно разобрались во внутреннемъ смыслѣ двухъ отраслей логики и убѣдились, что аристотелевскіе законы недостаточны и что на самомъ дѣлѣ существуютъ двѣ области мышленія. О третьей рѣчь впереди. Мы видѣли, что основаніе первой отрасли есть самодовлеющее единство, а второй — объединенная двойственность.

Мы знаемъ также, что на основаніи трехъ законовъ логики развиваются сужденія и установляются умозаключенія по опредѣленнымъ правиламъ, и логичность выводовъ обезпечена заранѣе. Спрашивается, если мы имѣемъ дѣло съ предметами мышленія эволюціоннаго (расклубленческаго) свойства, то сужденія о нихъ и умозаключенія по нимъ будутъ-ли протекать по пріемамъ образцовой логики или потребуютъ новыхъ еще невѣдомыхъ способовъ. Для примѣра выведемъ слѣдующее умозаключеніе:

Человѣкъ не есть дикое животное.

Обезьяна есть дикое животное.

Человѣкъ не обезьяна.

Мы знаемъ изъ опыта и наблюденія, что животныя улучшаются. Мы встрѣчаемъ рядъ породъ на землѣ различной степени совершенства. Существуютъ и совершенно дикіе люди. Значитъ, имѣя сужденіе о человѣкѣ и обезьянѣ вполнѣ достовѣрное, мы, основываясь на законахъ психологики тождества противоположнаго, дѣлаемъ слѣдующее заключеніе:

I. Человѣкъ вышелъ изъ состоянія дикости, также способенъ совершенствоваться, противополагается обезьянѣ.

II. Обезьяна дикое животное, которое способно совершенствоваться; она въ свою очередь противополагается человѣку. Значитъ: человѣкъ усовершенствованная человѣко-обезьяна. Проще сказать: *человѣкъ есть обезьяна.* Есть или была третья, средняя, порода человѣко-обезьяны.

Конечно, если признать непрерывное развитіе всѣхъ породъ животныхъ и отрицать въ образованіи народовъ свободно-творческую силу почина, то умозаключеніе по второму закону психологики тождества противоположнаго „человѣкъ есть обезьяна“ вполнѣ логично и психологично.

Сужденія по законамъ психологики могутъ быть столь-же строгими, какъ и по начальной.

Но мы не заняты теперь опредѣленіемъ формъ сужденій и умозаключеній по психологикѣ.

Что по нимъ ученые вывели умозаключеніе: *человѣкъ есть отродье обезьяны*, нѣтъ ни малѣйшаго

сомнѣнія. Но зная, что такое утвержденіе совершеннѣйшій вздоръ, а положеніе, что *человѣкъ не обезьяна* есть непреложная истина (по словосоставу обезьяна есть животное безъ духовнаго „я“; человѣкъ же не безъ сего „я“, онъ безъ сего изъяна), мы должны убѣдиться не въ порочности логическихъ и психологическихъ законовъ мышленія, а въ ихъ недостаточности по количеству. Умозаключеніе психологическое „человѣкъ — обезьяна“ опрокинуло умозаключеніе логическое „человѣкъ—не обезьяна“, а само оно должно быть опровергнуто еще новымъ сужденіемъ „человѣкъ никоимъ образомъ не можетъ быть обезьяной“, а именно, если допустить вліяніе творческихъ новообразовательныхъ силъ для новосозданія особыхъ раздѣльныхъ видовъ по роду и племени вполнѣ отограниченныхъ между собой. Признаніе-же непрерывности очеловѣченія обезьянъ и обращенія людей въ обезьянъ вполнѣ отрицается допущеніемъ духовнаго творческаго начала. Признаніе прерывности породъ животныхъ обусловливается и обосновывается, т. е. достовѣрность и логичность сего утвержденія подтверждается законами мышленія предѣльнаго изначала, сосуществованія и совершенія, иначе аксіомами мышленія новообразованія.

Тутъ умѣстно указать, что нужно различать два понятія предѣльности:

1) въ области текучести, она называется *перерывомъ* и обращаетъ предметъ мышленія изъ непрерывно перемѣннаго въ отъединенное и обо-

собленное постоянное; въ семъ случаѣ мысль съ такими частями обращается по законамъ начальной логики;

2) въ области безусловнаго и безконечнаго,— она называется *предѣломъ*. Въ томъ и другомъ случаѣ прерывность и предѣльность могутъ быть мыслимы лишь, когда въ самой непрерывной перемѣнности сомнѣнія не существуетъ, ибо нельзя мыслить возникновеніе и прекращеніе какого-либо бытія, если мы будемъ отрицать промежуточное дленіе самого бытія, т. е. самосуществованія, иначе сосуществованіе. Начало и конецъ не мыслимы безъ длительной текучести средины. Достовѣрность существованія эволюціи не внушаетъ въ мышленіи никакого къ себѣ сомнѣнія.

Эволюція реально существуетъ.

ГЛАВА VI.

Металогика. Законы области умнодуховнаго мышленія.

Расклубленіе (эволюція) пріемлемо логически и психологически. Это-ли вѣнецъ мыслительной дѣятельности? По Гегелю-да, въ дѣйствительности—нѣтъ, ибо сосуществуютъ не двѣ области мышленія; постояннаго отождествленія и перемѣнной непрерывности,—а три. Третья область—область предѣльности, какъ изначальной, такъ и совершенной оконченности. Вотъ тутъ и выступаетъ необходимость, а не произволъ, опредѣлить предѣлъ изначальнаго почина развитія и предѣлъ восхожденія до сверхконечнаго довершенія.

Не разбирая даже вопроса, существуетъ ли на самомъ дѣлѣ реально безусловное начало-конецъ, т. е. предѣло-начало и предѣло-конецъ во вселенной и для вселенной, утверждаемъ, что частичный и частный начало-конецъ осуществляется во всѣ времена (таковы—рожденіе и смерть).

Мышленіе безъ опредѣленія достовѣрности и законности предѣльнаго обойтись не можетъ,

и *область понятія* начало-конца, относительнаго и безотносительнаго, въ разумномъ или умственномъ отвлеченіи, несомнѣнно существуетъ, хотябы даже потому только, что существуютъ слова въ каждомъ языкѣ, у всѣхъ народовъ, во всѣ времена, выражающія лексически эти понятія.

И на самомъ дѣлѣ: всякая-ли текучесть и длительность можетъ мыслиться и съ началомъ, и концомъ? Тутъ не вопросъ о томъ, въ дѣйствительности всякая текучесть обладаетъ-ли началомъ и должна-ли неизбѣжно окончиться, а только мысль, можно-ли допустить каждой длительности то или другое первоначало и то или другое довершеніе? Очевидно, само собою разумѣется, здравый смыслъ утверждаетъ, что да, и обозначаютъ это понятіе начало-конца отдѣльнымъ словомъ *„перерывъ“* или *„предѣлъ“*. Значитъ, кромѣ области мышленія постояннаго, области мысли перемѣннаго, необходимо должна быть уразумѣваема еще область мысли перерыва и предѣла. Прообразомъ ея можетъ служить пространство, начальный предѣлъ котораго мыслится въ точкѣ; находимъ прерывность въ каждомъ ограниченномъ предметѣ, а предѣлъ безпредѣльнаго его распространенія во всеединствѣ міра или вселенной.

Отдѣльныя прерывности подлежатъ разсмотрѣнію логики постоянныхъ объединеній. Мы занимаемся теперь предѣльными.

Разъ предѣльное не есть область текучести и продолжительности ея дленія, разъ предѣльное

не есть область обособленнаго постояннаго въ собственной отграниченности, то новая область мышленія должна подчиниться новымъ нормамъ или своимъ собственнымъ отдѣльнымъ законамъ.

Эти законы, въ силу общаго требованія обоснованія обязательно утверждаются на достаточномъ для него основаніи. Что можетъ служить аксіомою мышленія предѣльности, и какая сила мысли ею руководитъ?

Кромѣ разсудка и разума, человѣкъ обладаетъ третьей силой познаванія,—это его духовный умъ, который вводитъ его въ вѣдѣніе предѣльнаго міра; какъ-бы это вѣдѣніе ни называть, мысль признаетъ логичность предѣла и мысль легко приводитъ перемѣнныя понятія къ предѣлу, какъ и математика приводитъ свои перемѣнныя величины къ предѣлу (0,999....=1).

Для духовнаго ума, мыслящаго предѣльное, достаточнымъ основаніемъ служитъ признаніе возможности сосредоточиванія.

Достаточно допустить не только ограниченіе одного постояннаго понятія (предмета мышленія) отъ другого, не только понимать длительность, какъ смѣну постояннаго и тожества противоположностей этой смѣны, но еще ограниченіе каждой текучести предѣломъ, какъ въ начальномъ и починномъ, такъ и въ предѣльномъ (конечномъ) и вершинномъ сосредоточенномъ достиженіи. Законъ обоснованія для абсолютно предѣльныхъ понятій есть законъ абсолютнаго или безотносительнаго средоточія, которое выражается

творчествомъ изначальнымъ и совершенствомъ сверхконечнымъ. Предметъ мышленія предѣльнаго выходитъ изъ области опыта вещественности, самоопыта жизненности, и принадлежитъ къ области самоуглубленія или самосредоточія дѣйствія признаванія,—къ *волезнанію*, т. е. къ волевому самосвободному знанію. Эта область прозывалась до настоящаго времени—областью метафизическою, познаніе ея и обоспованіе законами мышленія выходитъ изъ области начальной и эволюціонной логики; она, такъ сказать, поверхъ логики или, какъ мы нынѣ установляемъ, будемъ называть *металогикой*.

Законы ея выводятся нами самолично и самостоятельно, ибо ни одна изъ существующихъ дедуктивныхъ, индуктивныхъ и иныхъ логикъ ея не касаются. Намеки разбросаны понемногу, но цѣльнаго уклада законовъ до сего времени не построено, хотя ея истины и исповѣдуются вѣчно христіанами и вѣчно отвергаются жидами и жидовствующими, по узкости пониманія дѣйствительнаго (реальнаго) бытія и отрицанію троичности Божества.

Для пониманія постоянства мысли и длительности эволюціоннаго тождества противоположнаго, разсудокъ и разумъ нашъ легко установили формы сего начальнаго и выводного умозаключающаго мышленія. Эти формы вырабатывались съ надлежащею тонкостью, начиная съ философіи древнихъ и кончая философіей нѣмцевъ.

Теперь возникаетъ весьма любопытный новый предметъ изученія. Такъ какъ нами доказано воочію существованіе иной области и иного пути познанія, кромѣ познанія разсудочнаго и разумнаго, а именно той граничной переходной области, гдѣ кончается дѣйствіе законовъ разсудочной логики и эволюціонной философіи и гдѣ зачинается дѣйствіе законовъ вѣрующаго разумѣнія, то и порождается необходимость установить и для этой предѣльной области познанія новыя формы, нормы предѣльности, и онѣ-то и будутъ законами предѣльнаго вѣдѣнія. Новые законы несомнѣнно будутъ отличаться отъ формъ и законовъ логическихъ умозаключеній и эволюціонныхъ положеній, ибо не могутъ упираться на достовѣрныя для знанія посылки, кои лежатъ за предѣлами опытнаго разумнаго пониманія. Діалектическіе пріемы доказательства вѣрнаго познанія положеній предѣльнаго сверхграничнаго вѣдѣнія уже не тѣ, кои достаточны для области текучей эволюціи и для объединенныхъ постоянныхъ предметовъ мышленія. Переходъ изъ посюсторонняго временно-пространственнаго и мѣрнаго міра въ потусторонній *обоюдный*, т. е. переходъ изъ трацендентальнаго въ трансцендентный міръ, долженъ произойти закономѣрно, и основы, или законы, его должны быть совершенными по строгости и возвышенности предмета, ибо ведутъ вѣдѣніе наше въ область совершенства и безотносительной истины.

Такъ какъ въ этомъ новомъ діалектическомъ

способѣ доказательства ранѣе испытанныя предпосылки и установленные законы ни начальной разсудочной логики, ни ограниченной разумной психологики, не пригодны, то вѣрность утвержденія должна вытекать только изъ собственной полноты предѣльныхъ всеобхватывающихъ понятій при совмѣстной связи всѣхъ входящихъ сторонъ; это разъ. Вѣрность будетъ зависѣть отъ яснаго и правильнаго взаимнаго различенія этихъ сторонъ между собою; это два. Вѣрность подтвердится равномѣрнымъ сосредоточіемъ ихъ во всеединомъ; это три. Необходимость отмѣтить различія сложнаго проявленія, хотя-бы совершенно простой основы, вытекаетъ изъ того свойства единства нашего разума, что онъ схватываетъ полноту только при наличности сведенной въ единое разночленной многосторонности. Чистая исключительная единица пониманію не доступна. Сама единица не доступна измѣренію. Объединенная простота сочлененнаго начала или первоначала по своей единичности и полнотѣ никакимъ эволюціоннымъ разумѣніемъ не пріемлема.

Только разноличіе доступно разумному познанію. Отсюда вытекаетъ первое требованіе, а именно: слѣдуетъ точно разграничить различныя стороны единства, такъ чтобы каждая сторона отдѣлялась полностью отъ всѣхъ остальныхъ сторонъ. Это различіе въ области предѣльнаго перехода въ потустороннюю разума должно быть опредѣлено въ моментъ уничтоженія много-

образія, когда различеніе переходитъ въ полноту единства и всецѣлость предѣльнаго или когда она исходитъ отъ этой полноты, при началѣ новообразованія.

Отсюда вытекаетъ и второе требованіе: крайняя простота самого многоразличія.

Проще же трехсторонности во множествѣ быть не можетъ; она должна превзойти двусторонность, которая есть свойство расклубленія или непрерывнаго послѣдованія. Тройственность есть изначальное самое простое выраженіе множества (трес фецит коллегіум). Во всякомъ начальномъ новообразованіи двусторонность ея есть показатель неполноты и третья фаза, третья наличность, при полномъ и правильномъ раскрытіи духовнаго понятія, будетъ началомъ его надлежащаго обнаруженія.

Совмѣстимость въ предѣлѣ должна быть такъже полная, какъ потенціальное (могутное) различеніе должно быть взаимно-исключающимъ.

Итакъ, первые законы діалектическаго раскрытія предметовъ припредѣльныхъ областей заключаются въ обнаруженіи двухъ сторонъ: 1) единства предѣльно-связной простоты и 2) полноты взаимно-исключающаго различенія, возникающей составности, если она новообразуется, или, наоборотъ, объединяющей составности, если она упрощается, довершается.

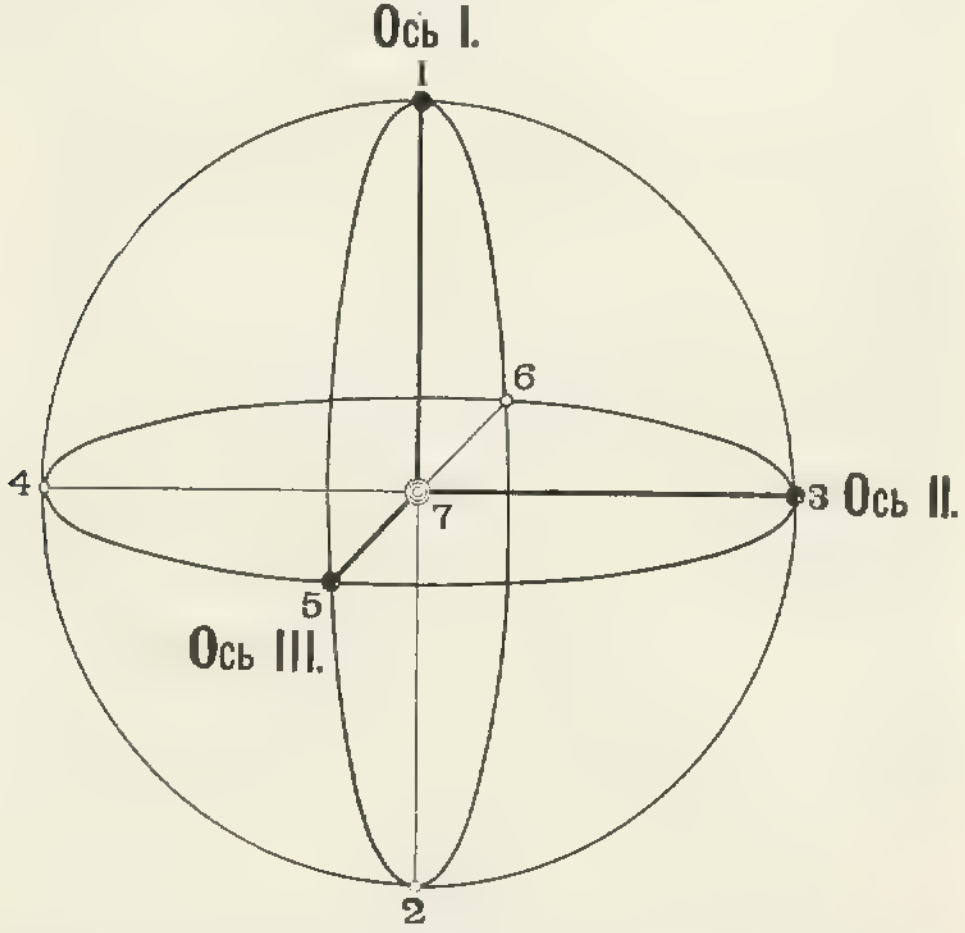
Въ числовомъ отношеніи можно все свести къ тройственности. Тогда получается наиболѣе простое выраженіе началъ предѣльности. Единство

потустороннее и тройственность посюсторонняго опредѣляютъ числовыя свойства разсматриваемаго логическаго раскрытія, что можетъ быть выражено кратко: *единотроичностью познанія предѣльныхъ истинъ*. Такая нераздѣльность трехъ въ единомъ подобно тому, какъ психологическое эволюціонное сужденіе выводитъ изъ соединенія двухъ противоположностей одно тожество и образуетъ единодвойственность, т. е. нераздѣльность двухъ въ единомъ.

Но такъ какъ предѣльныхъ положеній два разряда: одно—начальное, а другое—конечное, то нужно провѣрить, къ какому разряду изъ двухъ относится этотъ законъ единотроичности.

Можно непосредственно по первому взгляду убѣдиться, что единотроичность выражаетъ предѣлъ изначальный. Для конечнаго-же всеобъемнаго предѣла законъ выразится *трое-троичностью* по весьма простой причинѣ. Конечный всеобъемный предѣлъ будетъ предѣломъ всякихъ расклубленій. Начальная единотроичная разлучистость въ эволюціонномъ ходѣ разовьетъ поступательное движеніе въ обѣ стороны, т. е. въ сторону восхожденія и нисхожденія, и, въ моментъ достиженія объемнаго конечнаго предѣла, три положенія каждой изъ трехъ самостоятельныхъ длящихся сторонъ (осей) будутъ стремиться къ безпредѣльному всеобхвату. Начиная сліяніемъ среднихъ переломовъ очага, или центральнаго сосредоточія, всеобхватъ доходитъ до полнаго отождествленія всего промежуточнаго, связаннаго

предѣльнымъ достиженіемъ. Всеобъемъ этотъ опредѣлится пересѣченіемъ трехъ осей, на каждой изъ коихъ отмѣчаются три положенія: шесть конечныхъ далей (1—6) и срединный очагъ (7). Въ полнотѣ довершенія три троичности свяжутся въ едино-семиричность, ибо седьмое составится изъ трехъ серединъ трехъ осей. Вотъ числовая и объемная основа той новой части логики, что мы назвали металогикой.



Теперь уже явствуетъ одно важное свойство умственнаго синтеза предѣла мыслительнаго соуза, а именно: если этотъ соузъ приводитъ нашу мысль къ тріединству нераздѣльнаго совмѣстнаго и не-

сліянnаго цѣлокупнаго, то мы можемъ быть увѣрены, что имѣемъ дѣло съ наипростѣйшимъ изначальнымъ проявленіемъ предѣльнаго творческаго почина; если-же предѣльный мыслительный соѹзъ приводитъ нашу мысль къ трое-троичности или единосемеричности совмѣстнаго и полнаго всеобъема цѣлаго, то мы можемъ быть увѣрены, что имѣемъ дѣло съ наипростѣйшимъ конечнымъ проявленіемъ предѣльнаго довершенія. Тутъ сосредоточены всѣ необходимыя и достаточныя стороны всякаго предѣльнаго начала, какъ абсолютнаго, которое по своей соборности есть начало собезначальное, такъ и всѣхъ промежуточныхъ началъ созидательства и, наконецъ, и сверхконечное довершеніе всякаго развитія *„собезпредѣльнаго“*. Эти понятія въ области воли и чувства чисто метафизическаго или, вѣрнѣе, духовнаго свободнотворческаго свойства.

1. Законъ собезначальности. Понятія изначальнаго предѣла содержатъ полноту свойствъ созидательнаго новообразованія.

При опредѣленіи нормъ сего мышленія, мы замѣчаемъ, что законъ исключительнаго тожества начальной логики къ области предѣльности не приложимъ, ибо, хотя предѣлу первоначала присуща основа самотожества, но оно немедленно переходитъ въ дленіе, для котораго обязателенъ законъ тождества противоположнаго. Первоначало есть начальный предѣлъ длительности или отождествленіе постояннаго съ перемѣннымъ. Если всякое перемѣнное двуначально, а обособлен-

ность постояннаго одноначальна, то первоначало, т. е. переходъ отъ постояннаго къ длительному, должно обладать трехначаліемъ (одноначаліе + 2 началіе = 3 началію). Тутъ законъ самотожества соузничаетъ съ закономъ тождества противоположнаго.

Общій законъ эволюціи—отрицаніе отограниченности и постояннаго—также къ полнотѣ предѣльнаго не примѣнимъ, ибо мигъ возникновенія новаго *отограничиваетъ* полное отсутствіе бытія отъ начала развивающагося, т. е. перемѣннаго становленія. Изначальность и даетъ сему становленію первоисходъ и опредѣляетъ своимъ собственнымъ саморожденнымъ предѣломъ начальную отограниченность; а эта граничность и предѣльность и отрицается первымъ закономъ гегельянства, ибо все въ его расклубленіи тянется и течетъ. Значитъ основа новообразованія иная, чѣмъ самотожество и тождество противоположнаго. Связь этихъ законовъ составитъ ихъ соуз̀ъ, который будетъ первымъ закономъ новообразованія или творчества. Творчествомъ поэтому называемъ отограниченность перемѣннаго, и оно по своей сути неизбѣжно тройственнаго свойства, ибо мыслимо итожно сосуществованіемъ единства и двойственности.

Тутъ новообразованіе изъ ничего есть начало бытія, вышедшаго изъ безусловнаго небытія, а не только постоянная перемѣна исчезающаго бытія прошлаго бываніе для замѣщенія его надвигающимся бытіемъ будущаго бываніе. Точно

также предѣлъ бытія есть его конецъ и переходъ надвигающагося бываніе въ безусловное небытіе перемѣнности, т. е. въ совершенство.

Основной законъ творчества поэтому долженъ быть самостоятельнымъ. Онъ отъ основного закона Аристотелева самотожества, и отъ основного закона гегельянства (тождества противоположнаго) существенно отличается, ибо заключается въ изначальности ихъ обоихъ, т. е. въ соузѣ законовъ тожества и тождества. Такая изначальность выразится въ соотношеніи силъ творчества, которое мыслится, какъ единотройственная совокупность, а именно какъ единоначало постояннаго и какъ двуначало перемѣннаго. Посему законъ этотъ будетъ развитіемъ законовъ исключеннаго третьяго и включеннаго средняго и выразится въ видѣ общаго закона исключеннаго четвертаго посторонняго и вмѣстѣ съ тѣмъ и включеннаго трехразличнаго связнаго четвертаго.

Этотъ общій законъ читается такъ:

Въ предѣльныхъ метахъ, т. е. предметахъ мышленія, по существу единотроичныхъ,—всякое четвертое есть одно изъ трехъ началъ новообразованія,—самостоятельнаго же «четвертаго» нѣтъ, такъ что независимое «четвертое» исключается; но вмѣстѣ съ тѣмъ связь трехъ, т. е. сама единотроичность и есть зависимое «четвертое», которое включается въ единство первоначала.

Чтобы ясно себѣ представить этотъ законъ, нужно отказаться совершенно отъ дуализма въ области предѣльнаго, и признать исключи-

тельный трихотомизмъ сосуществованія. Начальный предѣлъ творчества мыслится, какъ не допускающее четвертаго первоисточника новообразованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это четвертое есть сама сочетавшаяся единотроичность собезначальнаго новообразованія.

Первый законъ созидательнаго новообразованія выразится положеніемъ: *сила творчества едина*. Это значитъ: изначальный источникъ творчества не можетъ быть инымъ, какъ *единымъ*. Причина, почему дѣйствительно такое положеніе достовѣрно, заключается въ томъ, что до какого-либо первоначальнаго творчества въ области проявленія,— а творчество и есть крайнее начало дѣйствія сего проявленія, — было абсолютное *ничто*, а оно уничтожается уже однимъ присутствіемъ источника творчества, какъ-бы сложно и всесильно оно само по себѣ ни было. Первое проявленіе творчества уже не уничтожаетъ безотносительнаго ничто, ибо ему предшествуетъ сила творчества и обладатель сей силы—Творецъ. Два или три совмѣстныя дѣйствія начальнаго творчества есть сложное самодержавное творчество, а не множество творчества многихъ творцовъ, оно все-же будетъ по изначалу своему единымъ, хотя двойственнымъ или тройственнымъ творчествомъ по сути. Единство собезначалія есть первый законъ творчества.

2. Законъ нераздѣльности. Вторымъ закономъ металогики или второй аксіомой мышленія метовъ или предметовъ области предѣльнаго, яв-

ляется законъ сосредоточенности предѣльнаго въ новообразованіи или въ начальномъ творчествѣ. Требованіе, имъ предъявленное,– признать, (не взирая на тройственную природу творчества и на ясно отмѣчаемую двусторонность слiянія безусловнаго несуществованія съ безусловнымъ бытіемъ, уничтоживъ небытіе и превративъ его въ существованіе), что творчество сосредоточенно-цѣльно, что̀ и выражается богословскимъ словомъ *„нераздѣльность“*. А это начало по отношенію къ законамъ тожества и тождества есть *тождественность* самотворящаго духа. Аксіома ясная сама по себѣ и по сути наиболѣе достовѣрная изъ двухъ остальныхъ отождествленій, ибо тожество логическое есть *тожество* внѣшнее и всегда условное, *тождество* психологическое вѣчно переходящее и текущее, а *тождественность* пневмалогическая, или металогическая есть тождественность по существу, тождество сосуществованія.

Естественно спросить: „Гдѣ доказательство единотроичной собезначальности? Чѣмъ объясняется эта начальная сложность при томъ обстоятельствѣ, что сама она нераздѣльна и едина по существу“? Но отвѣтить съ удостовѣренною доказательностью на этотъ вопросъ мы не имѣемъ логической возможности.

Законность-же нераздѣльности аксіомна сама по себѣ, ибо въ томъ и сила единотроичнаго мышленія, что тройственное могутное начало мысли сосредоточивается въ единствѣ и цѣль-

ности, въ противномъ случаѣ было-бы три понятія, а не одно единотроичное. Аксіомность по своей сути недоказуема. Сіе совершенно подобно тому, что тождество психологики мыслитъ единодвойственность расклубленія, не какъ нѣчто двойное, отмѣчая каждую часть порознь, а слитно и нераздѣльно, напр. настоящее есть слитная двусторонность прошлаго и будущаго.

Самотожество логики недоказуемо въ той же мѣрѣ, въ томъ-же смыслѣ.

Три стороны нераздѣльности новообразованія называются нами 1) *созидательствомъ*, 2) *рождаемостью*, 3) *исходностью*, пока совершенно произвольно, лишь на томъ основаніи, что въ словарѣ новообразовательныхъ дѣйствій не нашли мы болѣе характерныхъ и типичныхъ (своеобразныхъ и образцовыхъ) выраженій и болѣе взаимно-разграничивающихся понятій. Что эти понятія богословскаго происхожденія насъ смущать не можетъ, ибо, будучи славянофиломъ, словъ и понятій духовныхъ и богословскихъ изъ нашего словаря не вычеркиваемъ.

Нераздѣльность, какъ понятіе сосредоточенности, отождествленія, сосуществованія, мы помѣщаемъ въ средину между закономъ собезначальности и несліянности. Нераздѣльнось вмѣстѣ съ законами тожества и тождества, составитъ настоящее, полное, тріединое средоточіе всѣхъ мыслительныхъ законовъ. Это тріединое отождествленіе есть дѣйствительное выраженіе сосредоточія, ибо требуетъ самаго полнаго и

всесторонняго коренного сплоченія: и 1) каждаго мета съ самимъ собою при отдѣльности, и 2) каждаго мета со своимъ противоположеніемъ, если отождествленіе непрерывно перемѣнное, и 3) мета единотрочности, когда безотносительная крайность самоначинанія, направленная въ разныя стороны творчества, сосредоточиваетъ всѣ меты мышленія въ единую нераздѣльную и вмѣстѣ съ тѣмъ собезпредѣльную цѣлокупность.

Третій законъ предѣла есть его несліянность при всей его нерасторжимости.

Полнота сложности почитается нераздѣльною; это, конечно, не значитъ, что всѣ *три* стороны творчества обратились, вслѣдствіе тождества, въ *одну* исключительную новообразовательную силу.

Очевидность тройственности должна быть обезпечена мыслью, а потому мышленіе и требуетъ почитать ее, какъ *несліянную* цѣльность.

3. Законъ несліянности. Третій законъ—несліянность трочной сложности въ полнотѣ и единствѣ творческаго новообразованія. Эта сложность сторонъ новообразованія не можетъ быть обнаружена нашимъ мышленіемъ непосредственно, ибо само мышленіе—актъ проявленія творчества, а не творчество само.

Тутъ приходится судить лишь по плодамъ древа познанія творчества; и сколько отдѣльныхъ областей или міровъ насчитываетъ или признаетъ наша мысль въ сотворенномъ мірѣ, столько-же и будетъ первоначальныхъ *дый* (мыслимыхъ фактовъ) творчества. Мы не можемъ не

признать за достовѣрность иначе, какъ три взаимно отграниченныхъ первообласти бытія: вещество, душевное и духовное, а потому и новообразовательное творчество, т. е. первопредѣлъ изначальности, должно вмѣстить въ себѣ три новопроявленія бытія вещественнаго, душевнаго и бытія духовнаго. Для послѣдней области выработанъ въ богословской словесности богатый сонмъ понятій, точно и талантливо (геніально) обозначенный весьма выразительными реченіями, коихъ намъ отвергать не приходится. Само слово *изначальный* и *собезначальный* изъ этого духовно-богословскаго словаря.

Будь не три міра творчества, а менѣе или болѣе, и изначальность была-бы не троична, а соотвѣтственно менѣе или болѣе.

Изначальность *вещественнаго творчества* отличается отъ душевнаго новообразованія непосредственностью и простотою въ то время, какъ законъ *душевнаго созидательства* мыслится не иначе, при всей своей непосредственности, какъ двойподѣйственно; творчество вещественное по существу просто, но многосоставно, причемъ активность (дѣятельность) творчества предшествуетъ пассивности (состоянію) сотвореннаго. Изначальность духа также непосредственно проста, но единична; активность (дѣятельность) духовнаго по свойству личной самостоятельности не предшествуетъ, а, наоборотъ, слѣдуетъ за первопачальною безсознательною пассивностью (состоятельностью). Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ понятіе

послѣдовательности слѣдуетъ принимать отвлеченно мыслительно, а не по порядку вещественному, т. е. не временному, не причинному и не пространственному.

Первой творческой изначальности вещества дадимъ названіе собственно *созидательства* или *отчества*; она сосредоточиваетъ дѣйствіе новообразованія на источникѣ творчества или на творцѣ; сотворенное (твореніе) относительно силы творчества абсолютно пассивно и безусловно бездѣйственно и неподвижно. Во второмъ созидательномъ изначаліи дѣятельность (активность) также принадлежитъ творцу, но созидательство само и дѣятельно, и состоятельно (пассивно) вмѣстѣ, т. е. двойственно по сути; его лучше наименовать *рождаемостью*, ибо какъ разъ рождаемость есть новообразованіе двусутевое: дѣятельное отчество и отъ него рожденное, т. е. сыновство, по существу пассивное. Въ третьемъ созидательствѣ изначальность остается бездѣятельной; вся сила новообразованія въ проявленіи дѣйствія самого творчества въ его, такъ сказать, самодѣятельной исходности, а не во второстепенной безсильной *изводимости*. Эту изначальность поэтому и называемъ *исходностью*. Какъ-бы мы ни выражались иначе, лучшаго подбора словъ, какъ *отческое творчество, сыновная рождаемость* и *духовная исходность*, придумать нельзя. Мы не смущаемся, какъ замѣчали не разъ и ранѣе, что выраженія чисто богословскія и даже догматическія, (отчество, рождаемость и исходность),

ибо разсматриваемые область и ея меты обладаютъ свойствами предѣльнаго мышленія и безусловной сути. Догматъ, хотя иными путями, также открываетъ черты и свойства предѣльнаго и совершеннаго. Во всякомъ случаѣ, понятіе предѣльной изначальности—богословскаго свойства, доступное и душевѣдѣнію, и духовѣдѣнію.

Итакъ, мы установили три взаимно-связанныхъ закона предѣльнаго начальнаго мышленія:

1) *Единство собезначальнаго* новообразованія и есть первый внѣшній законъ мышленія предѣльнаго.

2) Единотроичность или троичная *нераздѣльность* составляетъ метъ, т. е. предметъ, второго мыслительнаго закона предѣльности, или единотроичной тождественности; это, скажемъ, есть сосредоточенный законъ единотроичности предѣльнаго новообразованія.

3) Троичность этой собезначальности, ея *несліянность*, т. е. безусловная самостоятельность отчества (творчества), рождаемости и исходности, составляютъ предметъ третьяго закона, а потому этотъ внутренній законъ назовемъ закономъ троичности по преимуществу.

Всѣ три закона предѣло-начала: единство творчества, троичность его дѣятельности и единотроичная его полнота—соотвѣтствуютъ двумъ дѣйствіямъ по законамъ формальной логики,—законамъ тожества и противорѣчія, и двумъ законамъ эволюціонной логики,—законамъ отрицанія тожества и тождества противоположнаго.

4) **Законъ включенія и исключенія четвертаго.** Законъ исключеннаго третьяго элементарной логики и законъ включеннаго третьяго психологики должны соотвѣтствовать еще новому закону мышленія творчества, и таковой естественно обнаруживается, ибо три области творчества исключаютъ возможность мыслить еще и четвертую силу новообразованія за отсутствіемъ соотвѣтственной области его проявленія.

Посему совершенно естественно еще одинъ новый законъ долженъ явно выступить и обнаружить свои неоспоримыя требованія. Это законъ исключеннаго „иного“, въ данномъ случаѣ „четвертаго“, по которому никакое „четвертое“ не можетъ быть мыслимо въ новообразованіи безъ того, что-бы оно не принадлежало одному изъ трехъ: или творчеству вещественнаго, или рождаемости душевнаго, или, наконецъ, исходности духовной. Законъ исключеннаго четвертаго столь-же необходимъ въ мышленіи предѣльнаго творческаго, какъ законъ исключеннаго третьяго въ мышленіи обособленной предметности. Этотъ законъ исключеннаго и включеннаго четвертаго мы и принимаемъ за пропущенное, но уже ранѣе выясненное нами общее обоснованіе всего мышленія предѣльнаго. Оно, какъ видно, исключительно числового характера.

И дѣйствительно, совершенно достаточно обосновать предѣльность ея единотроичностью. Предѣльность почина обозначится вполнѣ опредѣленно, когда убѣдимся, что четвертаго образа

новообразованія въ отдѣльности не существуетъ. Четвертое положеніе въ предѣльности можетъ быть понято, какъ связь самой единотроичной предѣльности, иначе говоря, какъ самая троица, самостоятельно и отдѣльно мыслящая. „Четвертое“, по этой причинѣ, должно пониматься не независимо и въ противоположность къ троицѣ, а, напротивъ, оно понимается неразрывно съ ея сосуществующими тремя фазами или различеніями.

Металогика творческаго духа самая сложная и возвышенная, но не менѣе опредѣленная и разработанная, если не начальной (элементарной) философіей, то богословіемъ. Тщетно искать разработку ея въ системахъ западноевропейской, а тѣмъ болѣе жидовской цивилизаціи, не признающей св. Троицы даже Божества. Намеки на западѣ мы отыскиваемъ только въ предустановленной гармоніи Любница (Лейбница).

Эта область мышленія духовнаго свойства, а западъ признаетъ только разсудочный анализъ, разумный синтезисъ противоположности тезиса и антитезиса эволюціонной психической перемѣнности и относится равнодушно, и даже совершенно отрицательно, къ духовному металогическому мышленію, которое явно христіанскаго свойства и духовнаго углубленія.

Законы предѣльнаго мышленія обосновываются на исключительно числовомъ достаточномъ основаніи свободнотворческаго почина духа, выраженномъ въ общемъ свойствѣ исключеннаго и включеннаго „четвертаго“.

ГЛАВА VII.

Построеніе уклада основныхъ законовъ мышленія.

Какъ мы указали, только Чичеринъ связалъ свои четыре закона мышленія въ стройный четырехконечный укладъ двудвойственности, взаимно-противоположныхъ дѣйствій и положеній: единства и множества, отношенія и сочетанія. Всѣ остальные мыслители, хотя связываютъ логически (напр. Карповъ по формулѣ Гегеля: тезисъ+антитезисъ=слитезу), но не проводятъ съ полною строгостью свой образецъ по всѣмъ частямъ и составностямъ ихъ построенія. Соразмѣрный-же укладъ есть такой распорядокъ, который и въ цѣломъ, и во всѣхъ частяхъ, какого-бы размѣра онѣ ни были, одного и того-же образца. Прообразомъ правильнаго построенія служитъ кристаллъ каменной соли. Кубъ соли разбивается на части не иначе, какъ кубами, и мельчайшая соляная пыль состоитъ исключительно изъ однихъ такихъ мельчайшихъ кубиковъ, какъ и первоначальный кристаллъ.

Законъ достаточнаго основанія, выражая троякое признаніе: (отограниченности постоянныхъ

предметовъ мышленія, слитности непрерывно перемѣнныхъ въ дленіи, изначальности предѣльныхъ и безконечныхъ дленій), несомнѣнно объединяетъ разнородность остальныхъ законовъ мысли, но не даетъ плана или образца ни для построенія всѣхъ логическихъ нормъ въ общей, цѣльной, соразмѣрной и полной совокупности (что называется проще цѣлокупностью), ни для каждой группы законовъ въ ихъ обособленіи, ни тѣмъ болѣе для каждаго категорическаго понятія въ отдѣльности.

Чичеринъ въ своихъ домоганіяхъ соразмѣрности и цѣлокупности основъ и законовъ мышленія не превзойдетъ до настоящаго времени.

Между тѣмъ такое согласованное во всѣхъ частяхъ построеніе необходимо установить по преимуществу для начальныхъ законовъ логики и ея отдѣловъ; такъ какъ основной укладъ законовъ долженъ служить законодательнымъ образцомъ (нормой) для всѣхъ логическихъ построеній вообще, т. е. для всѣхъ частей и областей мысли, именно: сужденія, умозаключенія и всякой строгой науки, особенно же для категорики, систематики, аналитики, предѣловѣдѣнія и т. д., какъ въ ихъ полнотѣ и цѣлости, такъ и въ ихъ раздробленности для каждой части въ отдѣльности.

Между тѣмъ мы не могли не замѣтить, что законы мышленія какъ-бы противорѣчатъ другъ другу, и только общій законъ *обоснованія* вноситъ примиреніе и соразмѣрность. Такъ напр. три закона формальной логики къ понятіямъ

развитія и роста вовсе не приложимы. Законы тождества противорѣчія и включеннаго третьяго, свойственные понятіямъ перемѣннымъ, не пригодны къ сужденіямъ предѣльнымъ.

Законъ тожества, принятый Любницемъ (Лейбницемъ), отвергнутъ Гегелемъ для всего мышленія; онъ (Гегель) замѣнилъ самотожество бытія такимъ бытіемъ, которое всегда отождествляется съ небытіемъ, найдя примиреніе въ связи бытія и небытія въ третьемъ, включенномъ между противоположными состояніями, положеніи *бываніа* или *становленія* (осуществленія, но не сосуществованія. По Хомякову: „*гряденія*“).

Основываясь на этомъ законѣ отрицанія самотожества бытія, эволюціонная логика развитія устанавливаетъ въ построеніи разъединеннаго дуализма примиреніе и согласованіе. Вводомъ третьяго положенія, двойственность проявляетъ нѣкоторое тяготѣніе къ тройственности, она становится послѣдовательною, но безъ сосредоточенности и теряетъ свою рѣзкую разъединенность.

Чичеринъ въ своей системѣ крестообразнаго бидуализма этого внутренняго средоточія въ перекрестѣ не вводитъ, а довольствуется согласованіемъ послѣдовательности внѣшней, какъ-бы по окружности круга: единство черезъ сочетаніе обращается во множество, а множество черезъ отношеніе въ единство. И такимъ-то образомъ у него мысль переходитъ одна къ другой, съ чего бы она ни началась и въ какую сторону она бы ни повернулась.

Мы, задавшись цѣлью создать новое построеніе, установляемъ въ общемъ укладѣ Чичерина третье срединное въ перекрестѣ двоедвойства средоточіе. Для сего вводимъ въ кругъ мыслей очагъ (центръ) вращенія и кромѣ того къ двумъ чичеринскимъ дружкамъ (парамъ) двойственности прибавляемъ третью.

Поступаемъ такъ:

За крайнія начала мы не беремъ пока гегельянскаго *небытія* или „*ничто*“, т. е. понятіе предѣльнаго, которое въ противоположеніи потребуетъ понятія „*все*“ вмѣсто „многое“, а выбираемъ дробное единичное, именно „*частичное*“, которое при своей дробной множественности противополагается „множеству цѣльностей“. Чичеринское же „*единое*“ вдвигаемъ въ средину между множествомъ частичнымъ и множествомъ цѣльныхъ и получаемъ рядъ, состоящій изъ трехъ положеній:

Частичное—единое—множество.

Единое въ понятіяхъ количественныхъ единственное вполнѣ срединное и сосредоточенное, вполнѣ простое и мѣрное, ибо единица сама служитъ мѣрою частичности и множества.

Въ ряду двухъ логическихъ дѣйствій уклада Чичерина—отношенія и сочетанія прибавляемъ, для образованія срединнаго между ними средоточія, само дѣйствіе сей сосредоточенности, или *сліянія*. Тогда получимъ второй рядъ трехъ дѣйствій мысли, другъ отъ друга вполнѣ отличныхъ:

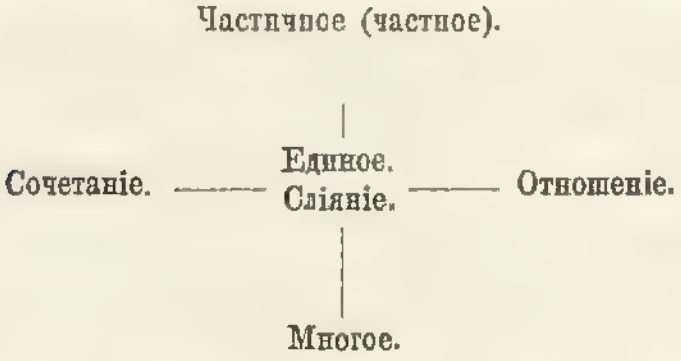
Отношеніе—сліяніе—сочетаніе.

Сліяніе очевидно приводитъ отношеніе и сочетаніе къ полному единству. Отношеніе частей и сочетаніе обособленностей (единицъ) не есть полнота связи, она достигается только превращеніемъ частичности въ единичное цѣлое, и превращеніемъ множества въ составную цѣлокупность, т. е. опять въ слитную единичность. Сліяніе и есть объединеніе, говоря иначе обращеніе *частичнаго* и *множественнаго къ единству*. Поэтому мысль естественно сопрягаетъ въ своей срединной дѣятельности понятія „единства“ и „сліянія“. Оба уживаются нераздѣльно въ общемъ очагѣ, и перекрестъ чичеринскій восполняется именно проявленіемъ сего очага (центра).

Двудвойственность Чичерина (бидуализмъ) получила въ срединѣ своихъ противоположеній переломъ, т. е. обозначился мигъ (моментъ) перехода отъ отрицанія и раздѣленія къ положенію (утвержденію) и размноженію. Тотъ-же мигъ служитъ переломомъ или согласованіемъ дѣйствій отношенія и сочетанія въ дѣйствіе *сліянія*. Раздѣленныя отношеніемъ части тогда могутъ сочетаться, когда опѣ сольются въ соразмѣрныя единства (логическое единство, а не математическая единица, ибо каждая числовая дробь принимается за логическое единство или цѣльность). Вводомъ двухъ среднихъ понятій двудвойственность превращается въ двутройственность (битрихотомизмъ).

Эта измѣненная схема Чичерина выразится въ слѣдующемъ образцѣ:

Сосредоточенная двудвойственность Чичерина.



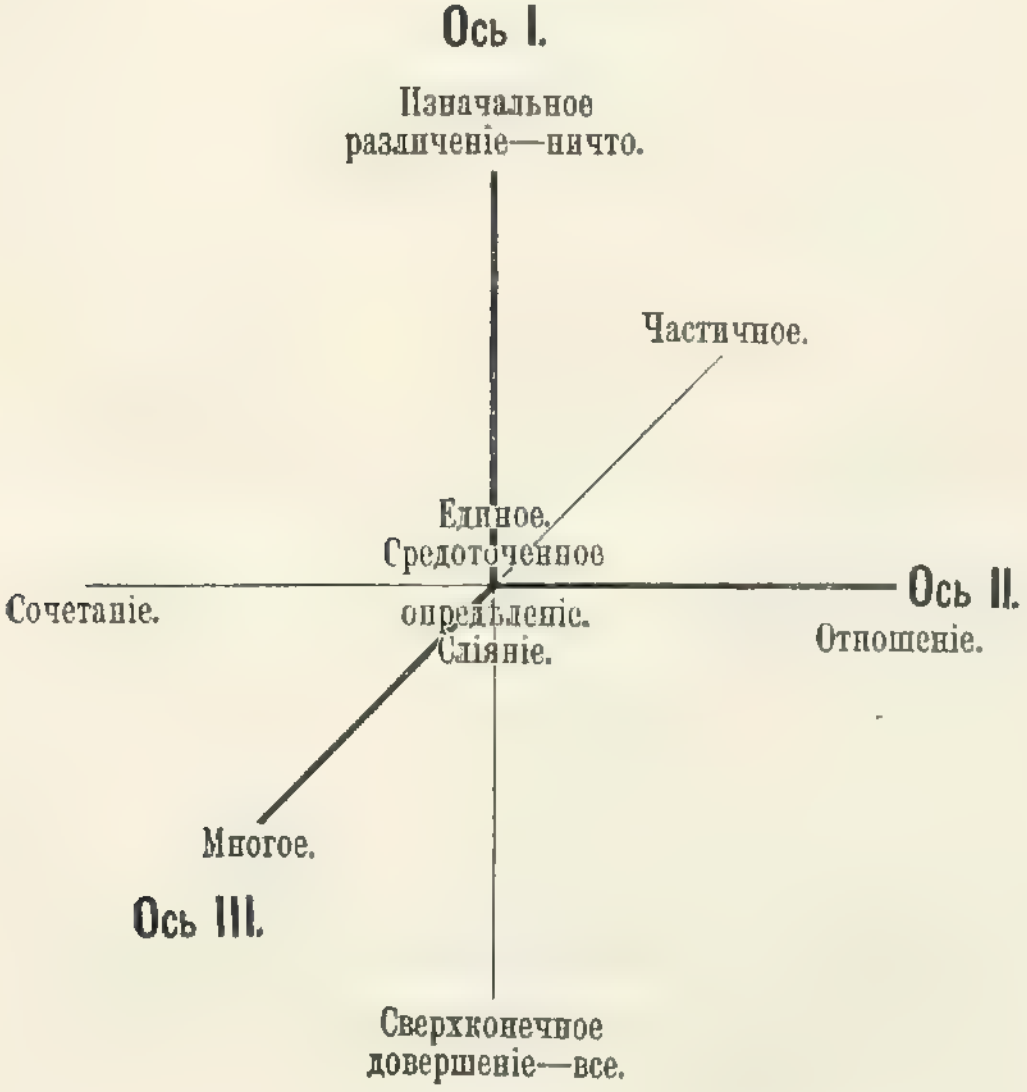
Но этотъ образъ или построеніе составныхъ частей мыслительной дѣятельности еще только переходное, ибо оно плоское, не полное и не объемное. Для достиженія же полноты не хватаетъ указанія на начальные и конечные предѣлы, ибо только слитное единство находится въ предѣлѣ средоточія, именуемомъ *опредѣленіемъ*, или *мѣрностью бытія*. Частичное (частное) не есть граничное понятіе; оно начинаетъ свой ростъ съ предѣльнаго небытія, или съ „*ничего*“; а „многое“ кончается предѣльнымъ всебытіемъ, или „*всѣмъ*“.

Итакъ, „**ничто**“, „**единое**“, „**все**“ мыслятся, какъ предѣльности. Эти понятія не суть ни исключительно обособленныя, постоянныя, ни исключительно непрерывно-длящіяся. Тоже и для „*отношенія*“ требуется починное начало, а также и для „*сочетанія*“—вершинной цѣльности. Вотъ эти граничныя начала—сосредоточенная средина мѣры и конецъ довершенія—входятъ въ существо предѣльнаго мышленія, причемъ въ безусловномъ началѣ отмѣчается „*собезначальность*“ единотроичныхъ отличій починнаго творчества,

въ срединѣ утверждается и опредѣляется „*нераздѣльность*“ единотроичности сосредоточенной сущности, а въ концѣ довершается „*несліянность*“ ея предѣла.

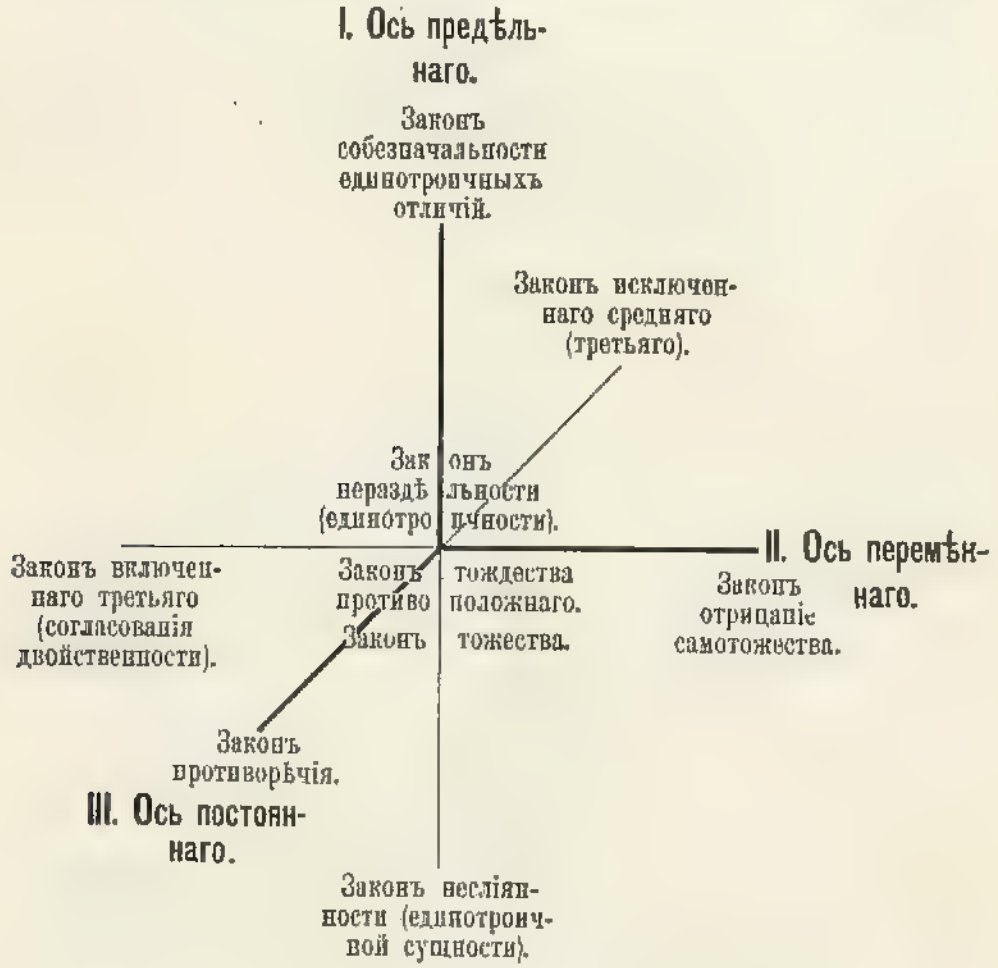
Четырехконечный плоскій крестъ образа (схемы) Чичерина обращается въ шестиконечный перекрестъ объемной полноты составныхъ частей и свойствъ мышленія.

Сводъ полноты основныхъ свойствъ и сторонъ логическаго дѣйствія.



Распредѣленіе составныхъ частей мышленія въ образный, наглядный, шестиконечный перекрестъ даетъ возможность сдѣлать построеніе и девяти начальнымъ законамъ мышленія *постояннаго* вещественнаго, *перемѣннаго* жизненнаго, душевнаго и *предѣльнаго* духовнаго.

Сводъ полноты основныхъ законовъ мышленія.



Ось I есть связь мышленія духовной, II—душевной и III—вещественной областей.

Эти законы могутъ быть представлены построчно и постолбно (строками и столбами) слѣдующимъ видомъ:

Начальные законы, или основы мышленія.

Мыслительная дѣятельность. / Уклады по предметамъ мышлен.	Раздѣленіе (различеніе).	Утвержденіе (сосредоточія и опредѣленія).	Согласованіе (довершеніе).	Числоосновность сторонъ общей логики.
А. Вещество. ЛОГИКА независимыхъ постоянныхъ. Ось III.	1. Законъ противорѣчія.	2. Законъ тожества (самотожества).	3. Законъ исключеннаго средняго (согласованіе въ единствѣ).	Разъединенная двойственность. Чистый монизмъ.
Б. Душевное. ПСИХОЛОГИКА дленія непрерывныхъ перемѣнныхъ. Ось II.	4. Законъ отрицанія самотожества. (Самоотрицаніе).	5. Законъ тождества противоположнаго.	6. Законъ включеннаго средняго. Согласованіе въ двойствѣ.	Согласованная двойственность. Дуалистическій эволюціонизмъ.
Г. Духовное. МЕТАЛОГИКА изначальной и вершинной предѣльности. Ось. I.	7. Законъ несліянности единотроичныхъ отличій творчества.	8. Законъ нераздѣльности единотроичнаго почина.	9. Законъ собезначальности единотроичной сущности.	Единотроичность. Чистый трихотомизмъ.

Мы утверждаемъ, что для объединенія законовъ словеснаго мышленія полезно обосновать ихъ на мышленіи количественномъ (математическомъ), ибо логика всякихъ понятій вмѣщаетъ въ себѣ и логику чиселъ. Числа и количества выражаютъ ихъ только болѣе наглядно и рѣзко по своей чисто математической опредѣленности.

Три области мышленія соотвѣтствуютъ понятіямъ количествъ постоянныхъ, перемѣнныхъ и предѣльныхъ.

Законы количествъ постоянныхъ суть законы ариѳметическаго и аритмологическаго мышленія, причемъ всякое логическое тожество въ математикѣ называется равенствомъ (т. к. лишь логическое самотожество называется въ математикѣ тождествомъ). Противорѣчіе соотвѣтствуетъ количественному понятію неравенства, а законъ исключеннаго третьяго выражается основнымъ признаніемъ математическаго сужденія, что равенство неравенствомъ быть не можетъ.

Законъ перемѣнныхъ соотвѣтствуетъ признанію считать члены прогрессіи неравными между собою, ибо если бы они были равны, прогрессіи не было бы. Законъ тождества противоположнаго соотвѣтствуетъ декартовскому и лейбницевскому пониманію нуля, какъ знакоперемѣнное отождествленіе. Такая знакоперемѣнность мыслится не только въ предѣлѣ начальной безконечности (± 0), но и въ конечномъ предѣлѣ безконечностей ($\pm \infty$). Этотъ полярный моментъ предѣла безконечнаго знакоперемѣннаго свойства есть какъ-бы полярный 0 въ предѣлѣ совершенія.

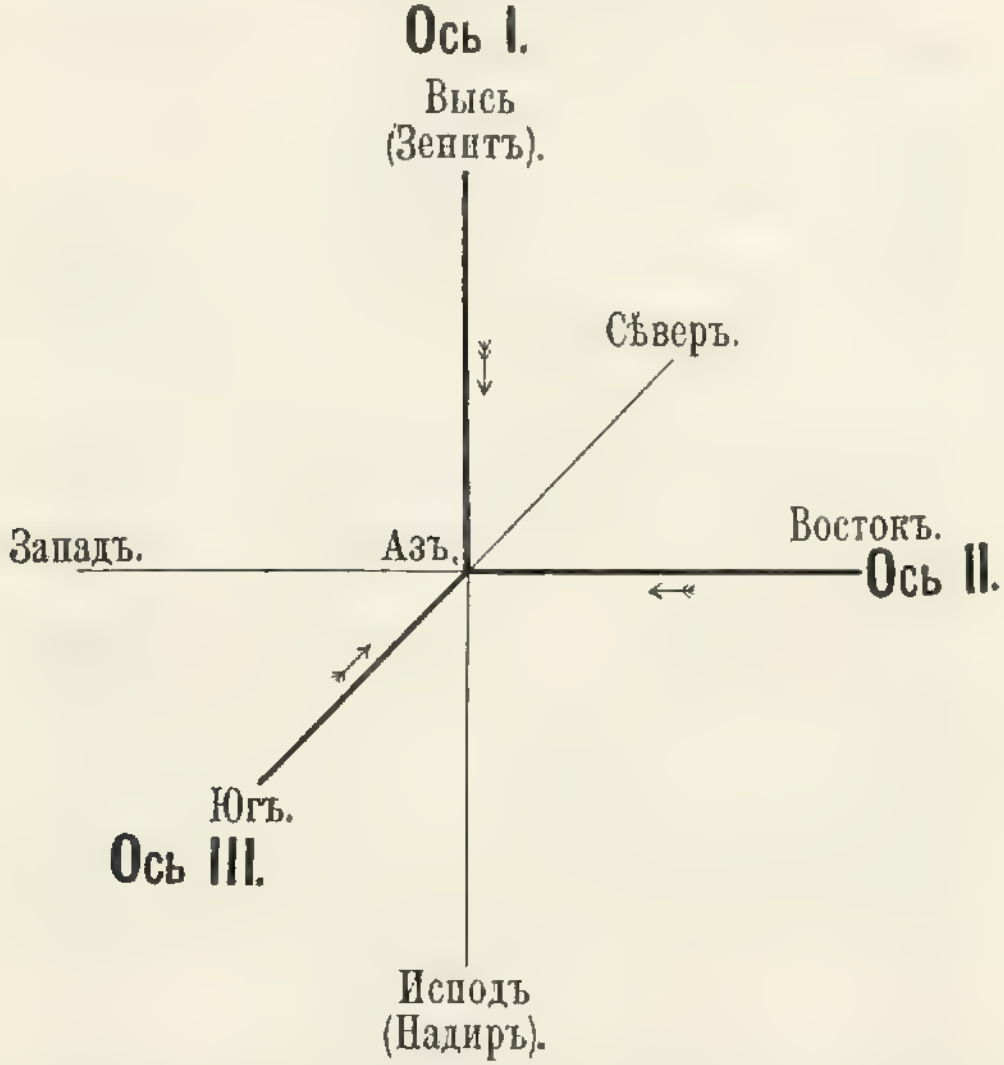
Законъ включеннаго средняго выражаетъ геометрическое касаніе прямой къ кривой, напримѣръ, касательная къ кругу; въ понятіи о времени онъ соотвѣтствуетъ *настоящему*.

Законъ единотрочности предѣловъ выражается математически осями координатъ, а само дѣйствіе перехода перемѣннаго къ начальному или конечному синтезу усматривается въ обращеніи періодическихъ дробей въ простыя.

Координативное чертежное изображеніе принято нами, какъ всеобхватывающій укладъ (схема) всякихъ цѣльныхъ, полныхъ, объединенныхъ понятій, т. е. цѣлокупности. Философія цѣлокупнаго познанія, выраженная координатно трехтроичнымъ соѹзомъ съ девятью или семью положеніями (шесть концовъ и единотроичное средоточіе), основывается на трехтроичности законовъ мышленія, выраженной наглядно перекрестомъ трехъ осей постояннаго, перемѣннаго и предѣльнаго мышленія. Значитъ полнота, достаточность и цѣльность изображенія пространства тремя взаимно-отвѣсными осями должны служить для изображенія полноты мышленія, знаніевѣдѣнія и всякаго рода знанія, построеннаго въ соразмѣрный, цѣльный, полный, всеобщій распорядокъ или укладъ.

Такой укладъ цѣльнаго познанія, названный нами координатнымъ, отличается тѣмъ, что всякое положеніе шести концовъ удалено отъ сосѣднихъ въ одинаковой степени, а именно такъ, какъ отвѣсъ, опущенный на плоскость водяной глади (⊥къ ея уровню), т. е. на совершенно равныхъ математически разстояніяхъ, образуя прямые углы во всѣхъ направленіяхъ. Такъ точно и каждая ось координаціи отстоитъ отъ плоскости остальныхъ двухъ осей на математически равныя уклоненія. Посему и весь распорядокъ называемъ *взаимноотвѣсным* или *соотвѣсным*, и онъ воспроизводитъ въ сущности шесть точекъ удаленій странъ свѣта (координатные пункты).

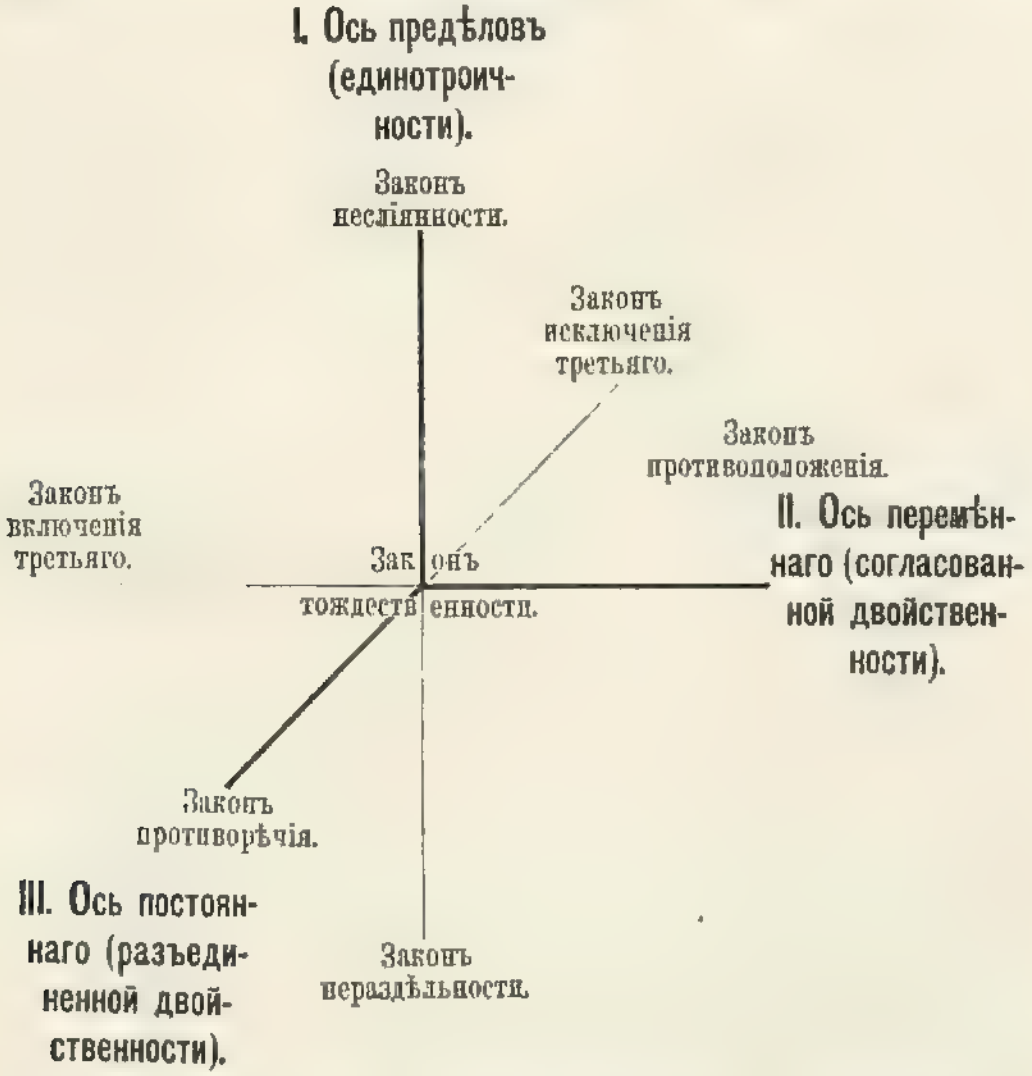
Соотвѣсный (координатный) объемный или пространственный прообразъ.



Тутъ средина обозначаетъ мѣсто стоянія самого лица. Точку эту мы называемъ иногда точкою „здѣстоянія“. Въ данномъ случаѣ отмѣтимъ ее буквою „Азъ“, что означаетъ и мѣсто нахожденія собственной личности, ибо въ мышленіи *эготизмъ* (а не эгоизмъ) совершенно законенъ и изображаетъ *начало*, конецъ котораго въ ѵжицѣ (*α* и *ω*).

Этотъ прообразъ принятъ нами за единственно полный, общій и основной. По сему образцу мы распредѣлили наши законы.

Соотвѣсный укладъ свода законовъ мышленія цѣльнаго познанія.



Оси сего уклада математическаго значенія.

Средній-же законъ тождественности *) по значенію своему срединный и сосредоточенный, ибо отъ него, какъ отъ очага исходятъ лучи во всѣ стороны.

*) Тождественность совмѣщаетъ единотроичность, самотожество и тождество противоположности.

Объединеніе логики, психологики и металогики въ онтологику и изображеніе законовъ мышленія съ точки зрѣнія извнѣ во внутрь.

Намъ приходится остановиться для полноты изложенія еще на другомъ новомъ понятіи, которое, вслѣдствіе развитія законовъ мышленія въ трех-троичный сводъ, крайне желательно. Всякое коренное измѣненіе и ростъ основъ какой-либо науки влечетъ за собою необходимость въ установкѣ новыхъ словообозначеній и техническихъ терминовъ для новыхъ понятій и новыхъ болѣе тонкихъ различій и разграниченій.

Первая ось предѣльнаго, связывающая законы единотроичности, принадлежитъ всецѣло той части общей науки логики, которая названа нами *металогикой*. Вторая ось перемѣннаго, объединяющая законы согласованной чистой двойственности, пригодна вполнѣ только той части общей логики, которая принята нами за *психологику*. Третья ось постояннаго, совмѣщающая законы чистаго монизма (единства), т. е. разъединенной двойственности, исключительно обслуживаетъ старую аристотелевскую элементарную *логику*.

Теперь возникаетъ вопросъ. Эта древняя (аптичная) логика, эта эволюціонная психологика и, наконецъ, новая предѣльная металогика должны-ли, по общности предмета и хода развитія положеній, составлять части, или стороны, какой-то

общей науки слова и мысли? Если да, то мы принуждены отыскать и для этой обобщающей логики, т. е. общей словесной науки, новый технический терминъ, новое словообозначеніе.

„Паплогика“ или „панталогика“ кажутся намъ слишкомъ мало связывающими понятіями для выраженія содержанія всебытія съ его изначальностью и сопредѣльнымъ довершеніемъ. Понятіе полнаго бытія передается лучше всего греческимъ словомъ τὸ ὄν, — что значитъ дѣйствительность, истина, слово происходящее отъ глагола εἰμί — быть, существовать.

Онтологія есть наука о начальныхъ причинахъ бытія, посему и **„онтологика“** могла бы обозначать науку о начальныхъ законахъ слова, мысли и истины. *Онтологика* насъ вполнѣ удовлетворяетъ, и она вмѣститъ въ себѣ *металогику*, *психологику* и *начальную логику*.

Кромѣ установки новаго словообозначенія онтологики, мы вводимъ въ наше изложеніе еще нѣкоторыя новыя слова.

Для болѣе легкой передачи оттѣнковъ мысли различныхъ особенностей предметовъ мышленія въ связи съ установленными нами законами онтологики, намъ приходится остановиться на нѣсколькихъ новыхъ понятіяхъ, зачастую нами высказываемыхъ. Главнѣйшихъ изъ нихъ три, по числу областей мышленія:

1) Предметъ мышленія въ единствѣ, одиночествѣ и обособленности, внѣ всякаго соприкасанія къ постороннему, внѣ соборности и безъ

жизненныхъ или иныхъ перемѣнъ, его полный мыслительный образъ, мы часто называемъ „*метомъ*“. „Метъ“ не есть предметъ или объектъ дѣйствительности, а предметъ въ отвлеченіи отъ дѣйствительности, перенесенный и живущій въ области исключительно мысли—мысленный объектъ въ своей обособленности. Законы метовъ исключительно логическаго формальнаго (образцоваго) и элементарнаго (начально - расчлененнаго) мышленія.

2) Предметъ мышленія въ объединенномъ тождествѣ двухъ противоположныхъ теченій жизненнаго роста и движенія, подвижной текучести и перемѣннаго измѣненія, намп принято называть „*явью*“, и эта „явь“ есть явленіе въ отвлеченіи мыслью. Законы „явей“ въ равной степени и логическаго, какъ и психологическаго содержанія. Ихъ мы назвали законами психологики, ибо наука о душѣ, т. е. психологія (душевѣдѣніе) принимаетъ такое-же участіе въ этой мыслимости, какъ и сама начальная логика.

3) Преметы мышленія единства троичной соборности, безъ существеннаго сліянія и безъ существеннаго раздѣленія, относятся къ области предѣльнаго. Нами употребляются для выраженія этихъ предметовъ мышленія не мало реченій: а) *быть* въ смыслѣ предмета мышленія бытія и бываніа, б) *дѣя* въ значеніи предмета мышленія начала, средоточія и конца самодѣятельности и г) *стать* для выраженія предмета мышленія творческаго новонарожденія или средоточеннаго

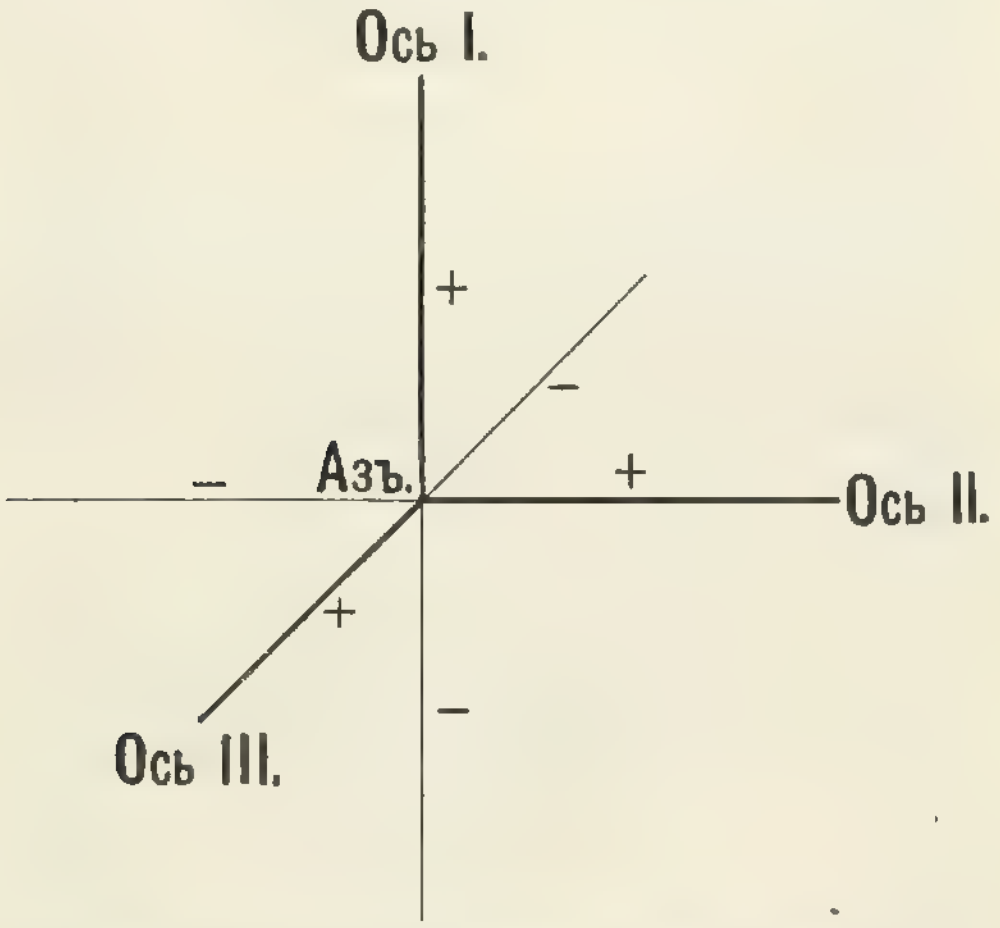
становленія. Въ общемъ тріединство „*быта*“, „*стати*“ и „*дѣи*“ обозначается нами однимъ словомъ „*сутъ*“.

„**Метъ**“, „**явь**“ и „**суть**“ суть полное внутреннее мыслимое содержаніе всего безконечнаго разнообразія существующаго, жизненнаго существеннаго и предѣльнаго сущаго, иначе говоря, сущность „всего“ того, что̀ мысленно распадается на три области: вещества, души и духа.

Эти корневыя краткія слова: *метъ*, *явь*, *сутъ*, *бытъ*, *стать*, *дѣя*, нарочно выбраны нами простыми, ибо они должны обозначать предметы мышленія въ наибольшей простотѣ изначальнаго уразумѣнія. Большею частью они давно существуютъ въ русскомъ языкѣ, но отчасти съ другими оттѣнками въ значеніи, частью вновь естественно подвернулись намъ подъ перо; напр. *метъ* (сокращенное слово предметъ), *дѣя* (сокращенное-дѣятельность). *Явь* въ печати употребляется, а слова *сутъ*, *бытъ* общеизвѣстны (хотя они употреблены въ иномъ, близкомъ по смыслу къ *стать*, значеніи, но съ совершенно новомъ оттѣнкомъ). Необходимость этихъ словъ давно чувствовалась нами, и мы долго колебались, принять ихъ, замѣняя описательными выраженіями, но мысли, коихъ они служатъ выраженіями, будучи собраны въ укладъ, заставили насъ освободиться отъ стѣсненія и безбоязненно выдвинуть ихъ впередъ, что во всякомъ случаѣ облегчитъ дальнѣйшее наше изложеніе.

По объемному пространственному представле-

нію метъ символизируется точкою. Явь по текучести двустороння, а потому для нея самый подходящій образъ черта прямая или черта окружная (въ видѣ окружности круга). Суть-же по своей тріединой сущности всеобъемна для каждаго даннаго предѣльнаго понятія, ея естественный символъ или прообразъ—шаръ съ тремя соотвѣсными осями (тремя координатами). Какъ суть всего, онъ вмѣщаетъ въ себѣ и точку—символъ мета, и три прямыхъ оси съ двойственнымъ направленіемъ—прообразъ яви. Итакъ, чертежный обликъ „сути" всякой сути слѣдующій:



Точка Азъ есть прообразъ мета всякаго пред-

мета. Прямыя черты осей I, II и III суть изображенія яви вещественнаго быта, душевной дѣи и духовной стати. Весь чертежъ есть символъ полноты сути, или предѣльнаго изначала всякаго духовнаго сущаго.

И пространственную полноту всей вселенной великоміра, или всеміра (космоса), изображаютъ математически также тѣми-же соотвѣсными тремя осями X, У и Z и тремя плоскостями: ХУ, УZ и XZ, Такое *соотвѣтствіе* двухъ изображеній міра-вселенной и сущности мышленія полно глубокаго внутренняго смысла! Все едино; во всемъ—полнота всего и всяческаго (все во всемъ).

Въ соотвѣсномъ укладѣ всѣ три степени пространственнаго ограниченія налицо: точка — конецъ черты, черта—конецъ поверхности и поверхность—конецъ пространственнаго объема,—служатъ лучшими выраженіями трехъ частей науки слова: логики, психологики и металогики. Шаровая цѣльность въ полнотѣ есть изображеніе онтологики.

Точка, какъ граница черты, есть наглядное выраженіе мета Аристотелевой начальной, или образцовой (формальной) логики. По содержанію она свободна отъ дѣйствительнаго бытія и естественной природы.

Черта каждой оси, какъ ограниченіе трехъ связныхъ между собою плоскостей съ двузначнымъ противоположеніемъ, есть простое и ясное выраженіе яви Гегелевой психологики, эволюціонной канители и непрерывнаго расклубленія. По содержанію она полна жизнедѣятельности и непре-

станнаго перемѣннаго проявленія. Сама двойственность на основаніи сего образа двойного свойства: черточная —длительная (линейная) и плоскостная.

Дуализмъ, линейнаго непрерывнаго характера, или двойственность черточнаго свойства, по сю и по ту сторону точки, есть *эволюціонизмъ*. Двойственность по сю и по ту сторону черты, т. е. двойственность по преимуществу плоскостнаго свойства, таковъ гегелевскій *историзмъ*. Единодвойственность—болѣе глубокаго значенія и смысла: она сложнѣе и образнѣе. Но есть еще и третья двойственность объемнаго вида по сю и по ту сторону плоскости, двойственность предѣльная, переходъ къ тройственной сути. Ее то собственно и выдвигаетъ *психизмъ* (душе-духовность), какъ грань между вещественнымъ и духовнымъ міромъ. Врядъ-ли многіе приверженцы расклубленія замѣтили разницу силы и мощи предметовъ мышленія въ двойственностяхъ временнаго, плоскоповерхностнаго и душевно-духовнаго обхвата? Эволюціонизмъ естественной исторіи, конечно, отличается отъ историзма общечеловѣческой исторіи, а историзмъ отъ психизма духовной исторіи, но, спрашиваемъ, кто установилъ мѣрило сего тройного расклубленія?..

Такая естественная, жизненная, духовная тройственность покоится на дѣйствительномъ существованіи трехъ областей бытія.

Онѣ-то и составляютъ полное содержаніе науки мысли, законы которой вырабатываются онтологикой.

Эти области и части онтологики наглядно представлены въ слѣдующемъ укладѣ, начиная съ высшаго, кончая низшимъ.

Онтологика:	Металогика.	Психологика.	Логика.
Содержаніе:	Духовное.	Душевное.	Вещественное.
Суть:	Предѣльная.	Перемѣнная.	Постоянная.
Мѣра:	Единотроичная.	Единодвойственная.	Самоединая.

При внимательномъ разсмотрѣніи послѣдняго соотвѣснаго полнаго уклада свода законовъ мышленія цѣльнаго познанія онтологики, можно замѣтить въ чертежномъ изображеніи (стр. 123) одно не вполнѣ строго соотвѣтственное расположеніе. Такъ на двухъ концахъ отрицательныхъ половинокъ осей, а именно сѣверномъ (заднемъ) и западномъ (лѣвомъ) установлены законы *исключенія и включенія третьяго*, а на третьемъ исподнемъ (нижнемъ) концѣ помѣщенъ законъ *нераздѣльности*; между тѣмъ, какъ нами установленъ съ достаточною ясностью третій, подобный первымъ двумъ, законъ *исключенія и включенія четвертаго*, которому, казалось-бы, слѣдуетъ помѣститься какъ разъ на мѣсто, предоставленное закону нераздѣльности.

Мы же до сего времени принимали законъ включенія и исключенія четвертаго, какъ общій законъ достаточнаго основанія для области пре-

дѣльнаго мышленія, выдѣляя его изъ трехъ законовъ собезначалія, нераздѣльности и несліяппости; къ такому отношенію съ пашей стороны побуждала принятая субъективная точка зрѣнія извнутри, выводя законъ исключенія четвертаго изъ сонма внутренняго строя.

Къ тому же область начальныхъ и конечныхъ предѣловъ отличается отъ остальныхъ областей крайней степенью связности и тождественности ея членовъ.

Въ трехъ законахъ предѣльности, съ ихъ общимъ начальнымъ закономъ достаточнаго основанія, можно замѣтить одно совершенно новое, своеобразное свойство. Всѣ четыре закона взаимно-тождественны до такой степени, что одинъ легко замѣщается другимъ. Оно и понятно почему. Вѣдь въ предѣлѣ все сосредоточивается до полнаго единства, но въ тоже время въ этомъ сосредоточенномъ остріѣ предѣльнаго мышленія могутно понимаются три равномѣрно и взаимно удаленныя другъ отъ друга положенія или фазы разноличія мысли, какъ-бы одна и таже мысль проявляется тремя отдѣльными словесными выраженіями. Фаза (φάσις) здѣсь весьма подходящее слово, ибо первомысль (промыселъ) предѣльнаго слова—логоса обнаруживается и повѣствуется (φαίνω) тремя реченіями и благими вѣстями (φημί, что значитъ слововыраженіе).

Одна и та же мысль могутно вмѣщаетъ три словесныхъ лица, взаимно равнозначительныя, одно безъ другого немыслимыя. Законы пре-

дѣльнаго мышленія и суть фазы первоосновнаго единосвязнаго законодательства промысла.

Законы эволюціоннаго расклубленія, или текучей канители, уже не сплочены такъ тѣсно на остріѣ единой мысли, ибо требуютъ противоположенія, хотя-бы и отождествленнаго.

Законы начальнаго и формальнаго мышленія устраняютъ окончательно всякую связь, считая все внѣ опредѣленной мысли непримиримымъ для себя противорѣчіемъ. Самотожество есть мыслительный эготизмъ *мета*. Тождество противоположнаго есть борьба за существованіе бытія противъ небытія въ *яви*. Тождественность трехъ лицъ, или фазъ, первомысли есть соборное согласіе „*совѣта*“, или связнаго вѣщанія совѣсти въ собезначаліи и въ собезпредѣльности.

Поэтому именно починное *собезначаліе* замѣняетъ вполнѣ безъ остатка *нераздѣльность* и *несліянность* сосредоточеннаго единотрочнаго сосуществованія. Такая соразмѣрность предопредѣленнаго промысла въ философіи выражается безсмертнымъ положеніемъ „*предустановленной гармоніи*“ славнаго и великаго славянина Любница. Никакого сомнѣнія быть даже не можетъ въ томъ, что всѣ эти выраженія единотрочности принадлежатъ одной и той-же первоначальной мысли, ибо мы мыслимъ ими предѣльное, доначальное и сверхконечное, гдѣ все нераздѣльно слито и несліянно различно. Предѣлъ по сути своей всеединъ; онъ—едино-все: *пантонизмъ, или уномнія, міра-свѣта-вселенной*.

Четвертое, если-бы оно и существовало, было бы внѣ единотроичности, оно внѣшнее, постороннее; вотъ причина, почему законъ исключенія и включенія четвертаго именно со второй точки зрѣнія, со внѣ во внутрь, не достаточно обобщаетъ остальные три, и окончательно почесть его закономъ обоснованія предѣльнаго не приходится, а таковымъ должно бы естественно принять единотроичную собезначальную сосредоточенность, единотроичный собезпредѣльный всеобхватъ.

При этомъ взглядѣ, со внѣ во внутрь, порядокъ взаимнаго слѣдованія фазисовъ и законовъ первой мысли можетъ быть измѣненъ, конечно, только формально.

Законъ единотроичнаго собезначалія въ семъ случаѣ станетъ обосновывать всѣ остальные три, и тогда только законы металогики будутъ слѣдовать по порядку ниже указаннымъ образомъ:

1) законъ несліянности;

2) законъ нераздѣльности, и

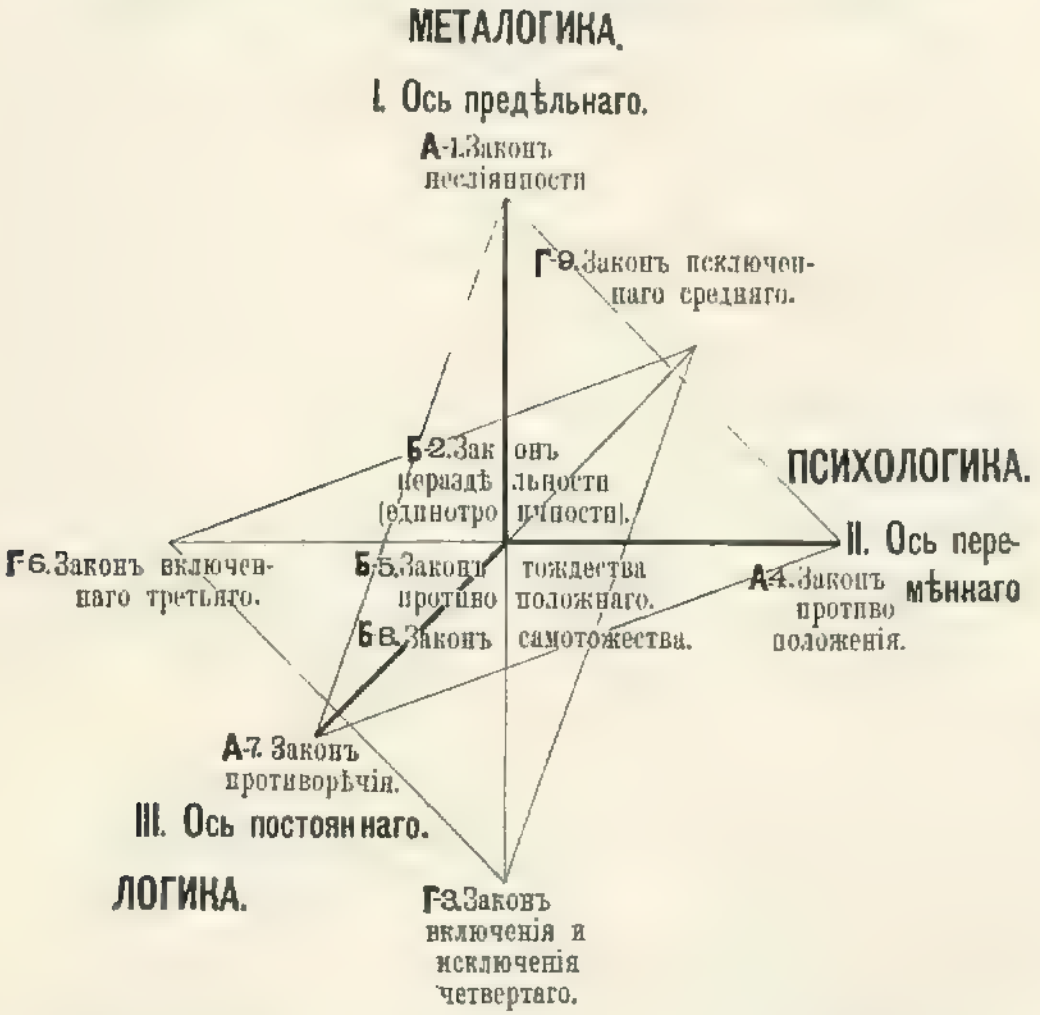
3) законъ включенія и исключенія четвертаго.

Тутъ получится именно то наглядное соотвѣтствіе, которое какъ-бы не было соблюдено въ соотвѣсномъ укладѣ свода законовъ мышленія цѣльнаго познанія.

Теперь, принявъ въ соображеніе поправку въ порядко-распредѣленіи законовъ предѣльности, въ коемъ закономъ обоснованія установленъ законъ собезначальности, а третьимъ исподнимъ закономъ — законъ включенія и исключенія чет-

вертаго. Всѣ девять законовъ этой онтологики выразятся наглядно въ укладѣ нижеслѣдующаго образца:

Сводъ девяти основныхъ законовъ онтологики.



Въ этомъ окончательно распредѣленномъ образѣ законовъ мышленія онтологики, т. е. металогики, психологики и начальной логики, законы металогики обосновываются на законѣ (I) собезначальной единотроичности; психологики — на законѣ (II) согласованной двойственности и логики формальной—на законѣ (III) самоотдѣльной единичности.

Тотъ же сводъ девяти основныхъ законовъ онтологики, представленный въ рядахъ и столбцахъ, приметъ слѣдующій обликъ:

Основные законы онтологики

съ точки зрѣнія извнѣ во внутрь.

Осн. Положенія.		I. Металогика.	II. Психологика.	III. Логика.
А.	ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ:	1. Песліянности.	4. Противоположенія.	7. Противорѣчія.
Б.		2. Нераздѣльности.	5. Тождества.	8. Самотожества.
Г.		3 Включенія и исключенія четвертаго.	6. Включенія третьяго.	9. Исключенія третьяго.
Обоснованіе:		I. Собезначальной единотроичности.	II. Согласованной двойственности.	III. Самоотдѣльной единичности.

Тутъ 3, 6 и 9 законы,—всѣ три вмѣстѣ выражаютъ включеніе и исключеніе третьяго и четвертаго. Такое распредѣленіе, съ точки зрѣнія отношеній извнѣ къ постороннему, послѣдовательно и соотвѣтственно. Но врядъ-ли, оно пріемлемо съ точки зрѣнія тождественности средняго сосредоточія, ибо нераздѣльность выражаетъ понятіе единотроичной сосредоточенности отрицательнымъ образомъ, между тѣмъ какъ соотвѣт-

ственные законы логики и психологики средоточія выражены утвердительно и положительною фазою: законъ самотожества, законъ тождества и наряду съ ними такъ и просится вставить сосредоточенную единотроичность.

Впрочемъ, какъ сказали мы вначалѣ, всѣ четыре закона настолько мыслительно тождественны между собою, что вопросъ о мѣстѣ и взаимномъ порядкѣ ихъ слововыраженія почти излишенъ.

Могутъ спросить: не есть-ли въ концѣ концовъ подобное домоганіе разрѣшенія вопроса о порядкѣ слѣдованія чисто схоластическое упражненіе? Не напоминаетъ-ли оно исканіе рѣшенія задачи схоластическаго мудрствованія: сколькимъ ангеламъ возможно помѣститься на остріѣ стальной иголки, двумъ, или тремъ, или болѣе?...

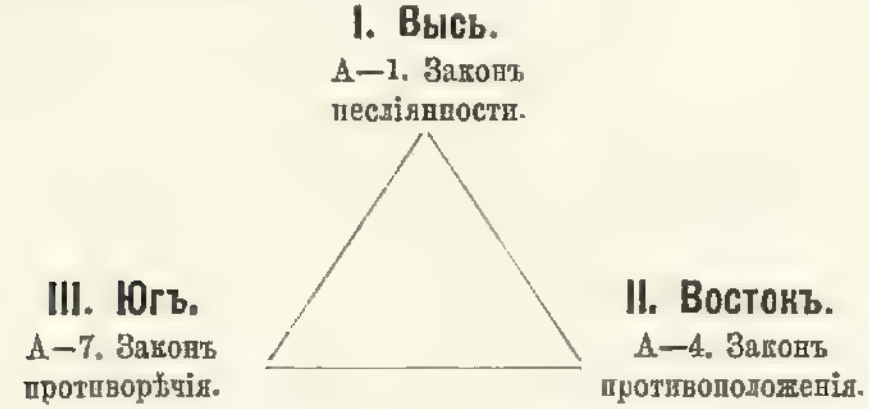
Отвѣтимъ. Конечно пѣтъ, ибо только правильное распредѣленіе частей можетъ способствовать ясному пониманію столь тонкихъ различій въ предѣльномъ единствѣ сущаго духовной области.

Вообще же три закона предѣльнаго мышленія чисто математической закономѣрности; они рѣшаютъ труднѣйшій вопросъ богословія, философіи и этики—о *логичности* и *достовѣрности познанія* изначальной и сверхконечной предѣльности совершенства и ея сути.

Насколько трудно разобраться въ вопросѣ логическаго разграниченія различія въ тожествѣ предѣла, настолько и символизація геометрическими образами подвергаетъ мыслительство въ соблазнъ оступиться и увлечься чисто масонскою

условностью. Такъ въ нашей установкѣ пространственнаго образа размѣщенія законовъ то въ срединномъ средоточіи, то на концахъ осей, или иначе, мы незамѣтно могли бы впасть въ символизмъ треугольниковъ, круговъ и крестовъ, чисто условнаго свойства по пріемамъ сокровеннаго масонства. Впасть тѣмъ болѣе легко, что составныя части соломоновой печати какъ-бы на лицо, а именно:

1) Если соединить три конечныя дали положительныхъ частей трехъ осей, обозначенныхъ буквою А (чер. стр. 135), то получимъ треугольникъ остріемъ къ верху.

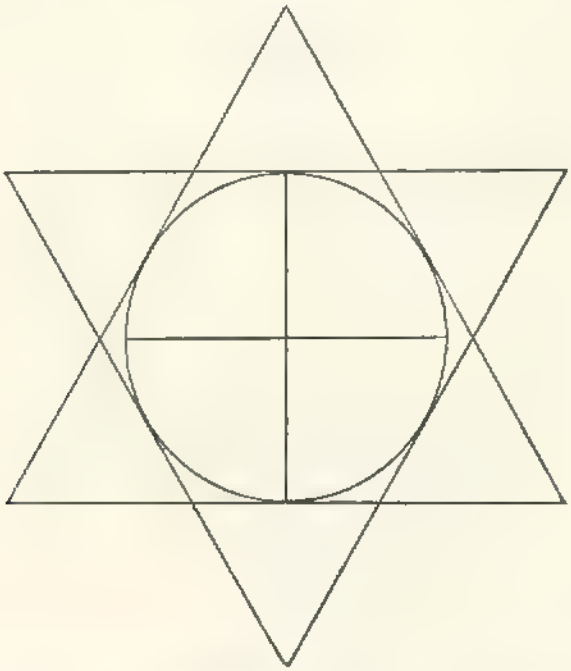


2) Если соединить три конечныя дали отрицательныхъ частей осей, отмѣченныя буквою Г, то изобразится треугольникъ остріемъ къ низу.

3) Третья внутренняя троица соотвѣтственныхъ другъ другу законовъ тожества, тождества и нераздѣльной тождественности, указанныхъ буквой Б, образуетъ не треугольникъ, а точку.

4) Всѣ шесть концовъ осей упираются на окружность круга, внутри котораго помѣщается сосредоточенное скрещеніе соотвѣсныхъ осей.

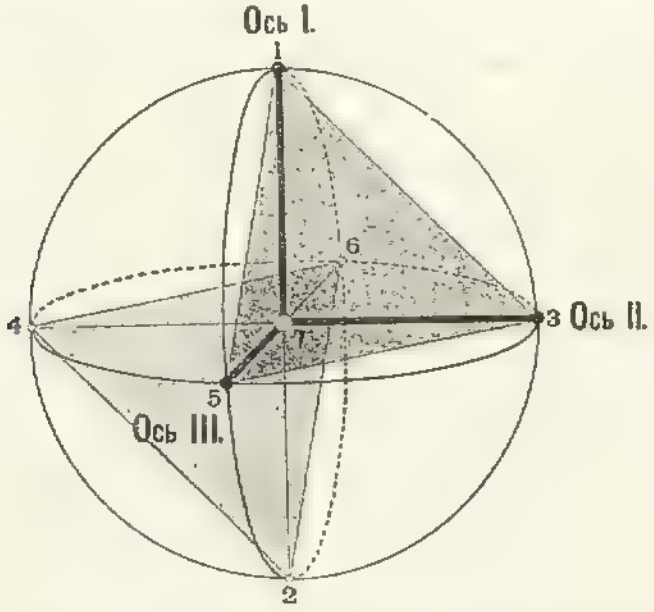
Если теперь всѣ эти составныя части связать вмѣстѣ, то получится какъ-бы масонская звѣзда въ полномъ ея составѣ, съ кругомъ и крестомъ.



Сей плоскій чертежъ, безъ третьей духовной оси,—обликъ матеріалистической мысли масонства. которое по сути не духовнаго, а исключительно вещественно-душевнаго свойства.

Нашъ-же образецъ—объеменъ; въ немъ нѣтъ ни малѣйшей тѣни сходства съ масонскими измышленіями. Мысль соотвѣсной полноты заключается въ опредѣленіи шаровой всеобхватывающей все-

единополной цѣлокупности. Для признанія сего никакихъ доказательствъ не требуется, такъ какъ: 1) треугольники въ обликѣ распредѣленія девяти законовъ мышленія находятся въ разныхъ плоскостяхъ, а не въ одной; 2) плоскаго круга нѣтъ, а взятъ шаровой объемъ, который обхватываетъ своей шаровой поверхностью шесть вершинъ двухъ треугольниковъ; 3) тутъ нѣтъ вписанаго круга внутри двутреугольной звѣзды, нѣтъ и креста, а существуетъ пересѣченіе трехъ соотвѣсныхъ осей. Обликъ и его значеніе безъ сомнѣнія иные, чѣмъ такъ называемой соломоновой печати.



Вообще не плоское начертаніе смыслъ нашего уклада съ точки зрѣнія геометрической.

Лѣпка объемнаго изваянія всеобхватывающей шаровой области (сферы) есть суть нашего облика распредѣленія основныхъ законовъ мышленія. Къ тому-же подобное изображеніе не является обязательнымъ и необходимымъ симво-

ломъ и не уясняетъ содержанія самихъ законовъ, а выбранъ для удобства памяти и наглядиаго представленія всѣхъ взаимныхъ соотношеній 9 законовъ мышленія въ ихъ правильномъ размѣщеніи. Но безъ сего или какого либо иного облика легко обойтись совершенно, и отъ всякихъ другихъ образовъ легко окончательно отказаться, довольствуясь изображеніемъ взаимныхъ отношеній законовъ въ томъ или иномъ видѣ, напримѣръ, расположивъ по категоріямъ построчно и по столбно, или просто ограничившись однимъ послѣдовательнымъ перечнемъ, а именно:

ДЕВЯТЬ ЗАКОНОВЪ ОНТОЛОГИКИ.

ТРИ ЗАКОНА ЛОГИКИ.

1) Законъ противорѣчія.
2) Законъ самотожества.
3) Законъ исключеннаго третьяго.

ТРИ ЗАКОНА ПСИХОЛОГИКИ.

4) Законъ противоположенія.
5) Законъ тождества противоположнаго.
6) Законъ включенія средняго.

ТРИ ЗАКОНА МЕТАЛОГИКИ.

7) Законъ несліянности.
8) Законъ нераздѣльности.
9) Законъ исключенія и включенія четвертаго.

Установкою и выработкою послѣдовательности

этихъ, необходимыхъ для полноты мышленія девяти, законовъ наша задача исчерпывается вполнѣ.

Соотвѣсный сводъ основныхъ законовъ мышленія на лицо.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Подведемъ кратко во едино всѣ изложенныя положенія для большей наглядности выводовъ и заключеній. Выпишемъ главнѣйшія опредѣленія основныхъ понятій нашего изслѣдованія и перечислимъ всѣ установленные законы.

Логикою вообще мы назвали ученіе или науку о пріемахъ и законахъ мышленія.

Она требуетъ постояннаго закономѣрнаго согласованія содержанія мышленія съ словеснымъ его выраженіемъ.

Мышленіе есть та сторона дѣятельности души, которая связываетъ все внѣшнее предметное (часо-мѣро-мѣстное), все сознаваемое личное и все внутреннее духовное съ нѣдромъ или очагомъ самосознанія. Оно порождаетъ — соотвѣтственно тремъ сторонамъ и силамъ познаванія — мысль, которая есть его плодъ, троякаго свойства: мысль разсудочную, разумную и духовно-умную.

Закономъ логики, или аксіомою мышленія, мы назвали выраженіе опредѣленныхъ требованій разума, которымъ должны постоянно подчиняться мышленія при всякомъ воздѣйствіи его силъ во всѣхъ случаяхъ своего проявленія. Мѣрностью логическаго мышленія мы признаемъ не только

неотразимую зависимость мышленія отъ математическаго (числового и геометрическаго) его склада и построенія, не только способъ выраженія мышленія количественными и пространственными образами, но главное внутреннее свойство мышленія — быть мѣрнымъ и числоосновнымъ по сути (существу).

Предметы и понятія внѣшняго міра мыслятся пространственными, временными и мѣрными образами. Предметы и понятія жизненныхъ перемѣнъ и непрерывнаго роста и развитія не могутъ мыслиться полнотою пространственныхъ объемныхъ образовъ, а, препебрегая ими, расклубленіе ограничивается лишь двумя временными и числовыми образами. Такова дѣятельность сознанія, въ ней личныя чувства проявляются значительно больше и сильнѣе, ибо самосознаніе само переживаетъ непрерывную перемѣнность въ своей жизни, не переставая. Мышленіе о предметахъ предѣльнаго и начальнаго сосредоточія окончательно отказывается отъ образовъ и пространства, и времени, сводя все пространственное въ точку, а все часовое къ нулевому мигу времени; оно ограничивается лишь только одними математическими выраженіями. Не будь, на рубежѣ между посюсторонимъ (апріорнымъ) времепшопространственнымъ міромъ и потусторонпимъ (трапсцендентпымъ, объонпольнымъ, метафизическимъ) безпространственнымъ и безвременнымъ состояніемъ, математической связи трапсценденталыюсти, мышленіе нашло-бы всѣ входы въ духовный міръ для себя

замкнутыми, и человѣкъ въ объонпольную область могъ бы проникнуть лишь чистымъ чувствомъ самосознанія, энергіею волевою и углубленіемъ истинной вѣры, но тогда объонпольность (трансцендентность) не была бы доступна никакому словесному выраженію. Теперь же богатѣйшій словарь богословской науки даетъ возможность ясно и опредѣленно выражать словами явленія духовнаго міра. Всѣ понятія предѣльнаго духовнаго числового построенія: единобожіе, двуестество богочеловѣчества, троичность лицъ, т. е. трiипостасность почина и собезначалія и т. д. Математичность служитъ единственнымъ точнымъ мыслительнымъ сверхлогическимъ выраженіемъ духовнаго міра, всѣ остальныя стороны объонпольности пріемлются душею не мыслью только, а преимущественно волевыми силами *признанія*, *волезнанія* и *живознанія* и силою средоточеннаго чувства *сознанія* и *самосознанія*, ибо вѣдѣніе объонпольнаго само по себѣ духовнаго свойства.

Внѣ числоосновнаго постиженія духовной области иного разумнаго пониманія ея нѣтъ. Поэтому числоосновность есть единственный общій устой для всего объема мышленія, для всѣхъ его сторонъ: для предметовъ внѣшняго вещественнаго, личнаго сосредоточеннаго и внутренняго духовнаго содержанія. Общее достаточное основаніе всякаго мышленія заключается въ его разно-количественной числоосновности; посему и общій законъ обоснованія мышленія неизбѣжно *математиченъ*.

Мы выяснили, что обоснованіемъ законодательства мышленія служитъ слѣдующее требованіе: *мышленіе во всѣхъ случаяхъ воздѣйствія всѣми разнообразными своими силами, въ примѣненіи ко всѣмъ областямъ предметовъ мышленія, должно быть достаточно обосновано.*

Общее-же достаточное основаніе заключается въ *соотносительности мѣрности силъ мышленія съ мѣрностью предмета его постиженія.*

Мы вывели, что общій законъ достаточнаго обоснованія признаетъ:

1) отограниченность и объединенность постоянныхъ предметовъ мышленія, называемыхъ нами „метами“; они разсматриваются и признаются *единоосновными* для мышленія: какъ единицы мысли, часо-мѣсто-мѣрныя вещи;

2) слитность всякихъ противоположныхъ непрерывно перемѣнныхъ явей, или текучихъ предметовъ мышленія, что и обнаруживаетъ ихъ *двуосновность*; таковы всѣ длительно-временныя явленія *);

3) *тріединую* основу начально-предѣльныхъ предметовъ мышленія и умо-духовныхъ явленій: нулевое пространственное и временное изначало.

Мѣрность ихъ выразится послѣдовательно 1-цей, 2-й и 3-кою. Она обратно соотвѣтственна мѣрности самихъ предметовъ, ибо неподвижное постоянное въ полномъ ограниченіи мыслится,

*) Явленіе, какъ предметъ мышленія, мы въ нашихъ трудахъ всегда обозначаемъ сокращеннымъ словомъ „явь“. Явь есть мыслимое явленіе, какъ метъ есть мыслимый предметъ.

какъ единица мысли о вещахъ часо-мѣро-мѣстнаго свойства, т. е. о всѣхъ трехъ видахъ вещественнаго существованія; всякое дленіе непрерывныхъ перемѣнныхъ не можетъ мыслиться неподвижно пространственно, а только линейно по времени и мѣрно по число-основѣ; оно потому мыслится лишь двояко: 1) числомѣрностью и 2) двустороннею временностью (часо-мѣрнаго свойства).

Изначаліе творчества, т. е. починная предѣльность, мыслится единомѣрно по единосущности силы ея проявленія (исключительно мѣрнаго свойства).

Мѣрность такого раскрытія предметности послѣдовательно выразится: 3-кой, 2-й, 1-цей.

Соотношеніе между силами мышленія и мѣрою предметовъ его постиженія не прямо соотвѣтственно, но обратно пропорціонально и выражается такъ:

Чѣмъ область мышленія вещественнѣе, тѣмъ участіе разсудочной мыслительности въ сравненіи остальныхъ силъ души ярче; чѣмъ область мышленія болѣе отвлеченно духовна, тѣмъ разсудочная мыслимость тусклѣе, уступая мѣсто свое разумному мышленію, и тѣмъ ярче всѣ остальныя силы души, т. е. тѣмъ свѣтлѣе сознаніе и опредѣленнѣе участіе воли. Знаніе, переходя ступень сознанія, пріобрѣтаетъ силу признанія.

Но это установленное нами обратное соотвѣтствіе не есть единственное въ числовой ихъ взаимности. Мѣрность предмета мышленія, будучи обратно соотвѣтственною самимъ силамъ мысли-

мости, прямо соотвѣтственна количеству, мощности и яркости сосредоченного участія остальныхъ силъ души. Въ первомъ случаѣ почти исключительно дѣйствуетъ мышленіе (логика); во второмъ принимаетъ участіе почти разномѣрно мышленіе и сознаніе (психологика), и, наконецъ, въ третьемъ мышленіе почти окончательно уступаетъ свое мѣсто признанію, т, е. волепознанію, живознанію (металогика).

Само мышленіе теряетъ постепенно свою исключительность. Разсудочность и дѣйствіе самоличнаго сознанія утончаются и обостряются въ разумность, а при содѣйствіи воли и вѣры сама разумность очищается и возвышается въ духовность ума.

Чѣмъ область мысли болѣе отвлеченно-духовна, тѣмъ менѣе замѣтно участіе разсудочной мыслимости и болѣе возростаетъ участіе сознательно-волевого духа.

Однимъ словомъ, здѣсь усматривается двойное и обратное соотвѣтствіе мѣры мышленія съ участіемъ остальныхъ силъ души и съ мѣрою предмета мышленія.

Законъ обоснованія есть законъ ярко выраженной числовой мѣрности.

Достаточнымъ основаніемъ **логики** обособленныхъ постоянныхъ предметовъ силою разсудочнаго мышленія служитъ единоосновность и раздробность (анализъ), на основаніи которыхъ предметъ мышленія, при его утвержденіи, объединяется существенно тѣмъ, что все ему противоположное исключается и отрицается безъ остатка.

Достаточнымъ основаніемъ **психологики** предметовъ разумнаго мышленія непрерывно перемѣнныхъ служитъ двуосновность, соѵзъ, тождество (синтезъ) противоположнаго. Два противоположныхъ предмета разумнаго мышленія отождествляются во взаимномъ соприкасаніи. Оба сосуществуютъ въ третьемъ, но третіе само не существуетъ помимо первыхъ двухъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Достаточное основаніе предметовъ умодуховнаго мышленія предѣльнаго начала **металогики** заключается въ единотроичности новообразованія, съ исключеніемъ какого-либо посторонняго четвертаго. Въ предѣльномъ мышленіи обособленнаго четвертаго помимо и сверхъ трехъ начальныхъ не допускается: четвертымъ можетъ быть лишь средоточіе трехъ несліянныхъ и нераздѣльныхъ отличій въ единомъ, цѣльномъ и полномъ сосуществованіи.

Вотъ, собственно говоря, тѣ основы, которыя дали намъ возможность установить девять законовъ мышленія **онтологики.**

Законы въ ихъ простѣйшихъ выраженіяхъ слѣдующіе:

I. Законы логики.

1. *Законъ противорѣчія.* Никакой мыслительный предметъ не можетъ быть мыслимъ, какъ его противоположность.

2. *Законъ самотожества* требуетъ, чтобы предметъ мышленія мыслился, какъ „этотъ“ именно, а не какъ „другой“ или „иной“.

3. *Законъ исключенія третьяго.* Мысль не тер-

нитъ ничего третьяго помимо двухъ противоположностей.

II. Законы психологики.

1. *Законъ отрицанія самотожества или противоположенія.* Мыслимый предметъ во все время непрерывной перемѣны самому себѣ тождественнымъ не будетъ: онъ самъ себѣ противополагаетъ.

2. *Законъ тождества противоположнаго.* Въ развитіи противоположные предметы мышленія должны мыслиться, какъ тождественные.

3. *Законъ включеннаго средняго (третьяго).* Помимо третьяго предмета мышленія, полученнаго въ тождествѣ противоположныхъ, исключеннаго третьяго нѣтъ: онъ включается, какъ пограничный.

III. Законы металогики.

1. *Законъ единства несліянности.* Всякій мыслительный предметъ предѣльнаго начала долженъ мыслиться, какъ единство совершенно простой, хотя тройственно соборной собезначальности или собезпредѣльности. Различіе мыслительной троичности начало-предѣла должно мыслиться, не взирая на полную единоцѣльность и совокупность, какъ несліянное.

2. *Законъ нераздѣльности.* Мыслимая троичность начало-предѣльнаго должна мыслиться нераздѣльно и сосредоточенно цѣльно, какъ единство купно сосуществующаго.

3. *Законъ исключенія и включенія четвертаго.* Мысль не терпитъ ничего четвертаго, помимо связи трехъ въ единотроичности. Исключеннаго самостоятельнаго четвертаго нѣтъ.

Четвертое есть соузъ всей троицы, принятой какъ единство.

Вся сила законодательства разсудочнаго мышленія логики сосредоточивается на первомъ законѣ противорѣчія. Законы тожества и исключенія третьяго суть лишь поясненія и дополненія перваго. Всѣ три закона чисто предметно-вещественнаго объемнаго свойства ограниченнаго, опредѣленнаго пространства. Всякая единая вещь отограничивается въ свою обособленность и противополагается всему, что не сама вещь.

Психологика, по свойству своему мыслить предметы жизненнаго развитія, двойственна, какъ всякое временное непостоянство, которое, какъ черта, о двухъ направленіяхъ и о двухъ концахъ. Понятія эти всѣ слитнодвусторонніе и содержатъ всегда двѣ противоположности, сходящіяся на промежуточной межѣ. Главная особенность и сила мышленія сосредоточивается на законѣ тождества. Пространственные образы почти ей чужды, за то временные пригодны во всей силѣ. Хотя само время пользуется прямою чертою или кругомъ для наглядnаго изображенія текучести, но черта не содержитъ полноты, пространственности, и объемности, т. е. дѣйствительнаго мѣста въ пространствѣ не занимаетъ.

Достаточное основаніе психологики есть двойственность: она безспорна. Только при разрывѣ непрерывная длительность обращаетъ эту слитную двойственность въ обособленіе.

Присутствіе опредѣленнаго разрыва дѣлаетъ то, что полученный мыслимый предметъ долженъ быть отнесенъ къ числу обособленныхъ, т. е. долженъ подчиниться тремъ законамъ начальной логики.

Самъ разрывъ или перерывъ представляетъ изъ себя остановку жизненной текучести и ея какъ-бы смерть или порожденіе новаго; предѣльная обособленность не можетъ быть мыслима ни логически, ни по законамъ психологики. Прерывность текучести есть понятіе новообразованія, которое переноситъ мысль въ третью область предѣльнаго мышленія или металогики. Она по существу тройственна.

Вся сила мысленной законодательности предѣльнаго утверждается исключительно въ числоосновности, ибо ни пространственныя, ни временныя категоріи для опредѣленія мышленія предѣльности не пригодны. Только мѣра и число въ полномъ ихъ значеніи составятъ содержаніе мыслимости предѣльнаго, и такое мышленіе точно опредѣляется тройственностью.

Вотъ сему поясненіе:

До перелома и разрыва текучесть мыслится двойственно, какъ тождество двухъ противоположностей. Перерывъ дѣлаетъ предметъ обособленнымъ и отъединеннымъ, т. е. единоосновнымъ; значитъ въ самомъ событіи перелома двойственность основы перваго бытія должна сочетаться и слиться съ единичною основою втораго бытія, и получается опредѣленная нами

тройственность основы. Но эта тройственная основа перелома, кромѣ того, тройственна сама по себѣ, а не только по сочетанію, ибо здѣсь сливаются существенно три разноосновныхъ предмета мысли: А) переломъ, нулевого свойства, Б) текучесть двойного свойства и Г) прерванная текучесть становится единичною обособленностью; тройственность съитожилась сліяніемъ трехъ составныхъ частей (элементовъ) А, Б и Г, а не только итогомъ ая $0 + 1 + 2 = 3$.

На границѣ по-сю и по ту-сторонняго вещественнаго и жизненнаго міра, т. е. на рубежѣ перехода въ предѣльность, изъ всѣхъ категорій представленія и мышленія сохраняетъ силу лишь число-мѣрная, ибо при переходѣ отъ разумнаго къ умно-духовному временно - пространственныя опредѣленія исчезаютъ логически безслѣдно; время становится вѣчностью, пространство становится точкою. Въ объонпольномъ мірѣ ни времени, ни мѣста нѣтъ, лишь числоосновность служитъ связью силъ разумнаго мышленія съ одной и духовно-умнымъ мышленіемъ съ другой стороны. Эта область познается, какъ было выяснено нами, не мышленіемъ только, а преимущественно вѣрою и волевымъ познаніемъ (признаніемъ).

Законъ мышленія начальнаго предѣла весь сосредоточивается на законѣ достаточности числомѣрнаго мышленія сего предѣльнаго круга, а именно въ единотропчности, которая опредѣляется или отограничивается закономъ включеннаго

нераздѣльнаго четвертаго и исключенія обособленнаго четвертаго. Тройственное предѣльное единство даетъ точное опредѣленіе области, которая вся цѣликомъ по ту сторону жизненно-вещественнаго.

Единотроичность отличительная черта мышленія христіанскаго; она ложно попята модпымъ масонскимъ мистицизмомъ спиритизма, оккультизма и теософіи и сознательно отрицается жидовскою мыслью; ибо жидовство упорно отрицаетъ вмѣстѣ съ лже-христіанскими унитаріями (подобно отчасти гр. Л. Толстому и Чанингу) святую Троичность Божества Личнаго Творца. Единотроичность отличительная черта мышленія предѣльнаго собезначальнаго.

Но кромѣ начальнаго, или починнаго, предѣла, мысль допускаетъ и конечный предѣлъ довершенія. Хотя мы вскользь упоминали не разъ и объ этомъ собезпредѣлѣ, но не остановились на немъ и не вывели особаго ряда закона мышленія. Причина тому въ томъ, что мысль можетъ обосновать отчасти, и то только мѣрночисленнымъ способомъ, *начало предѣльнаго*, но участвовать въ его развитіи, гдѣ главная сила заключается въ законахъ эстетики и энергики, этики и духовной вѣры, исключительному мышленію становится не подъ силу. Разуму, какъ таковому, нѣтъ никакой почти возможности мысленно подняться до яснаго пониманія вершинъ сего развитія и достичь предѣльнаго нравственнаго и духовнаго совершенства.

Въ логикѣ исключительно законодательствуетъ мышленіе, и ее раціоналисты признаютъ единственною для мышленія способною и пригодною; начальную логику и мы приняли, какъ *образцовую* дисциплину формальнаго мышленія, освобожденную отъ посторонняго вмѣшательства, но не обезпечивающую нисколько достовѣрность познанія.

Въ психологикѣ мышленіе уже дѣлитъ свою дѣятельность (хотя только отчасти) съ психологіей, и въ этомъ психологика высказываетъ еще разъ свою двойственность.

Въ металогикѣ, которую можно было-бы назвать также пневмалогикой, мышленіе едва обнаруживаетъ свое существованіе; значеніе мышленія умалилось до крайности, оно еще держится въ общей связи съ силами духовными лишь своею математичностью и только. Вѣдѣніе предѣловъ совершенства требуетъ непремѣннаго участія личнаго сознанія и вѣропониманія, живознанія и вѣроволенія истинновѣрующаго, достигаемыхъ молитвою и св. таинствами.

Вѣра-же, какъ познаніе, менѣе, чѣмъ какая другая сила познанія, нуждается въ содѣйствіи низшихъ силъ мышленія дробной разсудности и даже синтетическаго отождествляющаго разума. Стремленіе къ совершенству достигается не вѣдѣніемъ и мышленіемъ только, а пріобщеніемъ всего человѣка съ его вѣдѣніемъ и мышленіемъ къ вѣроисповѣдной правдѣ, истинѣ и духовному добру (благодати). Совершенство же сверхпре-

дѣльнаго (т. е. собезпредѣльнаго) есть любовь и святость.

Ноэтика въ союзѣ съ этикой, эстетикой и энергикой помогаютъ вѣроисповѣданію выражать словомъ предметы совершенства и благодати, но установлять законы мышленія совершенства не въ силахъ; оно и не нужно, оно и не наша задача.

Мы и психологіи коснулись очень поверхностно, а вопросы вѣры и богопрославленія нами безусловно устранены изъ этого труда; а потому законовъ мышленія о совершенствѣ собезпредѣльности здѣсь не выводимъ и даже возможности или невозможности ихъ вывода не доказываемъ. Раскрытіе законовъ же изпачальнаго предѣла, содержа математическую обосновность, напротивъ, вмѣняется въ обязанность, нами принятую, оно нашъ прямой долгъ. Законы эти потому еще неизбѣжны намъ, что вся цѣль новаго построенія заключается именно въ необходимости ими обосновать достовѣрность и неопровержимость взгляда *славянофильства,* утвержденнаго на изначальныя понятія духовной области, изъ числа которыхъ понятіе о свободѣ и творчествѣ вообще и о безусловной свободѣ и творчествѣ Божеской, по преимуществу, самое коренное.

Раскрыть содержаніе мышленія о единотроичности и подкрѣпить закономъ достаточной обоснованности это краеугольное положеніе христіанской догматики должно составить задачу того единомышленника великаго Хомякова, который

взялся-бы изобразить основанное имъ научно-философско-богословское ученіе, именуемое Славянофильствомъ, въ стройный, соразмѣрный, послѣдовательный и, по возможности, упрощенный распорядокъ, а изобразить чертежно эту стройность иначе, какъ соотвѣспымъ построеніемъ нельзя, ибо нѣтъ другого образа, который могъ-бы начально-просто и наглядно нарисовать весь обхватъ всего ученія вселеннаго размѣра.

Трех-осное распредѣленіе законовъ мышленія является наиболѣе естественнымъ и чрезвычайно яркимъ. Къ тому же такое координатное (соотвѣсное) построеніе трех-троичнаго свойства намъ кажется еще и предѣльнымъ. Во всякомъ случаѣ оно вполнѣ достаточно удовлетворительно для изложенія полноты славянофильства. Иные болѣе простые образцы построенія потому не пригодны, что въ нихъ не хватало положеній для всѣхъ предѣльныхъ понятій и ихъ основныхъ законовъ. Познаніевѣдѣніе подвергнуто славянофильствомъ глубокому изслѣдованію, и оно ярко отличаетъ весьма сложную многогранность сторонъ познавательныхъ силъ. Для приведенія ихъ въ стройный порядокъ—укладъ трехъ пересѣкающихся соотвѣсовъ вполнѣ достаточенъ. Онъ-то будетъ положенъ въ основу предстоящихъ работъ нашихъ о гносеологическомъ ученіи первыхъ славянофиловъ, которыя, подъ названіемъ «*Познаніевѣдѣніе по славянофильскому ученію*», составятъ первую часть общаго труда «*Любомудріе по Славянофильству*».

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Всякое добросовѣстное научное или философское ученіе есть приближеніе познанія къ истинѣ, а не сама истина. Полное, доступное человѣческому уму, познаніе истины—лишь въ Вѣрѣ. Такое познаніе приводитъ человѣка къ правильному и праведному прославленію самой Истины, еже есть Богъ, а прославленіе не можетъ быть выражено иначе, какъ словомъ, т. е. логосомъ правды, и непремѣнно логично. И если законы правильнаго познанія и прямого прославленія Истины можно вообразить себѣ прямою, т. е. правильною чертою, то научное и философское познаніе изобразится винтовою неправильною кривою, которая, кружась по коловоротнымъ извивамъ вокругъ прямой, то приближаясь, то удаляясь отъ нея, слиться съ нею не можетъ. Лишь въ предѣлѣ вѣковъ оба направленія отождествятся и не иначе, какъ когда законы мысли сольются съ догматами Истины, когда наука и любомудріе отождествятся съ Вѣрою.

Наше ученіе о трехстороннемъ сводѣ основныхъ законовъ мышленія есть только одно изъ приближеній къ познанію истины. Ни единый

ученый въ мірѣ, какъ-бы ни былъ онъ знаменитъ или какимъ-бы титуломъ учености ни обладалъ, не смѣетъ сказать про себя и свое ученіе: „я вамъ даю истину, я есмь сама истина *), а все остальное одна неправда, одна ложь".

Всякій добросовѣстный мыслитель долженъ имѣть смѣлость признать, при появленіи новаго высшаго познанія, его превосходство и отказаться отъ своего ученія въ пользу лучшаго. Настоящій истинный ученый долженъ питать къ чужимъ убѣжденіямъ и ученіямъ высшую терпимость. Будемъ терпимы и мы. Установивъ цѣлокупное распредѣленіе законовъ мышленія, мы могли-бы съ полною откровенностью и безъ всякаго сомнѣнія и самомнѣнія сказать, что внѣ нами установленныхъ законовъ ничего иного лучшаго не существуетъ, ибо, если-бы существовало что-либо лучшее въ сравненіи съ нашими взглядами, то мы должны были бы, признавъ превосходство другого, отказаться отъ своихъ домысловъ и присоединиться къ ученію болѣе счастливаго изыскателя. Безъ этого неизбѣжнаго для насъ самопризнанія доброкачественности своего труда не для чего было-бы работать. Да мы, при всей терпимости къ чужимъ мнѣніямъ, иначе и утверждать не можемъ, что нашъ взглядъ и нашъ сводъ законовъ въ дѣйствительности правильный; причемъ вовсе не считаемъ себя хоть на малую долю хвастливымъ, уже просто по-

*) Слова Гегеля.

тому, что не приписываемъ себѣ лично въ нашемъ настоящемъ трудѣ ничего новаго: все написанное нами существуетъ издавно и выражено многими разнообразно. Логика Аристотеля принадлежитъ древнему классическому мышленію. Психологика принадлежитъ нѣмецкому „учителю истины Гегелю“, хотя сей учитель далекъ отъ того, чтобы быть самой истиной, даже по тому одному, что вздумалъ считать себя самого за истину. Законы металогики основаны на догматахъ Православной Церкви Христовой, приведенныхъ лишь въ связь съ психологическими положеніями жизненной перемѣнности и съ логическими аксіомами безжизненнаго условнаго (формальнаго) постоянства.

Конечная цѣль всякаго познанія истины, (и въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія),—слиться съ самою Истиною, и такое познаніе должно обладать полнотою ясновидѣнія; оно должно дѣлать поборниковъ своихъ безошибочными предсказателями и даже прозорливыми пророками дѣйствительности. Многократно повторенный опытъ въ фактическомъ исполненіи предвѣдѣнія тому несомнѣнная порука, а этотъ опытъ доступенъ всѣмъ причастнымъ истинѣ. Обладаютъ настоящею истиною чаще всего не ученые, но чистые сердцемъ, и еще того чаще убогіе въ научныхъ познаніяхъ и свободные отъ лжи западно-европейской культуры. Напримѣръ, самые простые русскіе мужики, почему-то несправедливо называемые не свѣтлымъ, а сѣрымъ народомъ, иные монахи, схим-

ники, затворники, познаютъ истину въ доступной человѣку полнотѣ и во всякомъ случаѣ просвѣщеніе всякихъ гордыхъ своимъ разсудкомъ Гегелей.

Это не значитъ, что вообще научное мышленіе излишне. Наоборотъ, мышленіе богословское, философское и опытно-научное имѣетъ громадныя преимущества, а именно: оно значительно производительнѣе, неизмѣримо легче находитъ словесныя выраженія самой истины и притомъ всегда обоснованныя и доказательныя. Научное изложеніе истины пріобрѣтаетъ высокую способность быть воспринятымъ людьми исключительнаго разсудка, пропитанными односторонностью западноевропейскаго знанія: для нихъ иное изложеніе былобы непонятно. Затрата силъ мышленія и времени воспріятія научно-изложенныхъ ученій истины при даровитомъ ихъ изложеніи доходитъ до наименьшихъ размѣровъ, и это потому, что соразмѣрное мышленіе позволяетъ быстро находить соотвѣтствіе между предлагаемымъ новымъ ученіемъ и старымъ привычнымъ укладомъ, давно усвоеннымъ и много разъ провѣреннымъ. Такое совпаденіе или соотвѣтствіе новаго съ привычнымъ, будучи многократно повторяемо, получаетъ окраску чего-то незыблемаго, непреложнаго, такъ что эти постоянныя привычныя положенія даже становятся въ концѣ концовъ само-очевидными для здраваго смысла; они получаютъ иногда свойства постояннаго закона.

Приводить все возможное во всѣхъ областяхъ

познанія и вѣдѣнія къ законамъ истины—великое сбереженіе мыслительныхъ силъ и часто источникъ новаго творчества и дальнѣйшаго раскрытія образовъ истины. Что-же мы сдѣлали въ этомъ направленіи? Мы установили девять подобныхъ законовъ и перечислили по порядку то, чѣмъ всегда руководится все человѣчество, когда мыслитъ часо-мѣсто-причинное вещество, когда мыслитъ часо- мѣрную длительность чего либо душевнаго, когда мыслитъ мѣрность ея предѣльности духовнаго возвышенія.

Всякая новая мысль должна найти въ соборѣ или сводѣ основныхъ законовъ соотвѣтственное себѣ положеніе, тогда обнаруживается немедленно ея внутренняя сущность и выдвигаются и всѣ побочные ея придатки. Мысль, послѣ этой установки различія и отдѣленія главнаго отъ случайнаго, выясняется съ кристаллическою прозрачностью.

Такимъ сопоставленіемъ, соотвѣтствіемъ и соотвѣсностью (координативностью) выигрывается трудъ, время и достигается наибольшая изобразительность и картинность. Соотвѣтствіе и сообразность есть коренное свойство всякаго мыслительнаго дѣйствія. Сосуществованіе и взаимная послѣдовательность въ соборной цѣльности, установленныя основными законами мышленія, даютъ яркій и наглядный мыслительный образъ предмета мышленія, но изъ всѣхъ способовъ выраженія самый ясный, явный и коренной—математическій, опъ собственно и есть основа

числомѣрная и объемноограниченная. Такъ единство безъ соборности есть суть самаго простого обособленнаго разсудочнаго образа; единство двойного проявленія, но безъ соборной множественности, есть суть второго, болѣе сложнаго жизненнаго, образа и, наконецъ, единство трехчленной соборности двойственныхъ осей есть суть третьяго самаго сложнаго вида законовъ мышленія. Мысль едва схватываетъ эту сложность при всей ея простотѣ, она, *какъ мысль*, недоступна многимъ геніальнымъ дарованіямъ, напр. гр. Льву Толстому, *какъ фактъ дѣйствительности*, непосредственно пріемлема милліонами простыхъ сердцемъ и чистыхъ людей со здравымъ природнымъ смысломъ.

Наукообразное выраженіе сего явленія дѣйствительности и есть предметъ оптологики. Въ ней всѣ законы мышленія для наглядnаго воспріятія изображаются чертежно и рисуются соотвѣсными осями, кои даютъ представленіе вполнѣ ясное даже объ изначальныхъ и конечныхъ предѣлахъ, ибо чего-же проще, какъ представить себѣ шаръ съ внутреннимъ сосредоточеннымъ очагомъ на пересѣченіи трехъ осей.

Объемный перекрестъ этой соотвѣсности (координаціи) есть, хотя достаточно сложное, но наиболѣе упрощенное выраженіе многосторонней стати металогики всякаго изначальнаго предѣла и конечнаго совершенія и духовнаго живознанія соборной совѣсти, ученымъ изслѣдователемъ котораго и былъ Хомяковъ.

Мы въ правѣ, безъ боязни на обвиненіе въ неумѣстности, поставить рядомъ съ именами творца логики Аристотеля, творца философіи тождества и историзма Гегеля, еще и имя творца любомудрія соборнаго живознанія славянофильства, Хомякова.

Быть можетъ, во всемъ другомъ неумѣстенъ Хомяковъ на ряду съ Аристотелемъ и Гегелемъ, ибо первый былъ язычникъ и выразитель языческаго мышленія, второй былъ сектантъ самовѣръ и выразитель тщеславнаго нѣмецкаго (романогерманскаго) самомнѣнія, а Хомяковъ скромный міряпинъ, но міряпинъ Святой Православной Церкви Бога Слова и Истины. Но въ области мысли, Хомяковъ, будучи довершителемъ мірового развитія законодательства мышленія, имѣлъ дѣйствительными предшественниками въ міровой наукѣ только двухъ: Аристотеля и Гегеля, и, посему въ ходѣ развитія сей науки о мысли, эти три имени навсегда будутъ связаны неразрывно: **Аристотель, Гегель, Хомяковъ.**

Да, Хомяковъ — выразитель математичности мышленія предѣльныхъ сутей и соборной истины Православной Вѣры. Хомяково ученіе предѣльной мысли укрѣпило устои соразмѣрнаго научнаго выраженія законовъ мышленія, ибо никто другой, какъ Хомяковъ, не возвелъ въ современномъ любомудріи, „*мысль*“ до высоты *Первомысли*, иначе *Промысла Божьяго*. Онъ пишетъ:

„Церковная терминологія, для обозначенія внутреннихъ отношеній Божества, допускаетъ

два слова, не вполнѣ одно другому соотвѣтствующія (Лицо и Ѵпостась).

Тотъ, конечно, не заслужилъ бы порицанія, кто попытался бы опредѣлить эти отношенія строже, и сказалъ бы, что упомянутыя названія даны тремъ вѣчнымъ *фазисамъ Божіей мысли.*

Нѣмецкіе ученые высказали это опредѣленіе, на которое находится намекъ у св. Иринея; но въ ихъ писаніяхъ оно носитъ характеръ заблужденія и содержитъ въ себѣ предположеніе *послѣдовательнаго развитія,* подобнаго развитію человѣческой мысли, что было бы совершенно ложно. Конечно, человѣкъ, и разумная тварь вообще, — образъ Божій; но не въ безусловномъ смыслѣ. Фазисы бытія конечнаго (въ смыслѣ ограниченнаго) (какъ бы ихъ ни называли) столь же несовершенны, какъ и само конечное (ограниченное) бытіе.

Они, такъ сказать, не болѣе, какъ стремленіе. Каждый логическій моментъ мысли несовершенной еще болѣе несовершенъ, чѣмъ сама эта мысль по себѣ. Никогда *первомысль* не можетъ перейти сполна въ фазисъ своей объективности; никогда мысль-объектъ (по нашему метъ) не приходитъ сполна въ фазисъ опредѣленнаго познанія. Иначе въ Божествѣ.

Оно есть совершенство бытія, и потому въ немъ всѣ законы мысли осуществляются въ ихъ безусловномъ совершенствѣ. Все, что есть въ *Первомысли,* есть непремѣнно отъ вѣчности и въ Ея *Словѣ;* все, что есть въ Словѣ, есть непре-

мѣнно отъ вѣчности въ опредѣленномъ *Познаніи*. Итакъ существо всецѣло пребываетъ въ каждомъ изъ своихъ фазисовъ, удерживая при этомъ отличительную особенность этого фазиса и отношеній его къ другимъ. На эту полноту бытія намекаютъ выраженія:

„Лице“ или „Упостась“. Говорю *намекаютъ, ибо человѣческій языкъ не способенъ ни опредѣлить, ни описать тайну Божества.*

Но всѣ вообще этого рода выраженія могутъ только служить намеками на идею, но не опредѣленіями ея. Кто принялъ бы аналитическое движеніе въ церковной терминологіи за развитіе Церкви, тѣмъ самымъ всецѣло погрузился бы въ раціонализмъ. Трудъ аналитическій неизбѣженъ; мало того, онъ благъ, онъ святъ, ибо свидѣтельствуетъ, что вѣра христіанъ не простой отголосокъ древнихъ формулъ; но онъ только указываетъ на сокровище глубокой и невыразимой мысли, присно-хранимое Церковью въ своихъ нѣдрахъ. *Мысль эта не умѣщается въ одной познавательной *) способности, она почіетъ въ полнотѣ разумнаго и нравственнаго бытія*„. (II. 241—242).

Достаточно намъ и этой выписки, чтобы доказать съ полною убѣдительностью, что Хомяковъ опредѣлилъ тутъ ясно, въ чемъ суть предѣльной мысли или, какъ онъ выразился, Первомысли или Промысла, т. е. мысли единотроичной по сути: мысль, которая есть (метъ); мысль, кото-

*) Въ смыслѣ разсудочной силы. Нами познавательность понимается шире.

рая проявляется (явь); мысль, которая себя сознаетъ (суть). (Хом. II 240. Подстрочное примѣчаніе).

Хомяковъ, творецъ славянофильскаго любомудрія, довершилъ міровой трудъ, начатый безсмертнымъ язычникомъ Аристотелемъ и развитый сектантомъ Гегелемъ, опрокинувъ надменную его нѣмецкую исключительность.

Эллинъ-язычникъ Аристотель, нѣмецъ-сектантъ Гегель и великорусскій православный славянинъ Хомяковъ, — вотъ три установителя законовъ мышленія. Первый у подошвы, второй на склонѣ, третій на вершинѣ горы мысли и слова.

О язычествѣ Аристотеля говорить нечего.

О протестантѣ Гегелѣ можно сказать, что онъ христіанства держался не твердо. Онъ не побоялся богохульствовать, когда въ 1820 г. сказалъ: „я готовъ повторить вслѣдъ за Іисусомъ Христомъ: я учу истинѣ, я есмь сама Истина“. Какъ далекъ этотъ даровитый ученый, зазнавшійся до маніи величія, отъ самой Истины, отъ ученія Самого Христа Спасителя! Истина, по мнѣнію Гегеля, заключается въ совершенной побѣдѣ надъ всѣми различіями, а его философія достигла первая такой побѣды.

Думать про себя, что „я сама истина“, т. е. Богъ,—есть вѣрный признакъ конца развитія школы, коей считаешься выразителемъ. Будучи признаннымъ официальнымъ представителемъ прусской философіи, онъ знаме-

новалъ собою предѣлъ разсудочной маніи величія, вслѣдъ за коей неизбѣжно наступаетъ паденіе. Гегель, дѣйствительно высшій представитель романо-германской мысли, довершилъ достойно національный трудъ нѣмецкаго философскаго обобщенія. Его міровоззрѣніе дошло до крайнихъ предѣловъ самовозвышенія, такъ какъ въ немъ отождествилась дѣйствительность съ мыслью.

Гегель единственный мыслитель, для котораго мысль все, для котораго философія была не вспомогательная наука для достиженія истины, а цѣль, ибо реальна была у него одна только мысль; и философія мысли стала самою истиною. Гегель довершилъ самонадѣянный раціонализмъ школы: онъ ее „довершилъ и разрушилъ“, именно тотъ самый Гегель, котораго сами нѣмцы называли послѣднимъ героемъ нѣмецкаго мышленія (дер лецте Герос дес деуйчен Гейстес), но который, по словамъ Хомякова, былъ послѣднимъ титаномъ разсудка (дер лецте Титан дес Ферштандес), самъ сознавалъ свое безсиліе: ‚ес фельт дох етвас ан мейнер Философи“—„чего-то все-же не достаетъ въ моей философіи“.

По мнѣнію Хомякова Гегель, создавшій свою исторію по требованіямъ человѣческаго разума, а не по полнотѣ дѣйствительнаго смысла, создалъ систематическій призракъ, въ которомъ строгая логическая послѣдовательность или мнимая необходимость служитъ только маскою (ли-

чиною), за которою прячется неограниченный произволъ ученаго систематика. Гегель просто на просто изобразилъ исторію на изворотъ, принявъ слѣдствія за причины. Еще болѣе нелогиченъ Гегель въ математическихъ своихъ укладахъ, такъ какъ въ нихъ замѣщеніе слѣдствія причиною приводитъ къ абсурду разительнѣе, и несуразность обрисовывается рѣзче. И въ математикѣ Гегель былъ вѣренъ самому себѣ, ибо, признавъ законъ тождества противоположнаго всюду примѣнимый, отождествилъ причину со слѣдствіемъ, т. е. приложилъ законъ тождества къ области предѣльнаго. Поэтому Гегель такъ часто впадаетъ въ самую нестерпимую безсмыслицу. Въ чемъ же мыслительный грѣхъ Гегеля? Гдѣ ложь его системы, не взирая на признанную ея геніальность? Хомяковъ видитъ корень неправды гегельянства въ *партикуляризмѣ* (I. стр. 37), т. е. *ограниченности ученія*. Гегель и Аристотель частичны и односторонни. Вотъ ихъ коренное заблужденіе, но въ предѣлахъ ихъ ограниченности уклады ихъ глубокаго смысла и значенія. Они начинаютъ впадать въ вздорность, когда переступаютъ естественныя границы приложимости ихъ ученій.

Умственная *партійность* или *партикуляризмъ* настоящая причина нестерпимой и убійственной нелогичности и нелѣпости иныхъ выводовъ ограниченнаго въ мысляхъ гегельянства.

Партикуляризму Гегеля противостоитъ соборность и цѣльное познаніе (живознаніе) Хомякова

Вообще нѣмецкая философія не есть философія всецѣлаго разума; ее должно признать наукою діалектическаго разсудка, и въ этомъ смыслѣ она есть великій и безсмертный памятникъ человѣческаго генія. Она сближается по преимуществу съ чистою математикою, въ которой законъ количественности исключаетъ всякую дѣйствительность существенности. (Хом. I—275).

Славянофильство есть любомудріе всецѣлаго познанія. Оно есть цѣльномудріе достойной и дѣйствительной жизни и въ этомъ смыслѣ сближается съ аритмологіей, гдѣ количество совпадаетъ съ существующими въ дѣйствительности предметами исчисленія.

Представитель соборной православной мысли Славяно-Эллинскаго просвѣщенія Божьяго Слова, Хомяковъ, былъ необычайной скромности. Онъ свое исполинское по силѣ мысли соборное ученіе назвалъ лишь *намекомъ*. Тѣмъ не менѣе Хомяково дѣло—дѣло міровое.

Хомяковъ, гонимый и осмѣянный за свою пламенную любовь къ своему родному племени, довелъ вдохновленную своею мудростью глубину мысли до вершины горы разумно - духовнаго законодательства, и на этой вершинѣ водрузилъ скрижали *соборнаго восточнаго просвѣщенія Славянофильства*. **Свѣтъ Хомякова ученія есть свѣтъ ученія Святаго Православія.**

8 ноября, 1908.
Соборъ Архистратига
Михаила.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ. I

ВСТУПЛЕНІЕ. VII

ГЛАВА I. **Предварительныя понятія.** 13

1. Что есть логика? 2. Что есть мышленіе? 3. Что есть законъ логики и мѣрность мышленія?

ГЛАВА II. **Числоосновность нашего построенія начальныхъ законовъ мышленія.** 33

ГЛАВА III. **Самостоятельность трехъ областей мышленія и его общій законъ достаточнаго обоснованія.** 44

ГЛАВА IV. **Логика. Законъ области разсудочнаго мышленія:** 58

1. Законъ самотожества, 2. Законъ противорѣчія, 3. Законъ исключенія третьяго, 4. Взаимное соотношеніе и построеніе законовъ начальной логики.

ГЛАВА V. **Психологика. Законы области разумнаго мышленія:** 79

1. Законъ отрицанія самотожества, 2. Законъ тождества противоположнаго, 3. Законъ включеннаго третьяго.

ГЛАВА VI. **Металогика. Законы области умнодуховнаго мышленія:** 90

1. Законъ собезначальности, 2. Законъ нераздѣльности, 3. Законъ несліянности, 4. Законъ включенія и исключенія четвертаго.

ГЛАВА VII. **Построеніе уклада.** 111

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНІЕ 143

ПОСЛѢСЛОВІЕ. 158

IX-2/64

ОПЕЧАТКА.

Стр. 135. Напечатано: . . . . . четвертаго. Всѣ
Слѣдуетъ: . . . . . четвертаго, всѣ

Спб. Отечественная типографія. Подольская, 34.

2007041338